

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

3/2012

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. А. АКЧУРИН

Б. Т. КОЙЧУЕВ

Е. Г. КОЛЕСНИКОВ

Т. Т. МУРАТАЛИЕВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

На первой стр. обложки: фрагмент картины
Ж. Матураимова «Репетиция».

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефоны: 62-16-05, 62-16-01

E-mail: literary_kyrgyzstan@rambler.ru

Журнал издается при спонсорской поддержке
издательства «Турар»

НЕ ЗАРАСТЕТ ЧИТАТЕЛЕЙ ТРОПА

Народному писателю Кыргызстана, замечательному прозаику и драматургу **Казату Акматову**, чьи талантливые, самобытные произведения широко известны на просторах бывшего Советского Союза и в ряде стран Европы, исполнилось семьдесят лет! Его творческий путь не был

безоблачным. Ему крепко доставалось и от властьпредержащих, и от костоломной официальной критики. Но это только закаляло писателя. Символично, что его первая литературная премия еще во времена Союза – премия имени Н. Островского, автора романа «Как закалялась сталь». Многие произведения Казата Акматова, ставшие впоследствии классикой, – повесть «Мунабия», романы «Мезгил» и «Архат» публиковались в «Литературном Кыргызстане» и вызвали большой интерес у наших читателей. Перечень написанных им книг не столь пока и велик, но выход каждой из них – всегда явление в литературной и общественной жизни. Он лауреат Государственной премии имени Токтогула. Его творчество изучается в школах и вузах, исследуется в дипломных работах и кандидатских диссертациях.

Искренне, от всего сердца поздравляя Казата Акматова с юбилеем, мы желаем ему, мастеру художественного слова, замечательному человеку, крепкого здоровья, семейного благополучия и новых творческих свершений, новых книг, к которым не зарастет читателей тропа!

Редколлегия «ЛК»

СОДЕРЖАНИЕ «ЛК» № 3/2012

ПРОЗА

Николай Труханов. Веснянка. Рассказ	5
Алексей Агибалов. Лопнувшая струна. Рассказ	39
Виктор Кадыров. Родиться в небесах. Рассказ	52
Владимир Медведев. Заххок. Роман (продолжение)	74

ПОЭЗИЯ

Нурлан Калыбеков. Мое время. Стихи	138
Сергей Степанов. «Души, исполненной влечений...» Стихи	146
Альфред Енгальчев. «Благословляю небо и птенца...» Стихи ..	158

ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий Сандлер. Побег из ада на земле	165
Александр Крячун. Заметки писателя – последнего топографа планеты	188

КУЛЬТУРА

Дмитрий Ащеулов. Бишкек живописный	205
---	-----

Коротко об авторах	216
---------------------------------	-----

ПРОЗА

Николай ТРУХАНОВ

ВЕСНЯНКА

Рассказ

Горные лыжи, быть может, не являются счастьем, но вполне могут его заменить

Оноре Бонэ

Вот опять вынужденные «каникулы» - уже не первый год продлевают новогодние праздники. Такие вот «каникулы», как и другие нерабочие дни, превращали пребывание Александра Дмитриевича в пустой квартире в мучение. Тишина была невыносимой, и он включал телевизор, который создавал иллюзию присутствия в соседней комнате ещё кого-то. А он, не прислушиваясь и не вникая, что там тараторит Андрей Малахов, сидя в кресле с раскрытой книгой, бездумно глядел в окно, где уже темнело зимнее небо. Иногда он переводил взгляд на большую фотографию, на которой Любушка была снята стоящей на горных лыжах на фоне белых вершин. Любушка, его Любушка... Жену он потерял два года назад. Горе тогда едва не убило его. Забывал поесть, не мог работать, жил как в каком-то сне, по инерции... Зажигал тонкую поминальную свечу и подолгу сидел, погруженный в какое-то гипнотическое состояние. Пламя разрасталось, заполняло всё вокруг... И в нём он начинал видеть лицо своей жены, любимое лицо, разговаривал с ней... С трудом возвращался к реальности. Ходил, спал, постоянно просыпаясь... Вздрагивал, когда ему казалось, что в спальне пошевелилась Люба... Или позвала его... Тогда-то он и поседел. Поседел так же внезапно, как внезапно, за какие-то пару месяцев, угасла его жена...

«Любушка, Любушка... Так хочется, чтобы ты была рядом, знать, что сидишь, смотришь свой очередной сериал... Поговорить с тобой. Или помолчать. Вот и сейчас я молчу, а тебя-то нет! Больно! Ох, как больно! - так думал под невнятное бормотание телевизора Александр Дмитриевич. - Ах, Любушка, Любушка! Моя добрая, заботливая половинка! Как мне не хватает тебя в моей теперешней жизни! Твоей простой жизненной мудрости, твоего тепла, заботы... Твоих чудесных праздничных тортов... Как ты всё успевала?.. Боже мой, в последнее время ты, больная уже, готовила к моему приходу ужин... С трудом вставала, но готовила... А когда уже и встать не могла, говорила, извиняясь: «Прости, Саня, сегодня мне что-то совсем плохо. Разогрей там...». Успокаивал её, а сам уходил на кухню и плакал от жалости и бессилия.

Но жить-то надо. Со временем боль и тоска... нет, не пропали, а как бы притупились и только ныли, как ноют покрытые коростой раны. Только иногда подкатывало такое, что выть хотелось! Чаще по праздникам да выходным... А здесь ещё эти каникулы! В такие дни боль входила в него, как будто в сердце вонзался тонкий, злой стилет и проворачивался там чьей-то безжалостной рукой! Надо было бы заняться чем-нибудь, хотя бы почитать, фильм какой посмотреть. Но ничего не хотелось. Полнейшая апатия...

Сын, Андрей, приезжал уже после похорон, но побыл с ним всего два дня. И всё скулил, жаловался на что-то... То ли невеста бросила его, то ли... Александр Дмитриевич не вникал, почему тот хнычет... Он был погружён в своё горе.

Александр Дмитриевич ходил, как всегда, на работу, с трудом вникал в дела, продолжая думать о своём...

В его отсутствие соседка убирала квартиру, стирала, готовила ему еду, которая иногда стояла в холодильнике целую неделю... Порой заглядывали друзья... О чём-то говорили...

Теперь вот эти «каникулы»... Будь они неладны!

Александр Дмитриевич отложил книгу, прошёлся по комнате, вытянул с полки ещё какую-то, раскрыл, пробежал по строчкам, поставил на место... Взял ещё одну... Но это была не книга, а альбом со старыми фотографиями. Яркие, солнечные фотографии из другой жизни, где были снег и лыжи. Он непроизвольно стал вспоминать, когда были сделаны эти снимки: вот на сорев-

нованиях по окончании сезона, вот он с друзьями на самом вер-ху трассы, вот Борис в красивом прыжке, вот Серёга со Светлан-кой синхронно...

«Что-то я совсем забыл про лыжи. Совсем забыл... Сколько я уже пропустил? Два сезона! Кто-то говорил, что на базе кре-сельный подъёмник поставили. Друзья звали, а я... Может быть, поехать, покататься? Поеду! Тем более Руслан звонил, звал - зачем-то я ему там понадобился».

Руслан, Руслан Николаевич – его давний друг, - был дирек-тором акционированной когда-то горнолыжной базы. Акционером стал и Александр Дмитриевич, и многие, кто начинал эту базу в незапамятные времена. С тех пор она стала настоящей «горно-лыжной Меккой», расположенной сравнительно недалеко от го-рода, с несколькими подъёмниками, с просторным катком, с про-катом снаряжения. Гостиницу построили, столовую, несколько больших коттеджей! В последнее время ещё и кафе... И поехал туда всякий народ в воскресные дни да на праздники покататься на лыжах, на сноубордах и коньках. А многие и просто выпить на природе чего-нибудь покрепче чая, создавая потом проблемы работникам канатной дороги...

Несколько человек толкалось у подъёмника. В основном это были молодые люди совсем не малого достатка – все они приехали на «ненашенских» внедорожниках, снаряжение имели дорогое, современное. Разодетые в яркие костюмы, они излиш-не громко разговаривали, шутливо подталкивали друг друга в ожидании, когда откроется касса, ошалев, видимо, от изобилия снега и льющегося с неба спящего солнца.

Александр Дмитриевич, поздоровавшись с дежурными, сел в кресло и в одиночестве поплыл вверх. Но это было уже совер-шенно другое одиночество! Как будто что-то вдруг переключи-лось у него в душе: всё плохое осталось внизу, в дымном горо-де, забылось! Поднимаясь выше и выше, он любовался открыва-ющейся панорамой гор, девственной белизной склонов, не тро-нутой ещё ни одним лыжником, ни одним сноубордистом. Взби-тая природой снежная перина скрыла неровности рельефа, и он улыбался про себя в предчувствии первого спуска по целинному снегу.

Наверху солнце, казалось, было ещё более ярким, и снег сверкал россыпью крохотных бриллиантов, словно огранённых искуснейшим мастером-ювелиром.

«Да, - подумал Александр Дмитриевич, - смешно я буду выглядеть через неделю: чёрное лицо и белая полоса у глаз», - он приподнял тёмные, с очень плотными стеклами очки и тут же зажмурился - таким ослепительно-ярким было всё вокруг.

Ему не приходилось гадать - где трасса спуска: он прекрасно знал все особенности этих склонов и, не задумываясь, на узко поставленных лыжах покатился вниз. По такому снегу можно было скользить, почти не отклоняясь от линии ската. Скорость нарастала, и лыжи не проваливались до твёрдого, укатанного ранее склона, а даже немного всплывали. Упоение и восторг ворвались в сердце Александра Дмитриевича! Так приятно чувствовать, что, несмотря на свои пятьдесят с большим гаком лет, лыжи ему по-прежнему послушны! Уже давно он не задумывался, что нужно сделать, чтобы вот так плавно скользить, плыть, лететь по снежной целине, ритмично и плавно выписывая дуги! Снег вскипал до колен! И ноги чутко ловили скрытые под снегом неровности рельефа! И, то смягчая их мгновенное прохождение, то слегка отталкиваясь, он стремительно летел весь в искрящемся вихревом потоке.

Перед ним только ровная, белая, совершенно не тронутая поверхность склона. А где-то дальше, впереди – ели. Тёмно-зелёные, почти чёрные на иссиня-белом снегу! Александр Дмитриевич ворвался в их строй и, как по трассе слалома, пронёсся между стройными красавицами. А они, словно от испуга, сбрасывали вслед ему со своих ветвей синий-синий, белый-белый снег.

Заранее сбавив скорость, он подкатил к очереди на подъёмник. Остановившись, поймал на себе восхищенные и уважительные взгляды. И ему стало неловко: вот покрасовался перед всеми, перед теми, кто может быть, ещё и не умеет пока стоять на лыжах.

Поднимаясь в очередной раз, он посматривал на катящихся под канаткой лыжников и сноубордистов. И если бы не обильные снегопады в последние дни, да работа снежных пушек, то через короткое время снег на крутых сбросах был бы ободран до земли – так много народа стало приезжать в горы зимой.

Третий, четвёртый спуск, пятый... И по-прежнему радость, восторг от нетронутых мест! Катание по свежему, глубокому снегу – особое удовольствие для тех, кто хорошо владеет лыжами и особой техникой спуска по целинному снегу. Но и бесшабашные чайники, которые беспрестанно падают в него, гоняют в такие дни до тех пор, пока весь снег не будет взрыт буграми, по которым тоже можно кататься, но уже без большого удовольствия.

Александр Дмитриевич раздумывал, подняться ли ещё раз, когда его окликнул Руслан:

- Саня, ты что, не обедал?

- А сколько времени? Что, уже полтретьего?! Представляешь, Руслан, увлёкся! Такая катуха! Редко так бывает! Сказка! Других слов и не подберёшь. Сам-то почему не на лыжах?

- Что-то дизель барахлит. Разбираемся. Да и других дел много... А ты прямо аж светишься от счастья. Не укатался ещё?

- Есть маленько.

- Так, может, отдохнёшь? Тут один наш товарищ приехал. Сам не катается, но хотел бы поставить сына на лыжи. Может, займёшься с мальчишкой? А вечером, после ужина, приходи ко мне. Посидим. У меня хороший коньяк есть – французы подарили, - и, увидев мимолётную реакцию Александра Дмитриевича, добавил: - Помню, помню, что коньяк ты не уважаешь. На этот случай у меня вино домашнее имеется.

- Что, старые запасы?

- Обижаешь! Это уже нового урожая.

- Название не придумал ещё? Давай помогу. Вместе, может, получится что-нибудь оригинальное.

- Не надейся, в соавторы не возьму! – Руслан Николаевич улыбнулся. – Ну, пока, до вечера.

Полноватый мужчина, присев, пытался застегнуть крепления сыну, которому на вид было лет десять-двенадцать. Крепления не застёгивались, и папа что-то сердито выговаривал мальчишке. Александр Дмитриевич остановился около них, пару секунд постоял, наблюдая...

- На ботинках снег налип, - заметил он. - Поэтому крепления и не застёгиваются. Давайте я помогу.

Он наклонился, мальчишка доверчиво, придерживаясь за его плечо, поднял ногу.

Когда крепления были застёгнуты, Александр Дмитриевич с улыбкой сказал:

- Ну вот, всё нормально. Теперь можно кататься.

- Вы Александр Дмитриевич, инструктор? Руслан сказал, что вы нам поможете освоить лыжи.

- Ну, вообще-то звания инструктора у меня нет, но я давно катаюсь на лыжах, и кое-что у меня получается. Тебя как зовут? – обратился Александр Дмитриевич к мальчику.

- Артём, – сердито буркнул тот. - Всё равно у меня ничего не выйдет.

- А ты, Артём, каким-нибудь видом спорта занимаешься?

- Я в бассейн хожу.

- Так ты плаваешь! А каким стилем? Кролем, брасом или...

- Да мы всеми стилями плаваем, – оживился Артём. По-видимому, кое-какие успехи у него были.

- А у тебя всё сразу выходило?

- Да нет, сначала мне брас не давался – ноги не выворачивались. Там как лягушка ногами нужно дрыгать.

- Вот видишь. Но ты же очень хотел плавать, и настраивался на то, что у тебя всё получится. И давай сейчас также скажи себе: «Я сегодня обязательно научусь кататься на лыжах!». Тем более, это гораздо проще, чем плавание брасом. Не веришь? Попробуем? – мальчишка кивнул. - Ну, тогда давай пройдем вон туда, – Александр Дмитриевич показал лыжной палкой на участок склона в стороне от основной трассы. – Там полого и совсем не страшно.

- Вот ещё – страшно. Я и не боюсь, – развернув лыжи «ёлочкой», Артём стал подниматься вверх по склону.

- «Ёлочкой» поднимаются только бегуны на лыжах, а горнолыжники поднимаются «лесенкой», – мальчишка обернулся к нему, и Александр Дмитриевич показал, как надо ставить лыжи, чтобы они не соскальзывали.

Удивительно, как быстро мальчик схватывал движения, чуть ли ни с первого раза он научился разворачивать лыжи для смены направления при подъеме, уверенно поднимался и правым боком и левым... Но когда попробовал скатиться, когда лыжи толь-

ко-только начали скользить, он, взмахнув руками, упал на спину. Поднялся, опять упал... Куда девался оптимизм, наполнявший его только что!

- Снимите с меня эти дурацкие лыжи! Я даже стоять на них не могу! – о, сколько раздражения было в его голосе.

- Да ты даже и не ехал. И потом это не ты упал, а что-то внутри тебя вдруг закричало: «Поскользнулся!!! Падаю!!!». Давай ещё раз, – Александр Дмитриевич помог мальчишке подняться, опять объяснил, как нужно стоять, придержал немного, а потом заскользил рядом, держа того за руку.

Перед Артёмом был короткий участок склона, и он видел только его. И ничего больше! Даже своего инструктора, который был рядом, не видел! Не слышал его ободряющих слов! Слышал только голос, который успокаивал, вселял уверенность. Вот тогда он поехал. Он скользил по шуршащему снегу долго-долго. Целых восемь секунд. И радостное чувство – получилось! - охватило его.

- Вот видишь, как здорово! – Александр Дмитриевич и сам обрадовался, увидев улыбку на лице мальчишки. – Давай ещё раз поднимемся. Только немного повыше. Чуть-чуть выше. Ладно? Твоя задача сейчас скатиться самому и не упасть.

Раз за разом Артём всё уверенней скатывался вниз. Не сразу, но и повороты «плугом» у него стали получаться.

- А можно нам подняться на подъёмнике? Мне здесь уже не интересно!

- Да я и сам хотел тебе предложить. А вообще-то ты молодец!

Александр Дмитриевич рассказал мальчишке, как подниматься с помощью буксировочной канатки, как скользить по накатанной многочисленными лыжниками лыжне и где нужно бросить подвеску. Несколько раз Артём падал, но уже не было на его лице отчаяния, а наоборот, читалась решительность и желание подняться туда, откуда скатывались даже малыши. Да и сам Александр Дмитриевич удивился, когда подвеску оседлал совсем маленький мальчик.

- Сколько ему лет? – с удивлением спросил он у женщины, которая готовилась выйти на площадку, чтобы вслед за мальчиком подняться наверх.

- Три года! - с гордостью ответила та. – Это мой сын!
Ну разве мог после этого остаться внизу Артём?

Пару раз они спустились вместе с самого верха трассы и, когда расставались, Александр Дмитриевич видел цветущее от улыбки лицо парнишки.

- А здорово, когда трасса длинная-длинная, и можно катиться с поворотами долго-долго!

- Ну, я рад, что тебе понравилось! Теперь ты можешь кататься сам. Знаешь, пройдёт немного времени, и ты будешь спускаться по всем склонам так быстро, как сам захочешь! – и, обращаясь к отцу мальчика, добавил: - Ваш Артём - молодчина! Другим иногда нужно гораздо больше времени, чтобы научиться ведению лыж в поворотах.

- Спасибо вам! Вы хороший инструктор. И ещё – психолог. Мне с трудом удавалось уговорить его надеть ботинки и встать на лыжи. Можно, мы ещё будем к вам обращаться – я же понимаю, что Артём сделал только первые шаги.

Когда они уходили, Александр Дмитриевич смотрел им в след, и на душе было тепло, как будто этот мальчишка, сам того не подозревая, подарил ему что-то очень хорошее.

В своей комнатке Александр Дмитриевич разобрал сумку, в которой привёз всё, что могло понадобиться ему в этот «новогодний отпуск», переоделся, уложил вещи в шкаф... Улыбнувшись про себя, посмотрел на стену, увешанную фотографиями и вырезками из лыжных журналов... Знаменитые лыжники, блиставшие в пору его юности, просто красивые фотографии, панорамы западных горнолыжных курортов... Среди этих картинок взгляд отыскал фотографию жены...

И опять кольнуло в сердце. Он помнил тот день, прекрасный солнечный зимний день. Кто-то из друзей, кажется Вася, который всё хотел сделать горнолыжный фотошедевр, сфотографировал Любу.

«Вот и создал ты, Вася, «шедевр». На память мне. И на мучение», - думал Александр Дмитриевич, вглядываясь в такое любимое, но уже далёкое, невозвратно далёкое лицо...

Он не знал, сколько времени так простоял, разговаривая мысленно с женой... Медленно, медленно вернулся к действи-

тельности... Боль была такой, что стон непроизвольно вырвался из его истерзанной души. Днём-то было хорошо: катался, всё время на людях, а теперь вот опять один... Ещё эта фотография... Но она будет здесь висеть, сколько бы времени ни прошло!

«Нет, надо пойти куда-нибудь, где есть люди!» - решил он, оделся и вышел в морозную темноту не позднего ещё вечера. Луна не взошла, и небо было усыпано невозможно крупными звёздами. Их было так много, что, казалось, яркий спутник, наискось пересекавший черноту, сейчас начнёт сталкиваться с ними, и звёздный дождь прольётся на заснеженные склоны.

Александр Дмитриевич прошёл к катку, где под яркими фонарями кружились дети, молодые люди, которых «не укатали» горнолыжные трассы. Постоял, посмотрел... Потом, почувствовав себя лишним, свернул на аллею, что полого уходила в сторону от гостиничных домиков, прошёл до конца, где она заканчивалась кольцевой дорожкой вокруг снежной скульптуры – летом здесь был фонтан, - сделал несколько кругов, бездумно глядя на огромного белого Снеговика...

«Вот и стал я кружить... Шевелюсь, двигаюсь, а всё как бы по кругу... По остатку жизни без моей Любушки, - думалось ему. – И с этого круга уже не сойти. Ведь всё напоминает о ней. Всё! Боже мой, так и с ума сойти можно! Хоть бы кто из наших приехал. Да-а, ведь Руслан приглашал!».

Вдвоём они сидели в дальнем углу уютной столовой, где от камина разливалось тепло, разговаривали о том, о сём, согревая в ладонях стаканы с вином.

«Чудесное вино у него получается!» - думал Александр Дмитриевич, а тот рассказывал:

- Знаешь, шесть лет назад я случайно купил вино у одного молдаванина. Бог знает, когда и как попал он в наши края. А рядом с молдаванином жил грузин. А может и не грузин... Тоже непонятно, каким ветром его занесло к нам... И тоже вином торговал. Грузин этот, нахваливая своё вино, ругал вино молдаванина, а молдаванин, превознося собственное, поносил вино грузина. Пробовал и то и другое. Я, конечно, не знаток вин, но различия не почувствовал. А потом оказалось, что они в одном и том же

месте его доставали, а потом продавали, как своё. Ну, а я, чтобы не обижать их, сам стал покупать виноград и ставить вино. Знаешь, это целая наука! И, по-моему, неплохо получается, а? - Руслан Николаевич взглянул на часы.

- Должны уже Марьяновы подъехать, - он набрал на мобильнике номер.

Слышно было, как идёт вызов...

- Серёга, вы где? Выезжаете из города? Ну, давайте, ждём вас. Отопление в вашем вагончике уже час назад включили. Так что приедете – тепло будет.

Он положил телефон в карман.

- А помнишь, как мы начинали? На одном энтузиазме! Канатку сделали из бросовых материалов! Маленькая группа любителей горных лыж. Дети наши здесь выросли. А теперь народу много стало приезжать. Здорово, что основной наш коллектив до сих пор сохранился. Знаешь, Саня, в прошлом году наши Лёшка Рыбкин, Иринка Малюжная, Вовчик Писканов, – помнишь, ты с ними занимался, - Александр Дмитриевич кивнул, – на зональных соревнованиях в пятёрке сильнейших были!

Он ещё что-то говорил, но Александр Дмитриевич слушал и не слушал его...

- Что-то Марьяновы не едут. Уже полтора часа прошло. Должны были уже здесь быть, - Руслан снова достал телефон.

- Алло, Сергей, вы где? Уже к лесу подъезжаете? Ну, хорошо. Давай, ждём. Вина-то вам оставить? - он отключил телефон, и вдруг на его лице отразилось недоумение: - Как это - они к лесу подъезжают? Я ведь им на домашний номер звонил! Получается... Получается, что они ещё и не выезжали! Вот обманщики!

Александр Дмитриевич улыбнулся: он-то знал, что Марьяновы не могут не опаздывать. Но всё равно будет здорово, когда они приедут – хорошие, добрые человеки!

- Да, Саня, народу завтра понаедет... Канатки будут загружены под завязку. Гостиница, коттеджи забиты, кормить всех надо. А у меня проблема с поварами. Взял тут одну, а она в первый же вечер так набралась, что на следующий день не смогла работать. Две девицы с кухни постоянно цапаются. Многие приезжают, чтобы выпить на природе. Кое-кого умирять приходится, а людей у меня в обрез... – Александр Дмитриевич не вникал в

жалобы друга - он был далёк от его забот. – И инструктора нужны. Приезжают люди, просят, чтобы их научили, а некому, – он помолчал, пытаясь угадать, понял ли Александр Дмитриевич его намёк. - Саня, а ты мог бы поработать у нас хотя бы в зимние каникулы? Инструктором. Отец Артёма в таком восторге – он уже не первый раз пытается поставить сына на лыжи. Ничего не получалось. А ты сегодня взялся, и он поехал! Комната у тебя есть, кормёжку обеспечим и об оплате договоримся. Соглашайся! Знаешь, как выручишь! Вчера приехали несколько человек и сразу ко мне – хотим. Так расстроились, когда я им сказал, что инструкторов у нас нет. Ты как, Саня? Сможешь? Возьмёшься?

«Так вот почему он меня зазывал. Что ж, до конца каникул можно и поработать, самому только не придётся кататься. Потом - опять в город, на завод. А так не хочется! Хотя, может быть, и отпуск без содержания дадут – сейчас это проще. А то и попросту в этот самый отпуск выгонят, - думал Александр Дмитриевич. - Всё не дома сидеть».

- Ну а почему бы и нет!

Вино согревало душу и сердце и пьянило, но совсем немного.

Снег на горе уже был разбит, укатан, кое-где вздыблен затвердевшими буграми. Катание по такой трассе, может быть, и не доставляло большого удовольствия, но требовало быстрой реакции, мощной амортизации в коленях, чтобы не выбросило с бугра. А ещё можно было вдруг прыгнуть, собраться в прыжке и, приземлившись, вновь повести лыжи туда, куда хочешь. И радость переполняет лыжника оттого, что тело, как и лыжи послушны, и как будто уносят тебя от всех невзгод, серости бытия...

Александр Дмитриевич в это утро не успел к началу работы подъёмника, и когда поднимался к вершине горы, видел далеко впереди Марьяновых. Жаль, конечно, что не вместе, но он надеялся, что где-то в середине трассы нагонит их. Кресло немного поддёргивало у опор на роликах, но кроме этого ничего не отвлекало его от воспоминаний о прекрасно проведённом вечере в тёплом закутке кафе, где им с Русланом никто не мешал.

Опять слегка тряхнуло на опоре.

«Повезло Серёге, раньше меня будут на горе, - и вдруг мальчишеский азарт овладел им. - А обгону их! Снова пройду по лбу! Вчера же прошёл, а сегодня там снег уже умяли. Так что даже легче будет»...

Вчера он сунулся в этот сброс, не подумав о последствиях. Когда же увидел, почувствовал крутизну спуска, испугался, а потом – куда деваться, - прошёл до конца. Когда же прошёл, понял, что теперь может и по таким крутякам спускаться без проблем. А раньше-то... Раньше такие участки обходил стороной!

От напряжённой работы сердце колотилось в груди, а ноги работали так чётко, что лыжи хорошо цеплялись за снег и проскальзывали совсем немного...

Александр Дмитриевич, уверенно пройдя эту, считавшуюся «чёрной», трассу, вылетел на пологий участок и остановился. Сбоку, заканчивая широкую дугу, подкатил Сергей.

- Ну, ты, Саня, и дал! – слышалось его учащённое дыхание.

- Да ты тоже не слабо катишь. Слушай, а твоя Иришка, здорово прибавила в технике, - мимо них пронеслась девушка. - Смотри, какая стоечка! Как лыжи ведёт!

- Так это ж ты показывал ей резаное ведение? Ну и подсознательно, наверное, копировала наших лучших лыжников.

- И жена у тебя поехала. Видишь, как лыжи у неё по дуге идут? Проскальзывания почти нет! Молодец!

- Твоя Любана тоже хорошо каталась...

Неосторожные слова друга кольнули в сердце. Он даже в лице изменился. И как через вату услышал:

- Прости, Саня, не подумал.

- Кто-то меня вызывает, - Александр Дмитриевич достал мобильник и после короткого разговора сказал. - Ничего, Серёжа, ничего. Я думал, что зажило... Извини, меня уже ждут. Я поехал, - он заскользил вниз.

Через пару минут он остановился в некотором отдалении от группы молодых людей. Два парня и две девушки. У парней лица помяты – видимо, хорошо погуляли вчера вечером. Девушки – две противоположности: одна стройная, вторая – высокая и довольно крупная. Даже парни по сравнению с ней выглядели мелковато.

Александр Дмитриевич подкатил к ним, поздоровался.

- Так это вы хотите научиться кататься на горных лыжах? Знаете ли, на какие мучения обрекаете себя?

- Очень хотим! Хотим как вы! Классно у вас получается! Так красиво! А трудно научиться?

- Ну, первые десять лет очень трудно. Потом - просто трудно.

Шутку приняли, заулыбались.

С первого раза ему запомнилось имя только одной девушки. Опять кольнуло, но он подумал, что не так уж и много разных имён на свете, и почему бы этой девушке не называться Любой. Хотя в наше время имя это совсем не модно.

Первые движения на горных лыжах... Все, кто впервые становится на них, начинают одинаково – падение за падением. Бывает так, что некоторые на этом и заканчивают. А тот, кто пересилит себя, в конце концов, начинает кататься, радуясь, что смог укротить этих двух норовистых «коней». И ещё они влюбляются в эти пока ещё медленные спуски, а потом... Потом просто не могут дождаться зимы, а зимой – выходных или отпуска, чтобы снова очутиться на заснеженном склоне. Такой была, по-видимому, Люба – падения вызывали у неё веселье, а уж если что-то получалось, то над учебным склоном разносился её ликующий крик. Наблюдая за ней, Александр Дмитриевич волей-неволей заражался её настроением. Рана, которую нечаянно разбередил его друг, перестала саднить, боль ночной совой забилась куда-то в чашу, в глубину его сердца, отступила...

Через час парни уже поворачивали плугом. Им уже было тесно в «лягушатнике», хотелось куда-нибудь повыше, чтобы разогнаться, лихо повернуть, затормозить... И они смеялись, когда девушки падали. Особенно веселились, когда падала подружка Любы, подшучивали над ней:

- Ты, когда падаешь, земля сотрясается! Смотри, как бы со склонов лавина не сошла!

Поднявшись в очередной раз, девушка, с прищуром глядя на обидчика, пригрозила:

- Сейчас как обниму!

Александр Дмитриевич рассмеялся – угроза была вполне реальной.

Занятия продолжались. Девушки, пытаясь тормозить, почему-то смешно выворачивали руки так, что палки торчали в разные стороны. Лыжи не слушались, съезжались, ученицы разгонялись и начинали что-то выделывать ногами, дёргались всем телом и, в конце концов, падали. И опять звенел над склоном Любин смех. А уж если Александр Дмитриевич неожиданно показывал, как они катаются, то веселью не было предела.

- Может быть, вам передохнуть? Потом, если захотите, продолжим.

- Нет, нет, что вы! – воскликнула Люба. - Мы должны научиться!

Забравшись немного повыше, она снова поехала вниз, уже более уверенно, более надёжно... Ехала и вскрикивала при каждом повороте. Нет, не от ужаса, а ликуя. Но в самом конце, когда лыжи выехали на противосклон, она всё же не смогла устоять и упала. Александр Дмитриевич тут же оказался рядом, как всегда бывал рядом с теми из учеников, кто падал. А девушка лежала на снегу и смеялась. Заливисто, весело.

«Боже мой, какой у неё смех! Как будто веснянка - весенний ручеёк журчит!», - подумалось ему.

Он помог ей подняться, отряхнул снег с куртки.

«Ах, ты, сколько счастья в глазах! Эта девушка, наверняка, будет кататься всю оставшуюся жизнь», - Александр Дмитриевич даже не понял, что любит её.

А она, продолжая отряхиваться, стянула с головы белую вязаную шапочку, тряхнула головой, и по её плечам золотом осенних берёз рассыпались светло-русые волосы.

«Как у моей Любушки», - невольно мелькнуло в его голове.

- Мы сегодня уже по пять раз поднялись на канатке, - хвастались парни, с аппетитом поедая котлеты с картофельным пюре.

- Спустились тоже на канатке? – пошутила Люба.

- Вот ещё! На лыжах! – обились парни.

- А я поняла, что лыжи – это не для меня, - с грустью сказала Любина подруга.

- Ну почему не для тебя? Нельзя бросать - сегодня не получилось, получится завтра. Я вот даже жалею, что прожила почти тридцать лет, а узнала про лыжи только сейчас. Обязательно научусь кататься!

Они хорошо отдохнули, даже поспали, и вот сейчас ужинали в столовой, обсуждая прекрасно проведённый день.

В зеркале на стене Люба увидела, как в открывшуюся дверь вошёл мужчина. Она не сразу узнала в нём своего инструктора. Это был другой человек! Тот, на склоне – живой, улыбчивый, шутил, смеялся сам, заставляя смеяться и их. А этот... Какой-то надломленный, потухший, с опущенными плечами...

«Что это с ним? Что могло произойти за эти несколько часов?» – она уже не вникала, о чём говорят её спутники, почти не слышала их.

У Любы была особенность, которая в наши дни, увы, не у всех докторов есть – она сопереживала тем, кому больно или просто плохо, почти физически ощущая их страдания.

Вот и сейчас у неё сжалось сердце: «Он болен! Днём скрывал, а сейчас... Или что-то произошло!»

- Эй, ты чего? К тебе обращаются, а ты куда-то ушла. Смотри – не вернётся! – окликнули её друзья.

- Да так, задумалась, - отозвалась Люба. – «И всё же, пожалуй, у него что-то случилось!».

То, что она видела за ужином, не давало ей покоя. Она не находила себе места и временами порывалась пойти, отыскать Александра Дмитриевича... И останавливалась:

«Я что, подойду и вот так прямо спрошу у него: вы больны? Он же в лучшем случае отшутится. А в худшем... Завтра нужно будет приглядеться. И если хоть что-то замечу, заставлю его лечиться! Нет, нет! Нужно сегодня, сейчас же отыскать его! Вдруг обострение!» - так размышляла Люба, бродя вечером по аллеям, освещённым яркими фонарями.

- Добрый вечер! – от неожиданности она даже вздрогнула. – Не укатились за день? Ноги не болят? Силы ещё остались на то, чтобы погулять?

И опять она поразилась – перед ней был тот же инструктор, что и на склоне: весёлый, улыбчивый с добрыми-добрыми глазами.

- Немного, но осталось. Вот брожу, думаю, как же я не знала о горных лыжах раньше!? Такой замечательный отдых - устать, а в душе – праздник! И после сегодняшнего дня мне очень

захотелось научиться кататься. Кататься, не задумываясь о технике, а отдаваясь движению, восторгу! Скользить и радоваться!

- Знаете, Люба, я думаю, что вам нужно посмотреть, почитать «Самоучитель горнолыжника». Его написал один французский тренер. Я не был здесь два года, потому что... – Александр Дмитриевич замолчал, поняв, что совсем не обязательно о своём личном говорить едва знакомому человеку. – Но, кажется, она у меня на полке стоит. Если хотите, если вас не смущает поздний час, то давайте зайдём ко мне.

Пока они поднимались к верхнему коттеджу, Александр Дмитриевич с улыбкой рассказывал, какой прекрасный вечер неожиданно получился сегодня из-за того, что приехали старые друзья.

- Жаль, что вас там не было. Было весело, мы дурачились, как много лет назад - один наш товарищ уморительно пьяного лётчика изобразил. Глуповато, по-детски, но мы хохотали до упаду. А сколько приключений вспомнили... Смешных, а порой драматических. Канатки несовершенные и даже опасные были - мы же их из подручных материалов собирали. Бывало, куртки рвало, лыжника отрывало от лыжни и несло по воздуху, а потом тащило по снегу на спине, на боку... С одного нашего товарища, уж не знаю как, штаны сняло. А сколько лыж теряли: упадёт лыжник, крепления сработают, а лыжи катятся вниз по склону – ски-стопов, тормозов на них тогда не было. Одну девушку из ботинка вытащило! Столько лет прошло! Да-а, многое изменилось на базе... И мы стали старше, много старше. Сегодня жена одного нашего товарища, что-то заметив, померила давление у мужа. Тогда и остальные начали обращаться к ней. А Борис... - теперь уже к нему по отчеству обращаются, - с грустью сказал: «Да-а, раньше выпьем – пляшем, а теперь выпьем – давление мерим!»

И всё же, знаете, Люба, все мы по-прежнему молоды! Уже седые, в морщинах, лысые, но молоды!

Он рассказывал, рассказывал, а Люба думала:

«Вот что «вылечило» его - старые друзья! А он не был здесь два года. Наверное, тогда-то у него что-то и случилось!»

Когда они вошли в его крохотную комнатку под лестницей, Люба сразу обратила внимание на большую фотографию женщи-

ны с чудесной улыбкой. Александр Дмитриевич перехватил её взгляд.

- Это моя жена, - и потому, как это было сказано, она всё поняла.

И спросила одними глазами:

«Вы её сильно любили?»

Так же взглядом он ответил:

«Да. И мне без неё очень плохо! И больно до сих пор!»

Они смотрели на фотографию и разговаривали.

«Время лечит. Только одни выздоравливают быстро, а у других раны не заживают никогда»

«Нет, время не лечит, а только залечивает раны. Но они остаются. И саднят так, что кричать хочется»

«Но жить-то надо! Ведь впереди вся жизнь!»

«Оставшаяся»

«Нет, не оставшаяся! А просто «вся жизнь!»

- Знаете, я как-то читала такие строчки: «Если горе сразу не свалило, значит ты его переживёшь!»

Он почти не видел снов. Может быть, видел, но не запомнил. А тут... Он катил на лыжах по бескрайнему снежному полю, а рядом, не отставая от него, скользил ещё кто-то.

- Ты кто? - почему-то спросил он.

- Разве ты меня не узнаёшь? Это я, твоя Люба!

- Любушка, а какие-то злые люди сказали, что ты умерла.

- Нет, нет, я жива. И буду жить долго-долго!

Это была Люба, которая только-только встала на лыжи. Смущаясь, с распущенными волосами, которыми невозможно было не любоваться. Сквозь них просвечивало солнце, превращая девушку в волшебную фею. Она скользила на лыжах рядом с ним так же легко и уверенно, как и он сам.

- Ты же ещё не умеешь хорошо стоять на лыжах! – сказал он ей.

- Я научусь, обязательно научусь! – кричала она и летела, летела рядом, вздымая вихри снега. - Это я! Это я, твоя Любушка!

Он не заметил, куда делась девушка, но лыжи вдруг сорвались с обрыва, и он полетел в пропасть... Такие сны он уже видел

когда-то давно-давно, когда в пору своей юности ещё только осваивал лыжи. Тогда в последний момент он говорил себе: «Это сон», и под лыжами вновь оказывалось снежное поле. Но теперь он падал, падал в пропасть! И сердце сжалось от ужаса! Он изо всех сил пытался проснуться и не мог...

- Не бойся, я спасу тебя! Я тебя не брошу, - тихо сказала Люба, и он проснулся, вскочил с постели... Сжал голову руками... Если бы были сигареты – закурил бы. Впервые в жизни. Была бы водка – выпил бы единым махом целый стакан...

В комнату лился лунный свет, такой густой, что его, казалось, можно было пить. И опьянев, видеть призраки... Его Люба могла бы прийти к нему... Какая Люба? Какая? Та, с которой он прожил жизнь или эта, только что летевшая рядом с ним на лыжах?

Александр Дмитриевич порывисто вскочил, походил от окна к двери и обратно...

«Нет, надо успокоиться», - решил он, оделся и вышел под темень ночи. – «Как мешают эти фонари! Мешают видеть звёзды. Где-то Орион... А, вот он», - Александр Дмитриевич медленно побрёл по аллейке... По этой дорожке он уже ходил... И куда бы ни шёл, всё равно попадал на круг, и память притягивала, и не давала, не позволяла расстаться с воспоминаниями, свернуть с этого мучительного кружения.

«Нет, так жить нельзя! И сил изменить, кажется, нет!»

Пролетели «каникулы». Но людей не поубавилось – база как-то незаметно превратилась в горнолыжный курорт, и сюда приезжали даже из дальних городов, загодя заказывая места в гостинице. И новичков было много, так что без работы Александр Дмитриевич не оставался. С его помощью они через день-два начинали уверенно проходить пологую учебную трассу. А потом овладевали и более сложными склонами.

Глядя на них, на их позы, Александр Дмитриевич шутил:

- Ваши мышцы так напряжены, что, по-моему, даже слышно, как они звенят. Спокойнее, расслабьтесь. Научитесь получать удовольствие от скольжения!

За час-полтора они так выматывались, что дальнейшие занятия откладывали до следующего дня. А каково приходилось

инструктору? Уходили одни, тут же начинались занятия с другими и покинуть их, уйти со склона было невозможно – от него ждали, что он научит, обязательно научит их управлять такими непослушными лыжами. Конечно же, Александр Дмитриевич устал. Часто сил хватало только на то, чтобы упасть на подушку и тут же заснуть.

В конце концов, он пришёл к Руслану.

- Слушай, нужна канатка для начинающих. Без промежуточных опор, однопролётная. Только привод и верхняя станция. Не быстрая. Такая, чтобы на ней можно было подняться, держась руками за трос. Не длинная, метров сто. Поставить её там, где я сейчас провожу занятия – это, пожалуй, самое лучшее место для обучения. С ней обучение пойдёт более эффективно, наши «чайники» быстрее будут осваивать лыжи и меньше уставать.

- Конечно, нужна. Но это ведь можно будет только летом сделать.

- Да ты что – летом! Сейчас надо! Там ведь ничего сложного. Ну помнишь, как мы наши первые канатки ставили? Давай, посмотрим, что у тебя на задворках осталось из старья. Не так уж и много надо: двигатель, редуктор, трос метров двести... Руслан, давай подумаем.

И занятия с новичками, и изготовление подъёмника занимали Александра Дмитриевича весь день. Неожиданно для себя он отметил, что эта работа его захватила, увлекла. Он даже стал делать записи, отмечая некоторые приёмы, что приходилось придумывать по ходу обучения: его подопечными были и дети, и взрослые, люди с разными характерами, разными темпераментами, физической подготовкой... К каждому нужен был особый подход, но все они одинаково ликовали, когда им удавалось сделать несколько поворотов «плугом». Для них это значило, что они научились управлять лыжами! Их радость непроизвольно передавалась Александру Дмитриевичу. И эта радость наполняла его так, что улыбка не сходила у него с лица до самого вечера. А, ложась спать, он уже ждал нового дня, новых встреч, новых учеников. Он и засыпать-то стал с улыбкой, вспоминая счастливые лица мальчишек, девчонок... Как часто ему приходилось слышать:

- Александр Дмитриевич, вы просто волшебник! За какой-то час вы научили нас кататься на лыжах!

Он всегда отвечал:

- Нет, это вы сами. А я ведь только показывал, рассказывал, подправлял...

И ещё он понял, что особенно ждёт выходных дней, когда приезжала Люба. Они катались вместе, пока у Александра Дмитриевича не появлялись ученики. Следуя его советам, она всё уверенней скользила по склону. Но там, где пологий участок заканчивался коротким, но более крутым сбросом, девушка терялась. Куда пропадали все её приобретённые навыки?! Она с коротким вскриком падала на снег, Александр Дмитриевич тут же подкатывал к ней, а она, сняв рукавички, на которые уже налип снег, протягивала руки. И почему-то Александр Дмитриевич обратил внимание на них. Что-то в них было не так, как у других женщин. Впрочем, он отметил это совершенно непроизвольно, подсознательно, да и забыл об этом.

Не сразу, но он заметил, что Люба каждый раз несколько задерживает свою руку в его руке. И от этого как-то сладко начинало щемить сердце.

Александр Дмитриевич занимался с новичками, показывая им начальные приёмы управления лыжами, веселил, изображая, почему начинающих лыжников называют «чайниками».

Но при этом он всё время поглядывал на склон, где в яркой оранжевой куртке видна была Люба.

Однажды, видимо не совладав с лыжами, по широкой дуге на большой скорости девушка подлетела к нему. Хотела эффектно затормозить, но не удержалась и упала. И проскользила на спине метров пять. Александр Дмитриевич пошутил:

- Вы решили своим телом выровнять все трассы спуска? – девушка, лёжа на снегу, весело засмеялась. И опять её смех звучал, как будто журчал веселый весенний ручеёк. - Но должен заметить, что не по чину гоняете, - помогая ей подняться, строго заметил Александр Дмитриевич. - Пока вам ещё рано развивать такую скорость.

- А я не боюсь падать, - с вызовом ответила Люба. – Да к тому же вы и сами говорили, что падение не показатель мастерства.

Поднявшись, она продолжала держаться за своего инструктора и как будто пыталась рассмотреть: что там, в его глазах, спрятанных за тёмными очками. И он продолжал поддерживать её... «А со стороны можно подумать, что мы обнимаемся», - и Александр Дмитриевич резко, даже слишком резко отстранился от девушки.

- Да, я так говорил, Люба. Но падать на такой скорости всё же не надо, - и вдруг решился: - Знаете, а давайте поднимемся на кресельном подъёмнике. Здесь вам уже, по-моему, скучно.

Кресло несло их по просеке между стройными елями.

- Как в зелёном каньоне. Знаете, если бы я сегодня уехала, не поднявшись на этой канатке, я бы считала, что два дня потеряла зря.

В это время случайный ветерок прошумел слегка по верхушкам елей, и они закачались, закивали своими острыми верхушками.

- Александр Дмитриевич, они как будто здороваются. Они с нами здороваются! – её глаза сияли.

Люба протянула руку и коснулась проплывающей мимо еловой лапы.

- Здравствуйте, здравствуйте, красавицы!

Вот кресло подняло их выше вершин елей, лес закончился, закончился как-то сразу, вдруг, и Люба даже вскрикнула от вида заснеженного простора. Искрящегося, сверкающего простора высокогорья.

- Александр Дмитриевич, как здорово! Какое великолепие! Я так вам благодарна! – неожиданно она наклонилась к нему и поцеловала в щёку.

Некоторое время молчали, любуясь дальними девственно белыми горами, охраняемыми высоченными пиками. Вдруг Люба ябко передёрнула плечами.

- Холодно? Замёрзли? – какое неудобное слово «замёрзли».

- Да нет, просто снизу холодом тянет.

- Ну-ка, повернись немного, я приобниму тебя, - перешёл он вдруг на «ты», но было это сказано так естественно, что Люба сразу прижалась к нему, не задумываясь. А через минуту, когда

она почувствовала тепло, идущее от этого доброго человека, от его сильной руки, почему-то чаще забились сердце.

«Как хорошо! Как спокойно и надёжно мне рядом с ним!» - она с благодарностью взглянула на Александра Дмитриевича.

Но в этом взгляде было нечто большее, и он почувствовал это. Что-то, неподдающееся разуму, захлестнуло его. Отголосок забытого чувства вдруг ожил в его сердце, но кресло встряхнуло на очередной опоре, и он очнулся.

«Что это я вдруг! Ведь она же едва ли не вдвое моложе меня! Прости! Прости меня, моя Любаня!» - а сердце почему-то замирало и ныло, как от той, первой и единственной любви...

На спуске Александр Дмитриевич то и дело останавливался, поджидая Любу. И радовался, видя, как девушка управляет лыжами. В какой-то момент Люба поймала ритм движения, и он крикнул ей:

- Молодец! Молодец! Не останавливайся!

Девушка скользила, раскинув руки в стороны, и её не пугало даже то, что склон стал более крутым. И вдруг как будто споткнулась! Отлетели в стороны лыжи, палки, а она, перевернувшись несколько раз, скользила на животе вниз головой по укатанной трассе и не могла остановиться.

Даже не осознав ещё, что случилось, Александр Дмитриевич ринулся вниз, опередил её и резко затормозил. Тут же Люба уткнулась в его ноги. С тревогой он наклонился к девушке, а она, немного приподняв облепленное снегом лицо, опять весело смеялась.

- Ну, кажется, ты цела. А вообще-то - молодец! Умничка! - Александр Дмитриевич, помогая ей отряхнуться, неожиданно даже для самого себя, обнял и поцеловал её в холодную щёку. И вдруг заметил, что Люба как будто замерла в каком-то ожидании, счастливо улыбалась не то от поцелуя, не то от того, что смогла наконец-то укротить лыжи, не то ещё от чего-то необъяснимого...

Когда они минут через десять оказались у нижней станции канатной дороги, Люба сказала:

- Александр Дмитриевич, знаете, у меня сегодня самый счастливый день! Я видела горы! И небо, которое, кажется, можно было

потрогать руками! А ещё... Позавчера мне пришлось делать экстренную операцию. Очень сложный случай, но я справилась. И больной теперь будет жить. Мне, нашей бригаде удалось его спасти. Так что я вдвойне счастлива!

«Так вот почему я обратил внимание на её пальцы – ведь это руки хирурга! А поначалу она представлялась мне легкомысленной хохотушкой. Ну, прости, прости меня, Любушка!»

- А я смотрю, что это ты сегодня как будто светишься, и всё у тебя получается. Знаешь, ты достойна награды: я приглашаю тебя после ужина в кафе.

- Спасибо! Я как раз привезла пирог с яблоками. Вчера вечером испекла.

- Ну, тогда у нас будет пир!

Долгим зимним вечером, когда уже все дела были сделаны, обсуждены с Русланом перспективы работы базы и перехода её в новое качество – горнолыжного курорта, Александр Дмитриевич шёл к себе, делал записи, читал, с улыбкой вспоминал своих учеников. Вспоминал Любу, Любушку... Другую Любушку. Смотрел на фотографию жены с лёгкой грустью, без былой боли и тоски, понимая, что ушедшее преждевременно счастье уже не вернётся, но нужно жить и делать то, что можешь, помогать другим в меру своих сил, умения, возможностей, призвания. И ещё он ждал, когда приедет Люба...

Но в очередную субботу Люба не приехала. Александр Дмитриевич прождал весь день, останавливался на склоне и внимательно вглядывался в каждый подъезжающий автобус, в каждую машину, в каждого, кто выходил оттуда.

«Может быть завтра приедет», - подумал он, когда все четыре канатки были остановлены, а субботние гости стали разъезжаться.

Весь вечер его преследовали переживания:

«Вероятно, у неё опять операция. Или с ней что-нибудь случилось! А ведь могла бы позвонить, предупредить, что не приедет! Но почему она должна предупреждать? – останавливал он себя. - Кто я ей? Инструктор, не более. А она такая же ученица, как и другие!».

Она приехала только через две недели. Когда они встрети-

лись, Александр Дмитриевич, с большим трудом сдерживая себя, изо всех сил скрывая свои чувства, спросил:

- Вас так давно не было. Приобретённые навыки не растеряли?

Девушка с удивлением взглянула на него – не такой встречи она ждала. Но Александра Дмитриевича выдали глаза, в которых светилась радость.

- Александр Дмитриевич, мы сегодня покатаемся вместе? Я две недели по вечерам просматривала вашу книгу, читала и, кажется, многое поняла.

- Покатаемся, Люба, обязательно покатаемся, но попозже. Сейчас у меня целая группа новичков.

Он освободился только ближе к концу дня, и они смогли пару раз прокатиться по самой длинной трассе.

«Определённо у неё талант, - думал он, глядя, как девушка ведёт лыжи, какие гармоничные движения появились у его ученицы. - За два месяца так поехала! Есть ещё, конечно, над чем работать, но кататься она будет!» - и поймал себя на том, что любителю не только ее манерой скольжения, но и ей самой.

Наконец на канатке их предупредили, что допуск на посадку прекращается через десять минут.

- Что, Люба, закончим? Будем отдыхать?

- Давайте ещё раз.

- Ну, хорошо, – улыбаясь, согласился Александр Дмитриевич. - Поднимемся, проводим солнышко и - вниз.

Это был спуск, похожий на полёт стремительных птиц в огромном небе. Да они и были сейчас птицами, для которых летать – значит жить. И сейчас они жили этим полётом, скользили друг за другом, взрывая снежные вихри и останавливаясь лишь для того, чтобы высказать друг другу слова восторга.

Легко преодолели крутой перегиб, причём Люба притормозила совсем немного. По длинному пологому выкату короткими дугами приблизились к кромке леса. Друг за другом они вкатились в узкий проезд, и вдруг девушка затормозила так, что Александру Дмитриевичу, чтобы не налететь на неё, пришлось свернуть в сторону – бездонно глубокий снег резко схватил лыжи, и он, не устояв, упал, зарывшись головой в белый холодный пух.

Полежал так пару секунд и понял, что придётся побарахтаться, чтобы выбраться. Поднял голову, обтёр лицо от снега, и сердито сказал:

- Люба, ты зачем так тормозишь? Я ведь мог в тебя врезаться!

- Александр Дмитриевич, посмотрите - там кто-то лежит, - она показала палочкой.

Пока он освобождался от снежного плена, девушка, отстегнув лыжи и по колено проваливаясь в снег, с трудом добралась до лежащего. Упал он где-то, видимо, выше, и пытался ползти – от него вверх по склону тянулась борозда глубоко примятого снега.

- Очнись, слышишь, очнись! – громко говорила Люба, обращаясь к парню. - Слышишь меня? Отзовись!

Обернувшись к подошедшему Александру Дмитриевичу, с тревогой сказала:

- Он без сознания! Нужна помощь!

Девушка снова стала трясти парня, терла ему щеки, уши. И всё кричала, кричала:

- Слышишь? Что случилось? Тебя как зовут? Отвечай! Ты меня слышишь? Открой глаза! Александр Дмитриевич, звоните, зовите на помощь! У него открытый перелом и, боюсь, болевой шок. Давайте быстрее вниз за помощью. Знаете, что нужно? Шины, бинт... А я побуду здесь, с ним. Постараюсь привести его в чувство. Обязательно привезите горячий чай, водку или, лучше, коньяк, - она начала снимать свою тёплую куртку. – Его укрыть надо, согреть.

- И мою возьми... Нет, нет, сама оденься! – он достал мобильник, нашёл нужный номер, протянул телефон девушке. – Расскажи Руслану, что нужно! А я постараюсь вернуться как можно быстрее.

Он летел вниз, почти не притормаживая, выписывал виражи только для того, чтобы держать приемлемую для себя скорость. Морозный набегающий воздух проникал сквозь свитер, холодил тело. А он, не обращая внимания, командовал себе:

«Быстрее! Быстрее!»

К тому времени, когда он подлетел к канатке, там уже стояли Борис, Вася и ещё несколько незнакомых людей. Руслан принёс какие-то рейки, верёвки, термос...

На подъёмнике, который оперативно включили, вчетвером на одном кресле они поднялись к опоре, откуда была видна девушка и лежащий парень...

Через час парня спустили к базе, отогрели и увезли в город, в травматологию.

Они сидели в его комнате, и Александр Дмитриевич никак не мог снять ботинки. То ли от того, что они замёрзли, то ли от того, что его трясло от нервного перенапряжения.

«Страшно подумать, что на месте этого парня могла быть Люба!» – думал он, поглядывая на девушку. Она, казалось, была спокойной, но это только казалось. Ей тоже было не по себе от пережитого, хотя в своей врачебной практике ей приходилось видеть и куда более серьёзные раны. Но этот-то несчастный случай произошёл практически на её глазах!

Неожиданно для самой себя она подошла к Александру Дмитриевичу, села рядом, уткнулась лицом в его плечо и заплакала.

- Ну что ты, что ты! Всё уже прошло. Парня увезли в город, и всё будет хорошо.

- Александр Дмитриевич, я просто вообразила на его месте вас. Вы ведь катаетесь так быстро...

- Люба! Люба..., я ведь тоже подумал, что ты, как этот парень...

Она отстранилась, посмотрела на него и вдруг засмеялась сквозь слёзы. А потом снова прильнула к нему и обняла его руками. Это было так естественно и... желаемо.

Они посидели ещё немного.

- Надо к Руслану пойти. Поговорить. О многом, - он встал. - И о горнолыжной школе, и о службе спасения, и о спасателях. Надо, чтобы на базе была акья, а ещё лучше ратрак или, на худой конец, снегоход.

- Акья, это что?

- Это такая алюминиевая лодочка для транспортирования пострадавших.

Все, кто принимал участия в спасательных работах, собрались в комнате у Руслана. Говорил Александр Дмитриевич. Он едва сдерживался и не щадил друга:

- Ты поставил целью получение дохода и совершенно не

думаешь о безопасности отдыхающих. Мы же с тобой месяц назад вели речь об этом! Что, потолковали и всё? Ничего не сделано! Разве за это время нельзя было заняться ратраком? Почему снегоход у тебя до сих пор валяется без признаков жизни на задворках?

- У меня других дел по горло! Вода перемерзает в трубах – не успеваем отогреть, – раздражённо ответил Руслан.

- Был бы он на ходу, насколько быстрее и легче было бы парня транспортировать, – не обращая внимания на его слова, продолжал Александр Дмитриевич. – Ты же видел – вниз головой волокли человека по глубокому снегу. Руслан, пойми, в штате у тебя должны быть спасатели! Профессионалы должны быть, чтобы могли грамотно оказать первую помощь. Обезболивающие ввести, из шока вывести. Снаряжение соответствующее должно быть. Инструктора могли бы стать спасателями!

- Руслан Николаевич, на базе должен быть травмопункт. Или хотя бы врач, – добавила Люба. – В крайнем случае – фельдшер. Полноценная аптечка нужна. Я подготовлю список.

- И ещё, – продолжил Александр Дмитриевич, – друг этого парня ходил, говорил твоим бандерлогам, что товарища до сих пор нет, может быть, с ним что-нибудь случилось, а они отговаривались, что не их дело кого-то искать. И это вместо того, чтобы поднимать тревогу! Хорошо, что мы наткнулись на него. А ведь он мог замёрзнуть! И это было бы на твоей совести!

- Я разберусь, Саня. Но, пойми, нет у меня сейчас денег ни на инструкторов, ни на спасателей! Все вложены в дело: покупаем ещё одну кресельную канатку, заложили фундамент ещё одной гостиницы.

- Это всё для получения прибыли! Руслан, послушай! Если у пострадавшего, не дай бог, будут осложнения, он с помощью адвоката, грамотного адвоката может обратиться в суд, и «разденут» тебя до гола. У тебя не останется ничего. Ты сейчас думай, как оплатить его лечение, чтобы он иск не подал. Это тебе дешевле обойдётся.

- Как «оплатить лечение»? – вскинулся Руслан. - Да ты что? Вечно что-то придумываешь: то канатку, то оплачивать лечение «безголовых». Пострадал-то он по собственной глупости.

- Верно! Но какая-нибудь комиссия установит, что у тебя нет

спасательной службы, нет плана спасработ в различных ситуациях, нет указателей на трассах, предупреждений об опасных местах. И закроют тебя! Как пить дать – закроют! Ты это понимаешь? А ведь база стала популярной, к тебе едет масса народа.

Посидели какое-то время молча. Руслан обдумывал слова друга, Александр Дмитриевич остывал, а Люба смотрела на него и думала: «Как он изменился! Он... ожил! Он вернулся к жизни! И, кажется, я его полюбила!»

- Хорошо, - заговорил Руслан, – что нужно сделать в первую очередь?

- Ну-у, уложить мешки с соломой в опасных местах, привязать их к стволам, установить транспаранты соответствующие. Повесить плакат со схемой трасс спуска с указанием опасностей. Составить план спасработ. Не для комиссии, а для себя. Заняться ратраком - с ним и канатку легче будет обслуживать. А завтра с утра проведи инструктаж со своими работницами. Даст бог, в оставшиеся дни ничего не случится, и сезон закончится без происшествий. Да, скажи своим дежурным - пусть приведут себя в порядок. Ведь с людьми работают! А то стоят небритые, одеты кое-как и во что попало, курят, когда рядом дети, женщины...

К сожалению, в жизни часто бывает так: одно неприятное событие тянет за собой другое.

Поначалу всё складывалось прекрасно. Сверкающие от солнца заснеженные склоны были переполнены – круговерть лыжников, сноубордистов, на посадку – очереди. И даже на канатку для начинающих цеплялись те, кто уже прилично владел лыжами. Видимо, под конец сезона все захотели накататься вволю, а кто не умел, решил всё же научиться... К обеду из-за западных хребтов вылез павлиний хвост перистых облаков, небо постепенно уплотнилось, загустилось. А потом и ветер холодный потянул.

Было ли какое-то предчувствие у Александра Дмитриевича? Нет, он был занят с новичками и лишь поглядывал на небо, понимая, что погода портится, и что, может быть, подвалит снега, и сезон продлится ещё на пару недель... Но когда разом остановились все подъёмники, смолкла музыка, закачались

кресла вперёд-назад, на буксировочных подъёмниках заоборачивались те, кто остановился между опорами, он вздрогнул и понял: то, чего он так боялся и, подсознательно, всё же ждал, случилось.

Первой мыслью было: «Где Люба? Неужели она повисла где-нибудь на высоте?». Но тут и она сама, замедляя скольжение, подкатила к нему.

- Александр Дмитриевич, что произошло?

- Отключили электроэнергию. Но, может быть, ещё дадут. В крайнем случае, прокрутят кресельную в аварийном режиме от генератора... Люба, всякое может случиться, и нам придётся возиться до темноты. Поэтому не жди, поезжай домой.

- Никуда я не поеду. Я врач и кому-то может понадобиться моя помощь, - твёрдость, прозвучавшая в голосе девушки, не допускала возражений. – Пойдёмте к Руслану Николаевичу, хочу спросить, какие медикаменты у него есть. Надо какие-нибудь рейки заготовить на шины. Могут и носилки понадобиться. И не думайте обо мне, вы сейчас нужны там, на канатке.

О тех, кто пользовался буксировочными подъёмниками, можно было не заботиться. Им-то что: бросил подвеску и - вниз. А каково тем, кто остался в кресле? Зимой даже слабый ветерок быстро выдувает всё тепло из-под самых толстых курток, пальто, шуб...

Александр Дмитриевич, переобувшись, нашёл Руслана в дизельной, заполненной чадом от выхлопных газов.

- Руслан, что будем делать?

- Саня, плохи дела: отключение электроэнергии по распоряжению начальника РЭС. До него не можем дозвониться, а диспетчер говорит, что ему категорически запретили включать нашу линию. А от генератора подъёмник почему-то не можем прокрутить – срабатывает защита. Отопление гостиницы, кухню обеспечиваем, а канатка не идёт, хоть тресни. Знаешь, я думаю нужно снимать людей с кресел.

- Снимать? Как? Чем? Нужно альпинистское снаряжение, карабины, обвязки...

- Всё это есть – ребята из альпсекции оставляют. А вот кто сможет?

- Наши. И ещё давай к лыжникам по громкой связи обра-

тимся. Наверняка среди них найдутся альпинисты, туристы. Необходимо организовать несколько групп по три-четыре человека. Разбить всю линию подъёма на столько частей, сколько будет групп. Каждая будет выходить к своей верхней опоре, а потом пойдёт вниз, спускаясь от кресла к креслу, снимая людей. Если где-то по ходу при подъёме будут дети - снимать их в первую очередь. Ну, и родителей. Если они с родителями. А потом идти дальше. Самая сильная группа пусть пойдёт к верхней станции - будут работать оттуда. И нужно постоянно говорить по радио, чтобы ни в коем случае не прыгали с кресел! Поломаются ведь!

Они шли, задыхаясь, чуть в стороне от двух линий тросов, провисших под тяжестью кресел с людьми. Напарники Александра Дмитриевича время от времени останавливались, передохнуть, а он, торопясь, гнал и гнал себя вверх. Не хватало воздуха, и не приходило такое нужное второе дыхание. Было одно, единственное. И оно не поспевало за сердцем, которое стучало часто-часто, едва не сбиваясь с ритма, как будто просясь наружу – ему тоже не хватало воздуха! Стук его отдавался в голове, отдавался в губах, в кончиках пальцев, в каждой жилке, в каждом кровеносном сосудике! А он шёл и шёл, хватая открытым ртом разряжённый морозный, обжигающий горло воздух, глядя на бесконечный снег под ногами и лишь изредка поднимая глаза, пытаясь разглядеть – есть ли где дети.

От чрезмерного напряжения сил было так жарко, что пришлось сбросить куртку после третьей опоры, там, где они довольно быстро спустили на снег мальчишку, которому происшедшее казалось всего лишь забавным приключением. С его мамой – молодой женщиной, - пришлось возиться гораздо дольше: она кричала от ужаса, отбивалась от спасателей, цеплялась за кресло, за всё, до чего только могла дотянуться... С кресла на другой ветви подъёмника требовал снять его какой-то мужчина, а на молчаливый отказ пригрозил всех уволить.

Когда они, закончив, пошли дальше, и Александр Дмитриевич взглянул вверх, вдоль двух рядов кресел, то понял, что работать придётся до темноты, а потом и в темноте тоже. Обязательно будут обмороженные, наверняка кто-то, не выдержав, не

дождавшись помощи, решил спрыгнуть с кресла. И вряд ли обойдётся без травм.

«Лишь бы никто не умер! Лишь бы никто не замёрз!» - заклинал он про себя.

Сверху, повиснув в креслах замершего подъемника, кричали, просили, требовали спасти их иззябшие люди. И если помощники Александра Дмитриевича иногда огрызались, то сам он не отвечал на ругательства и маты, несущиеся сверху от не совсем трезвых мужиков. Он шёл и шёл, поглядывая то под ноги, то вверх. А сильный ветер хватал крутым злым холодом мокрую от пота спину – из всей одежды вместо куртки и свитера на нём была только рубашка, да моток верёвки через плечо.

Вдали ребята уже спускали людей на снег и отправляли вниз. Один из помощников Александра Дмитриевича, остановившись, сказал сквозь хриплое дыхание:

- Всё, больше не могу!

Первое желание было - наорать...

- Посмотри туда, - Александр Дмитриевич, положив руки на плечи парня, мотнул головой в сторону канатки. - Им нужна наша помощь! А кроме нас их никто не спасёт. Думай сейчас не о себе. Слышишь, не о себе! Думай о них - они ведь околевают! А без тебя я не смогу их снять.

Молодой человек опустил голову, несколько секунд боролся с собой...

- Хорошо, я пойду. Как смогу.

В этот момент раздался сигнал рации:

- Саня, вы где?

- До намеченной опоры, - останавливаясь после каждого слова, ответил Александр Дмитриевич, - осталось метров пятьдесят. Ребята, что перед нами, сняли людей с пяти кресел. А передовой группе ещё идти и идти.

- Понял вас, понял. Здесь тоже уже многих спустили. Отпаиваем горячим чаем. Один ненормальный всё же спрыгнул и сломал руку. Саня, слышишь меня? Отбой! Отбой, говорю! Всем отбой! Удалось договориться, чтобы на сорок минут дали электричество. Через десять минут включаем. Как понял? Приём.

- Понял. Отбой. Возвращаемся, - и без сил лёг на снег рядом с помощниками.

Потом, сняв перчатку, нагрёб горсть снега и потёр пылающее лицо. Хватило сил сказать спутникам:

- Ребятки, не ешьте снег - может малярия на губах вылезти.

Они стояли у последнего автобуса.

- Трудный день выдался. Ты, наверное, тоже устала. Этот «лётчик», что кресла прыгнул, доставил тебе забот? Как он?

- Да ничего. Закрытый перелом, привязали шины. В городе наложат гипс, и всё будет в порядке. Остальных тоже осмотрела, некоторых отправила греться, - потом пошутила: - Александр Дмитриевич, вы на глазах у всех раздеваться стали: куртку сбросили, свитер, а что ж не продолжили? - и, сменив тон, уже с тревогой: - Я боюсь, как бы вы не заболели. Прогрейтесь, как следует, водки выпейте, ноги напарьте. Будете ложиться спать - укройтесь потеплее. И если почувствуете себя плохо, обязательно позвоните, и с грустью добавила: - Жалко - зима заканчивается.

- Смотри, Люба, какой снег валит! Так что думаю, ещё недели две покатаемся.

Но всё же он заболел. Уже на утро почувствовал себя плохо: болела голова, ныла поясница... Позавтракал без аппетита. Хотел было переодеться, чтобы встать на лыжи, но даже на это не хватило сил. Пришлось прилечь. Через полчаса понял, что совершенно не способен работать, позвонил Руслану, и тот отвёз его в город, домой.

Расставаясь и с трудом улыбаясь, заверил, что к субботе будет на ногах и вернётся на базу.

- Закончим сезон так, чтобы у отдыхающих остались самые лучшие воспоминания.

Не пришлось. К вечеру температура поднялась до критической, в голове мутилось... Едва хватило сил набрать Любин номер. Но говорить не смог - потерял сознание.

И уже за гранью бытия он спасал людей, снимал их с кресел подъёмника. Приходил в ужас оттого, что все они были ледяными, замёрзшими. Обнимал каждого, пытаюсь согреть, а они все рассыпались на ледяные кусочки. Он смотрел вверх, вдоль вереницы кресел, где сидели заколоченные люди, а откуда-то сверху бил ослепительный свет.

«Надо же, какое яркое солнце! Мне надо туда» - и пошёл, как тогда на базе, торопясь и задыхаясь...

- Тебе туда ещё рано! Отбой, слышишь, отбой!

«Кто это? Руслан?»

Он сам вдруг оказался в кресле высоко над склоном. Было страшно, потому что канатка стояла, и нужно было прыгать. Или замёрзнуть. Его трясло от холода. Внизу стояла Люба, протягивала к нему руки.

- Не бойся! Я рядом! Я спасу тебя!

И ему становилось теплее, теплее... Потом стало совсем тепло... И он очнулся.

- Веснянка? Ты как здесь? – каким слабым был его голос.

Люба смотрела на него воспалёнными от бессонницы глазами.

- Да, это я, твоя Веснянка! – улыбка появилась на её измученном лице. - Слава богу, ты, наконец-то, очнулся! Как ты меня напугал! Саня, ты позвонил, но почему-то молчал. Потом звонила я, ты не отвечал. Я бросила всё, узнала твой адрес, примчалась... Соседка открыла дверь... И вот почти две недели я лечу тебя. Лечу и молюсь! Молюсь и лечу! Сбегаю в больницу и снова к тебе! У тебя была жесточайшая лавинообразная пневмония. Видимо, сказалось высокогорье. Но теперь всё страшное позади, теперь всё будет хорошо. Теперь будешь спать и поправляться.

Она сидела на краешке постели, тихонько поглаживая его по руке.

Сквозь остатки сна он слышал, как Люба разговаривает с кем-то. Разговаривает резко, решительно. А мужчина, всё повышая и повышая голос, что-то требовал от неё.

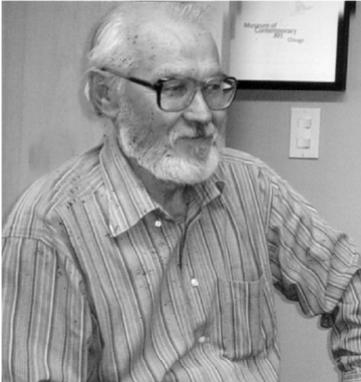
- Тебе что, плохо было? Я мог тебе дать всё, что бы ты ни захотела! А ты бросила меня! Бросила, когда мне приходилось чуть ли ни сутками вести сверхважные переговоры, когда мне нужна была забота, домашний покой, уют... Люба, если ты вернёшься, я прощу тебя, и всё будет по-прежнему.

«Какой знакомый голос. Кто это? Не могу вспомнить. О чём это они?» - подумал Александр Дмитриевич.

- Нет, Андрей, я не вернусь! За тот год, что мы прожили вместе, я поняла – тебе нужна домашняя кошечка. А я врач! Я

лечу людей и, смею надеяться, хорошо лечу! Ты хотел, чтобы я всё время была дома, я же люблю свою работу. Ты женился ещё до нашего знакомства на бизнесе. А я причем? Причем здесь я? Да и отец... И даже когда соседка дала тебе телеграмму о том, что твой отец в тяжёлом положении, ты не очень-то торопился! Очень уж занят был, видимо. А он - поверь, я не знала, что ты его сын, - почти умирал! А я причем? Причем я? Да и отец... Даже не была уверена, что он выживет! Но лечила его и молилась! Потому что... Потому что люблю его! И я спасла его, выходила! Знаешь, Андрей, если он позовёт меня, я пойду за ним, не задумываясь! И никогда не пожалею об этом!

Занятые своим жёстким разговором Андрей и Люба не видели, что на измождённом лице Александра Дмитриевича появилась светлая улыбка...

ЛОПНУВШАЯ СТРУНА

Рассказ

За ним хотели прислать машину, но он решил прогуляться пешком. Он уже вышел из подъезда своего дома на морозный воздух двора, когда вдруг спохватился, вспомнив, что забыл перчатки. Вернулся за ними. С осознанием «возвращаться – плохая примета – не будет пути», но все-таки вернулся, с досадой на себя, на свою стареющую память.

Заснеженные улицы города, серое в облаках небо, серое и тоскливое. Зябко, и прохожие, поеживаясь, торопливо идут, подняв воротники пальто. Машины нескончаемой лентой, опасаясь гололеда, нервно сигналивая, катят по улицам по своим каким-то срочным и важным делам – как чем-то напуганный табун без пастуха. Эти табуны – отдельный от пешеходов мир. Временами табуны образуют пробки, и тогда ползут, еще более нервничая, сигналивая, ползут медленнее пешеходов.

Среднего роста, на вид чуть больше шестидесяти лет. Ни чем не примечательное слегка курносое русское лицо, небольшие, серые, чуть насмешливые глаза. Одет он был в длинное, почти до пят, черное элегантно драповое пальто со стоячим воротником, делающее его стройным, солидным, как говорила ему знакомая цыганская певица – «элегантен – как рояль». Слепительно белый из тонкой шерсти красиво повязанный шарф дополнял эту элегантность. Светло-серая кепка едва прикрывала его густую шевелюру. На широком ремне, перекинутом через плечо, гитара в футляре и в чехле из плотной стеганой ткани.

Пальцы его рук давно и неизлечимо болели артритом. Чтобы быть в «форме», приходилось ежедневно делать специаль-

ную гимнастику и подолгу играть быстрые-быстрые пассажи. Это как-то спасало. Правда, только на время. Но об этом никто не знал, даже не догадывался.

А за рулем новеньких джипов - бритоголовые «качки» с бычьими шеями.

«Откуда они? Что им до моей гитары? – горько думал Гитарист. – Чужой, новый и страшный мир».

Он шел по улице, чувствуя себя действительно одиноким и никому не нужным прохожим.

Позади была целая жизнь. Полуголодное детство, смутные воспоминания о войне, коснувшейся и его семьи. Коммунальная квартира, карточки на хлеб и сахар. Детские, робкие попытки игры на скрипке. (Сосед по квартире был известным скрипачом и дал ему несколько уроков). Занятия акробатикой, повредил кисть. Школа, увлекся гитарой. Нашел учителя: старика-любителя. Его зацепило и уже не отпускало никогда желание играть на гитаре. В армии служил на флоте, на Дальнем Востоке. Однажды зимой на корабле сильно обморозился, стоя на вахте, заработал артрит. Комиссовали. Вернулся домой, снова занятия гитарой. Заметили, пригласили в цыганский ансамбль, и началась гастрольная жизнь. Сначала он превзошел всех известных цыганских гитаристов в своем городе, а затем и в стране.

Хорошо знал историю Русской гитары и ее репертуар, лучшие из пьес этого огромного наследия переиграл, но этого ему было уже мало.

Русская гитара считалась в музыкальном мире слабой и беспомощной. Ее унижали в своих книгах об истории гитарной музыки «эксперты-теоретики», походя высказывались о никчемности репертуара и отсутствии гитаристов-профессионалов. Надо было опровергать эту ложь. И он поставил перед собой задачу поднять престиж этого инструмента, и стал заниматься не по 3 часа в день, а по 8!

«И один в поле воин», - твердил он про себя. Ведь смог же испанец Сеговия в одиночку превратить Испанскую гитару из Золушки в Принцессу! Когда он слушал записи с игрой Сеговии, то, восхищенный и потрясенный, понимал – как несовершенна его игра. Еще он сознавал, что, к сожалению, еще не готов исполнять такие шедевры как «Чакона» Иоганна Себастьяна Баха или

«Концерт Аранхуэс» испанского композитора Хоакино Родриго. Он плакал, слушая этот «Концерт» - играл ли его Сеговия или Джулиан Брим. Но... День за днем совершенствовал свою технику, а особенно мировосприятие. Интуитивно чувствовал, что у Русской гитары есть свои козыри – это ее наследие, оставленное гениями начала XIX века Михаилом Высотским и Андреем Сихрой. Ему помогало само Провидение, и вело его к совершенству.

О нем заговорили, как о явлении в истории Русской гитары. Это было правдой. Ему не было равных.

Играл на редких, дорогих гитарах русских и испанских мастеров.

Впитывал, как губка, достижения разных гитарных школ, от цыганской, до испанской. Искал свою школу, русскую, неповторимую. Главное, к чему стремился, - разбудить эту «спящую красавицу», разговорить ее, чтобы ее услышали и полюбили, чтобы прекратились нападки на нее якобы из-за лишней седьмой струны. Какая глупость – считать количество струн!

...Теперь все позади. Восхождение закончилось. Казалось, он на вершине. Но так только казалось. Ее, вершины, не было! А была усталость. И ощущение пустоты.

Спустился в метро. Другой мир. Четко организованный, со своим ритмом, дисциплиной. Но в часы пик работающий на пределе своих возможностей. То всасывающий в вагоны, то выплевывающий из вагонов на платформы станций толпы пассажиров.

Ему всегда нравился запах воздуха в метро. Особенный, прогоняемый мощными вентиляторами – он был как неповторимое дополнение к этому подземному миру. В Париже, где он когда-то жил, запах в метро – другой. Странно?

В переходе между станциями он увидел беспомощно сидящего на мраморном полу молодого парня в камуфляже, с обрубками по самый пах вместо ног. Перед ним солдатский берет с монетами и мелкими бумажными купюрами.

Крепкий, широкий в плечах парень пел под гитару что-то о друзьях, боевых товарищах, не вернувшихся из боя. Его голос, сильный, упрямый, выдавал твердый характер, пробивался сквозь шум поездов и шарканье сотен подошв непрерывной ленты пассажиров, равнодушно идущих мимо его песни.

Гитарист остановился, положил в берет несколько мелких банкнот, на миг поймал взгляд усталых и обреченных глаз и по-

шел к платформе, к своему поезду, с горечью и состраданием думая об этом безвестном парне, жертве трагического разгрома страны.

Заныло сердце, напомнив о себе далекой, но неприятной боли. Что натворила «перестройка», «катастрожка»! Как быстро меняются люди, и не в лучшую сторону. Счастливые, беспечные улыбчивые лица сменились на угрюмость толпы. Раньше вагоны метро напоминали «избы-читальни» на колесах. Читали все, от мала – до велика. Да что там читающие повально Москва – Ленинград? Страна была самой читающей в мире! А ночные очереди за подписными изданиями? Утром брали штурмом книжные магазины!

А нужна ли сегодня моя гитара? Да нет же! Те люди, которые перестали читать книги, отвратились и от гитары. Если она еще нужна кому-то, так это таким людям, как старик-художник, к которому он сегодня приглашен. Но их все меньше и меньше. Да и сам художник с его академически-выверенными картинами, написанными в традициях старых мастеров, – тоже уже списан в архив. Ведь ответил же итальянский пианист, гений XX века Артуро Бенедетти Микельанджело на вопрос, почему Вы играете так мало концертов, один-два в год, ответил весьма просто и точно:

- Потому что исчезла та публика, которая понимала мою музыку. (А ведь это было сказано еще 30 лет назад).

Он вошел в вагон. Народу было немного: но все места заняты. А так хотелось присесть. Слегка подташнивало и ощущалась слабость – далекая, смутная, как надвигающаяся из-за горизонта гроза. Он встал, держась за поручень, перед сидящими двумя подростками. У обоих в уши были вставлены микронаушники, и они были погружены в «попсовую нирвану», делая вид, что не замечают стоящего перед ними пассажира. А ведь прямо над ними, на стекле, явно выделялась надпись: «Места для пожилых и инвалидов».

Он так и ехал, стоя перед ними, до своей станции. Стоял и размышлял:

«Как быстро взломала вся эта постперестроечная шатябратия советскую систему воспитания, а вместо нее внедрили «попсу». И она, как большая труба с помоями, хлынула к нам с

Запада. Ведь даже эти микронаушники и лежащий в кармане у пацанов миниатюрный плейер – это тоже с Запада. Как они хорошо подсуетились. И промышленность угробили по сценарию «советников» из-за бугра.

Колонизация страны без единого выстрела. Это прямо Аллен Даллас какой-то с его доктриной: «Заменить подлинные духовные ценности на фальшивые и заставить их (русских) поверить, что это и есть подлинные ценности».

Китай-город волнующе красив с его нетронутыми временем улицами, церквями, с их золочеными и малахитово-зелеными куполами. Зимний, неяркий свет освещал выбеленные стены храмов, подчеркивая их строгость и монументальность. От этих стен и куполов исходила благостная умиротворенность. На душе возникало ощущение, что ты не один на этом свете, что есть у тебя Защитник и Покровитель. И делалось покойно на душе.

Гитарист на ходу перекрестился. Полетели первые снежинки, потом все больше и больше. Они красиво кружили свой хоровод – невесомые, изредка падающее на лицо, и их прикосновение было нежным и прохладным...

Снова напомнило о себе сердце – как будто кто-то сжимал его, делая больно.

Оно и раньше напоминало о себе болью. Не первый год.
«Ладно, обойдется. Тут уже близко».

И все-таки он остановился на тротуаре, прислушиваясь к боли внутри.

Официального признания его мастерство не получило. Страна, в которой он жил, ее экономика и культура, ее значимость в мире как Великой державы, вдруг рухнула по воле «трех мудрецов», отменивших ее существование.

И, что странно, это не вызвало протеста и негодования у народа этой державы. Народ безмолвствовал. То ли находясь в шоке, то ли все еще надеясь на какие-то сказочные перемены.

А он, с его гитарой (а кроме нее у него ничего никогда и не было) – остался не удел.

Плановые гастрольные поездки отменены вместе со страной.

Страна – как огромный, сильный великан, раненый предательским ударом ножа в спину, упала на колени, а потом и вовсе развалилась на части.

... Но он продолжал играть, играть для тех немногих, которые его любили и обожали. Вот и этот художник, к которому он сейчас шел. Художник любил его за глубинную русскую душу, за идущую через него связь времен с тех самых пор, когда родился этот чудный инструмент, который является частью русской духовности и который продолжает жить в его волшебных руках, не утратив ничего из накопленного за два столетия, а, напротив, добавив к наследию новое, уникальное своеобразие...

Вот, наконец, старинный особняк с небольшим подворьем, засаженным старыми липами. Ажурный кованый забор вокруг двора. Римские колонны при парадном входе. На втором этаже с большими окнами, выходящими во двор, мастерская художника.

Гитарист поднялся по мраморной лестнице на второй этаж. Дверь открыл сам художник. Он радостно улыбался.

Это был коренастый, добротнo скроенный старик, с крепко посаженной головой, с залысиной над широким лбом, делающей его похожим на Сократа; голубые, не потерявшие яркости и зоркости глаза, изумленно глядели на мир. Большие сильные руки, привыкшие к труду у холста, на пленере или в мастерской, были протянуты для приветствия.

- Заждались, заждались, все нет и нет, - говорил он, помогая гостю войти в прихожую и раздеться.

- Решил пройтись пешком, редко бываю на воздухе.

Сняв пальто и шарф, Гитарист оказался в цветастой, с широкими рукавами цыганской рубашке и черном из шелка жилете, что сразу сделало его похожим на какого-нибудь «цыганского барона». Волосы цвета каштана, еще густые, но уже тронутые проседью были красиво уложены набок, а сзади ниспадали длинными прядями, слегка курчавясь. Не хватало только цыганской бороды. Однажды на съемках фильма, где он со своей гитарой возглавлял цыганский хор, он был одет также цветасто, но ему тогда для достоверности приклеили бороду и усы...

Прошли в мастерскую, где его с нетерпением ждали. Гости – люди разного возраста. Их немного – человек десять: художники, писатели, музыканты. В их глазах было любопытство, нетерпеливое ожидание главного – музыкального чуда. Один из них - известный виртуоз, балалаечник, играющий «каприсы» Паганини!

Он почтительным кивком головы поздоровался со всеми сразу. Гитару поставили, не расчехляя, в угол, рядом с картинами. Она должна с мороза отогреться, медленно прийти в себя. Резкие перепады температуры опасны для ее бесценных дек.

Это была мастерская известного в стране живописца. Академик живописи, профессор Академии художеств... Его работы находились во многих музеях Москвы и Ленинграда, в частных коллекциях. А гитару он обожал. Гитариста он чтит и сделал его портрет, который и сейчас стоит в мастерской. Бывал на его официальных концертах, изредка приглашал его (а он никогда не отказывал) к себе в мастерскую, поиграть в узком кругу почитателей и знатоков.

Мастерская почти что в центре Москвы - большая, просторная, с множеством законченных и начатых картин, ждущих своего часа. Стеллаж у потолка забит подрамниками, на полках вдоль стен книги по искусству.

Несколько старинных, без окладов икон, редкой красоты канделябр.

В центре - рабочий стол, на нем банки с кистями, тюбики с красками, мольберт на краю стола. В мастерской стоял густой, сладко пахнущий красками, скипидаром, льняным маслом, специфический запах. Особенный, волнующий запах.

В углу, в раме, готовая работа – инсталляция из пустых тюбиков из-под краски, смонтированных на холсте в странный, изумляющий своей оригинальностью, сюрреалистический пейзаж... Иногда художники любят шутки. Так Сергей Параджанов «создал» портрет польского актера Ольбрыхского из испорченных механизмов наручных часов. И ведь похож!

В правом углу мастерской стоял стол, накрытый для фуршета. С нарезанной и аккуратно выложенной на тарелочки колбасой, салом, солеными огурчиками, вазы со свежими румяными яблоками, печеньем, конфетами и другой снедью. Спиртного на столе не было! Чтобы не искушать Гитариста?

Гости вели себя непринужденно: кто-то дружески беседовал с соседом, кто-то неторопливо обходил мастерскую, разглядывая картины на стенах с восхищением и гордостью от сознания близости с Художником и чести им оказанной – посетить мастерскую.

Прошло уже более получаса. Руки Гитариста, которые ныли на морозе, согрелись и боль ушла, но чувствовал он себя сегодня не лучшим образом. Слабость не отпускала, хотелось прилечь, прилечь, но было неловко признаться в этом, испортить настроение хозяину и гостям. Художник заметил бледность музыканта еще в прихожей, когда помогал снять пальто, но тогда промолчал.

Теперь же, испытующе глядя ему в глаза, спросил:

- Голубчик! Как Вы себя чувствуете? Вам нездоровится?

Чтобы не расстраивать его, Гитарист постарался смягчить ответ:

- Пока шел к Вам, побаливало сердце. Но сейчас, кажется, отпустило. Полегче, - смущенно улыбнувшись, как бы оправдываясь, сказал он. - Я думаю... это не помещает мне играть сегодня, - и медленно пошел к гитаре, стоявшей в углу мастерской. Встревоженный художник проводил его взглядом и неуверенно объявил гостям:

- Сейчас начнется то, ради чего мы сегодня собрались. Ведь столетия назад именно так, камерно, салонно проходили концерты. Их бесценность в том, что ты рядом с музыкантом, ты слышишь тонкости и детали, тембры, становишься соучастником этого Таинства – рождения музыки, живой музыки.

Профессор поставил в центре мастерской старинный канделябр, ловко спичкой зажег все три свечи, затем выключил верхний свет. Мягкий и тихий свет странно преобразил пространство. Сделалось таинственно и необычно, а морозные узоры на окнах, выходящих во двор, замерцали бриллиантовым огнем.

Музыкант неторопливо распеленал гитару, бережно и ласково взял ее в руки, протер бархоткой деки и гриф, встал возле дивана, закрепив гитару на ремешке через плечо, чтобы освободить руки. Так он делал всегда – играл стоя, по-таборному, а не как гитаристы-классики, которые садятся на стул, под левую ногу ставят невысокую скамеечку, а гитару кладут на левое колено талией. У него была редкая, уникальная и дорогая гитара. Сделанная в Вене более 150 лет назад, она и сейчас была в прекрасном состоянии. Со средней мензурой, низкой обечайкой, нижней декой из красивого клена и верхней декой из светлой золотистого цвета ели. Местами потертый лак, что не удивительно для

такого преклонного возраста этой дамы, и с необычным голосом – красивым по тембру, напоминающим голос клавесина.

... Он дорожил этим инструментом. Гитара была его кормилицей и властительницей, порой своенравной и капризной.

Кончиками пальцев левой руки он коснулся струн на грифе, еще не прижимая их, а правую, ее большой палец и три другие, поставил на струны; сделал он это осторожно, как если бы по струнам шло высокое напряжение.

Потом от его легких, поверхностных касаний пальцами струн возникли один, другой, третий звуки. Сначала, как отдельные капли начинающегося дождя, потом все чаще и живее.

И зыбкое пространство мастерской, наполненное идущим из окна сумеречным неярким освещением, стало оживать, становиться разноцветным, как будто свет из окна стал преломляться через неведомую призму на цветные составляющие...

Он увереннее и несколько жестче извлекал уже целые россыпи звуков, которые то вместе, то порознь, как искры костра, раздвинули стены комнаты, и подобно миражу возникла в зыбком тумане старая Москва времен Пушкина, Лермонтова, Сихры: купеческая, мещанская, ярмарочная, балаганная, кабацкая, цыганская, поэтически серьезная, истово молящаяся в ее бесчисленных храмах; нищая, пьяная, бесшабашная.

Это было удивительно и страшновато: минуту назад безголосый инструмент, казавшийся сонным и немым, как будто начал просыпаться, и заговорил, заговорил, стремясь рассказать обо всем, что ему привиделось до этого.

Художник, по началу спокойно и безучастно слушавший первые пробы, первые ноты, постепенно приходил во все нарастающее изумление. Кожаное кресло, в котором он сидел, утонув расслаблено, в полудреме, медленно выдавливало его из себя. Он напрягся всем телом, потянулся вперед к источнику звука, позабыв о том, где он.

Стены мастерской исчезли и растворились. Художник стал парить в невесомости, окруженный только небесной красоты музыкой. Он и музыка. И ни одной живой души вокруг.

Вероятно это происходило со всеми присутствующими.

Терпкие и сладкие гармонии рождали ощущение радости и восторга, но порой звуки вызывали тревогу, печаль. Отчего же?

Вероятно, нахлынули сожаления об ушедшем безвозвратно, о том чего уже нельзя вернуть или повторить.

В жизни Гитариста было много концертов по городам России. Изредка он играл соло, но чаще аккомпанировал певице – исполнительнице цыганских романсов. Аккомпанировал так блистательно, что публика неистовствовала, а это вызывало ревность у певицы. Да и выходил он на сцену не во фраке, как принято, а в яркой цыганской рубахе, чаще ярко-красной, играл настолько ярко и виртуозно, что о нем стали ходить легенды: будто его кисти рук настолько мягкие и пластичные, что, выгибая их в обратную от привычной сторону, он пальцами касался запястья, будто играет он цыганские песни и танцы так по-цыгански потому, что родился и вырос в таборе.

Но этого не было! Табора никогда не было! Общение с московскими артистами-цыганами было, но это он учил их играть, а не они его.

Часто после концертов поклонники приглашали его в ресторан поужинать. Так он постепенно пристрастился к спиртному. Начались запои. Подолгу, страшно и мучительно он выходил из них. Но запои мешали жить, разрушали здоровье, медленно и неотвратно. Сколько выдающихся русских артистов, композиторов, музыкантов погибло в этой «трясине», ступив в которую, уже не вырваться. Она беспощадно и равнодушно тянет к себе в болото очередную жертву. И только пузыри лопаются на ее обманчиво спокойной поверхности... При выписке из больницы, в очередной раз, врачи говорили: не пить, не курить и поменьше пить кофе. У вас надорвано сердце. А выйдя из больницы – слабый и беспомощный, вновь начинал робко ласкать свою любимую подругу гитару. А она, как бы соскучившись по его ласкам, отвечала ему податливо неуверенной виртуозностью, редкой красоты звуками, но не сразу, а покапризничав какое-то время. Так обиженная возлюбленная прощает разлуку.

В Париже, куда он был приглашен частным лицом, одним из его почитателей и меценатов, Гитарист не играл академических концертов в больших концертных залах как Плейель, не играл на радио или телевидении. Но он играл в одном из лучших русских ресторанов Парижа, которые еще сохранились и продолжают привлекать публику не только русской водкой и икрой,

но и хорошей цыганской музыкой. Еще не забыли французы Алешу Дмитриевича и Владимира Полякова, поющих в «Распутине» в 60-е годы прошлого столетия.

В его памяти жили слова одной из песен Алеши Дмитриевича на стихи русского поэта Мятлева:

«Как хороши, как свежи были розы

Моей страной мне брошенные в гроб»... Горькие слова!

Несколько вечеров он «взрывал» парижскую публику своей виртуозностью, вызывая ностальгические слезы у потомков русских белоэмигрантов, пришедших на такой вечер в ресторан.

Забывал, что играет не дома, на Родине, а в Париже, он разговаривал со своей подругой-семиструнной, а она радостно и страстно отзывалась на его ласки...

После концерта его пригласили поужинать, проводив за ширму, где уже был накрыт стол. Из-за богато сервированного стола встал представительный мужчина лет шестидесяти. В тройке, с породистым лицом, кареглазый, с шевелюрой цвета старорого серебра, с черными бровями, матово-серебристыми усами и бакенбардами, но с гладко выбритым подбородком.

- Иван Алексеевич! Владелец этого ресторана, - представился он, слегка поклонившись. - Вы с редким мастерством исполняете старинную цыганскую музыку. Позвольте мне поблагодарить вас за выступление. Да и публика была в восторге, вы это видели. Я был безмерно рад услышать русскую семиструнную гитару, о которой говорят, что она умерла. Какое глубокое заблуждение! Предлагаю выпить за вас. Спасибо, что вы так талантливо напомнили нам о той России, которая когда-то была и которую мы потеряли. О Родине моих предков, да и моей, если угодно, - и он наполнил рюмки...

После небольшой паузы Иван Алексеевич сказал:

- Если позволите, я сразу о сути. Предлагаю вам работу у меня в ресторане. Приличное жалованье, ну и, естественно, гонорар от публики, а публика у нас весьма щедрая. Не тороплю с ответом. Подумайте, ведь у вас еще целых три дня в Париже.

Конечно, в эти три дня была и Эйфелева башня, и Сена с ее набережными, одетыми в гранит, и маленькие уютные кафе, и Собор Парижской Богоматери, который он видел только издалека, и Монмарт. А, кстати, метро ему не понравилось – мрачная подземка!

От предложения он отказался. Да и как остаться в Париже? Без знания языка, без друзей?

Не стал рисковать. И правильно сделал! А, может быть, нет?

... А гитара пела. Она пела в этот вечер особенно страстно. В его импровизациях было все то, что накопила гитара за столетия – все самое-самое лучшее. Здесь был и бесценный опыт предшественников, которые, отдавая жизнь этому инструменту, оставляли после себя пусть крошечное, но все же что-то новое, что-то свое. Это как плодородная Земля, накапливающая чернозем по сантиметру за столетие.

Звуки переплетались уже настолько сложно, что напоминали кружевное платье. Где нет начала и конца кружев. Нет понимания – как это сотворено?

Пальцы левой руки танцевали на грифе сложнейшие па, едва касаясь его, как балерина на пуантах, легко и беспечно. Правая же то вздрагивала, словно после удара током, то перебирала струны - порой невероятно быстро, словно торопясь выговориться.

Лицо Гитариста оставалось бесстрастным и отстраненным - и только брови его то поднимались как бы в изумлении, то опускались. Он был здесь и был неизвестно где. Он слушал гитару откуда-то сверху, как оглядывают плывущую в дымке долину с огромной вершины. Это она рассказывала, а не он. Она была живым существом, продолжением его рук, его души.

Взмывы и падения звуков напоминали взмывы и падения ласточек, когда они движутся по небу огромной стаей не по прямой, а все время непредсказуемо и стремительно меняя направления.

Звуки метались и вызывали щемящую тоску, как будто предвещающая нечто трагическое. Это чувство приближалось и нарастало...

Гитарист играл уж более часа, как вдруг гитара внезапно, без всякой музыкальной логики умолкла! Как будто оборвалась невидимая нить, творящая кружева. Резко и, казалось, беспричинно. И в этой наступившей тишине Гитарист с побледневшим лицом и пугающе-стеклянными глазами, покачнувшись, стал заваливаться навзничь. Правой рукой он искал в пустоте невидимую опору, а левой продолжал держать гитару. Падая, он с хрипом хватал воздух открытым ртом, пока не упал на край дивана,

неловко подвернув ногу, но так и не выпустив из руки гитару – бессознательно спасая это хрупкое создание от гибели.

Растерянный художник и другие гости, еще до конца не понимающие, что же произошло, бросились к упавшему.

Художник сделал это с неожиданной для его возраста и грузного тела стремительностью. Осторожно, но решительно извлек гитару из рук музыканта и передал ее стоящим рядом.

Торопливо, дрожащими руками стал расстегивать ворот рубахи и жилета, рвал пуговицы и все бормотал растерянным, дрожащим голосом:

- Как же это? Боже помоги!

Кто-то вызвал скорую. Тягостное ожидание длилось бесконечно долго. Она приехала минут через пятнадцать... Приговор врачей был страшным.

Молчаливо и опустошенно стояли вокруг еще теплого тела. Белые халаты, растерянные лица, опущенные глаза, боязнь взглянуть друг на друга, признать, что случилось непоправимое...

А гитара, та, что пела так страстно, ликующе, восторженно, а потом трагически, теперь безмолвно лежала в стороне и горестно глядела своим единственным оком на происходящее, как будто понимая, что нет теперь и не будет никогда Гитариста, для которого она была самой верной и надежной подругой.

За окнами в ночи начиналась метель, ее выдавал свист ветра в голых ветвях деревьев.

Они скрипели и раскачивались под ветром, как раскачиваются женщины-плакальщицы. Одинокий фонарь на столбе тоже покачивался, освещая квадрат заснеженного двора, зыбкого и неудобного, по которому змеилась поземка.

И вдруг в тишине мастерской раздался хлесткий, как удар кнута, звук, исходящий от гитары. Лопнула струна! Лопнули ее нервы!

Это было ее отчаянье!

Это было ее рыданье!

РОДИТЬСЯ В НЕБЕСАХ

Рассказ

В салоне самолета воцарилась наконец-то удивительная тишина, нарушаемая лишь монотонным гудением двигателей. Александру, после того кошмара, который ему пришлось пережить при взлете аэробуса и в течение последующих двух часов полета, такая тишина казалась невероятной...

Он летал на самолетах два-три раза в год, но этот взлет произвел на него гнетущее впечатление. Во время разгона потолочные секции самолета ходили ходуном и казалось, что фюзеляж аэробуса А330 вот-вот развалится на кусочки. При этом крылья дрожали так, будто вибрация и являлась подъемной силой. Александр даже закрыл глаза, чтобы оградиться от этой давящей картины, убеждая себя, что все идет как положено, что корпус аэробуса сделан из новейших композитных материалов, достаточно прочен и причин для волнения нет. Но когда он вновь открыл глаза и увидел, как выгнулись крылья уже взлетевшего самолета, то не смог избавиться от мысли, что аэробус с трудом справляется с полетом. Через час самолет попал в турбулентный поток и замахал крыльями, словно чайка в бурю. Александр представил себе, как от аэробуса отваливаются двигатели после этой тряски, и ему стало страшно. Он попытался сосредоточить свое внимание на экране монитора, установленного на спинке стоящего впереди кресла.

Развлекательных программ было много. Хочешь фильмом наслаждайся, хочешь музыку слушай – выбор приличный, лю-

бого взыскательного пассажира устроит. Можно было наблюдать за землей через внешнюю видеокамеру или рассматривать карту полета. Александр просмотрел список игр и выбрал пасьянс. От Сеула до Куало-Лумпура предстояло лететь почти шесть часов, надо было чем-то занять себя.

Но сегодня ему явно не везло. Он всегда думал, что любит детей. Однако окруженный в салоне сотней подростков, которые не говорили, а кричали что-то друг другу одновременно и поминутно взрывались оглушительным хохотом, в мире полного хаоса и вакханалии с летящими на пол фантиками от конфет и жевательной резинки, когда его толкали со всех сторон неугомонные детишки, подпрыгивающие на месте, словно мячики, а сзади ударяла спинка собственного сидения, сотрясаемая детскими коленями и ступнями, чьи обладатели увлеченно тыкали пальцами в экран монитора, закрепленного на спинке его кресла, – Александр понял, что начинает люто ненавидеть эту жующе-орущую орду. В голове возникали сладкие сцены мести, как он, вооруженный пейнтбольным маркером, встает во весь рост и без малейшего сожаления выпускает очередь шариков с краской в этих малолетних разбойников...

Они ведут себя так, словно кроме них никого нет на белом свете. Двое воспитателей, сидящих впереди, давно оставили попытки призвать распоясавшихся тинэйджеров к порядку. «Детки богатых родителей, – с сарказмом решил Александр. – Они думают, что им позволено все». Из обрывков фраз он понял, что эта орава едет в Малайзию изучать английский язык во время школьных каникул.

Александр с тоской посмотрел в начало салона. Там сидели смиренные паломники в белых хламидах. Ну почему ему не дали место среди них?! Оглянувшись назад, он поймал измученный взгляд беременной женщины, на вид лет тридцати. Она сидела в хвосте самолета. Мимо нее то и дело сновали возбужденные подростки, пихаясь локтями, дергая друг друга за рукава и непрерывно тараторя, будто потревоженная стая макак. Поняв, что ей тяжелее, чем ему, Александр испытал слабое удовлетворение.

Когда по салону разнесся запах разогреваемой пищи, дети наконец-то расселись по своим местам. Александр взял себе

лишь стакан минеральной воды без газа. В последнее время он с опаской приближался к весам. Работа программиста, вечное сидение перед компьютером, а дома перед телевизором, наличие машины, поглощение пиццы и гамбургеров – все эти бичи современной цивилизации откладывались жировой прослойкой на его еще молодом теле. Тридцать лет – расцвет сил! А он уже с трудом взбирается по лестнице и забыл, когда делал утреннюю зарядку. Александр начал ходить с друзьями на пейнтбольный полигон, но служил отличной мишенью для противника. Все это огорчало его.

Он вперился в монитор, стараясь не замечать жующих рядом детей и отвлечься от щекочущих ноздри запахов. Вскоре стюардессы убрали остатки еды и грязную посуду. Галдеж потихоньку стал затихать.

В какой-то момент Александр поднял голову и осмотрелся. Он не поверил своим глазам: все вокруг него спали. Это было невероятно! Александр почувствовал прилив счастья: после двухчасового гама наступившая тишина показалась ему раем.

Он блаженно потянулся и закрыл глаза. Перед взором плыли картины тропических островов, синего неба и аквамаринового океана, зеленые розетки пальм и белый коралловый песок. Александр сладко поежился. Наконец-то мечта станет явью. Он представил полуобнаженные тела малаек, их кожу, отливающую оливковым цветом, и счастливо вздохнул, предвкушая радость жизни на райском острове. Сколько пришлось экономить, чтобы скопить денег на это путешествие! Но говорят, тамошние красавицы любого белого считают миллионером и готовы оказать ему свое внимание.

Резкий толчок вырвал Александра из нирваны. Он открыл глаза, возмущенный бесцеремонным вмешательством в его грезы. Но задевшая его стюардесса была уже далеко. Она даже не оглянулась! Александр смотрел вслед девушке, невольно любуясь ее изящной фигуркой. Едва зайдя в салон азробуса, он сразу обратил внимание на эту стюардессу. Она была такой миниатюрной, что напоминала фарфоровую куклу. Короткая челка, длинные свернутые спиралью локоны на висках, небольшой вздернутый носик, огромные черные глаза. Рыжие волосы отте-

няли мраморно-белую кожу лица. «С такими глазами рисуют девушки в японских комиксах и мультиках, – подумал Александр и вспомнил: – Манга! Этот стиль называется манга».

Стюардесса возвращалась. Александру захотелось привлечь ее внимание. Сладко заныло сердце, в животе разлилась приятная теплота. Он знал, что, сойдя с автобуса, навсегда забудет об этой стюардессе. Сколько таких мимолетных встреч было в его жизни. Сколько раз захватывало дух от взгляда прекрасных глаз, обещающих, казалось, неземные наслаждения. И всякий раз он испуганно отводил глаза, разрывая волнующий контакт. Все эти секретарши, стюардессы, случайные прохожие и попутчицы наверняка имеют своих почитателей. Какое им дело до его томления! И все же, как хочется ощутить близость женщины, почувствовать струю горячей крови, бьющуюся в артерии.

Александр смотрел на приближающуюся девушку. И вдруг понял – что-то случилось. Большие глаза стюардессы были широко открыты – в них застыл ужас. Губы, накрашенные ярко-красной помадой, были плотно сжаты и напоминали кровавый порез на бледном лице девушки. Она почти бежала по проходу, бросая быстрые взгляды на спящих пассажиров.

Александр медленно поднялся со своего места. Заметив его, стюардесса резко остановилась, вперив в него свои антрацитовые глаза. Какой-то безумный огонь горел в них. Александр инстинктивно отпрянул, когда девушка бросилась к нему.

– Что случилось, мисс? – пробормотал в замешательстве Александр. – Я могу вам помочь?

Он физически ощущал страх, который заставлял дрожать тело прижавшейся к нему девушки.

– Боже, они... все... умерли, – голос стюардессы прерывался от волнения.

– Кто? – спросил ошеломленный Александр. – Вы можете объяснить мне, в чем дело?

– Господи! Спаси и сохрани нас! – вместо ответа вскрикнула она и закрыла лицо руками.

– Эй! Что у вас там происходит?! – донеслось из конца салона.

Александр оглянулся и увидел испуганную женщину. Придерживая большой живот руками, она направлялась к ним.

«Сидела бы дома, – зло подумал Александр. – Ей рожать, а она на самолетах летает!» Но вслух произнес, пытаясь успокоить пассажирку:

– Все нормально, миссис. Пожалуйста, сидите спокойно на своем месте. Вам нельзя волноваться!

– Черт побери, – женщина продолжала надвигаться на него, – сначала объясните мне, что с этой девочкой, а волноваться мне или нет, я сама решу!

Александр в растерянности повернулся к стюардессе.

– Мисс, вы можете нам сказать, что все это значит? – он приложил усилие, чтобы говорить спокойно.

– Все умерли! – всхлипнула стюардесса, не отнимая рук от лица.

– Как это все? – возмутился Александр. – Мы же с вами живы.

– Пилоты, экипаж, все, кроме нас! – Она наконец открыла лицо и окинула салон испуганным взглядом.

Александр почувствовал, как липкий страх подбирается к сердцу. Внутри него образовалась пустота, словно где-то лопнула ниточка, связывающая его мозг с телом.

– Не может быть, мисс! Этого не может быть. Вы ошибаетесь! – Ситуация была ошеломляюще нереальной.

Девушка разрыдалась в ответ во весь голос.

– Посмотрите на пассажиров! – сквозь рыдания прокричала она. – Они же все мертвы!

У Александра словно камень свалился с сердца. Тиски, сжимавшие его, ослабли.

– Ух, ну и напугали же вы нас, – с облегчением выдохнул он. – Успокойтесь, мисс. Они же просто спят!

Александр обнял плачущую девушку и указал на сопящего во сне подростка, который слегка пошевелился в кресле, принимая удобную позу.

– Конечно, спят! – недовольно проворчала беременная пассажирка. Она стояла сзади Александра, прислонившись к боковине сидения. – Что вы выдумываете, дорогая?

– С чего это вы решили, что пилоты погибли? Возможно, и они заснули, – сказал Александр, хотя сама мысль, что пилоты могут заснуть во время полета, показалась ему нелепой.

– Я принесла обед в кабину, – продолжая всхлипывать, рассказывала девушка. – Потом вернулась с кофе. Второй пилот открыл мне дверь и тут же рухнул на пол, словно его хватил удар. Я вскрикнула от неожиданности, но командир даже не повернулся ко мне. Я так сильно испугалась, что выронила поднос с кофе и бросилась в салон. Мои коллеги сидели в откидных креслах или лежали прямо в проходах, не подавая признаков жизни, как и пассажиры. Я решила, что все внезапно умерли и я одна осталась на борту. Я вернулась обратно в кабину – вдруг пилоты очнулись? Но они были в том же положении, в котором я их оставила.

До Александра только сейчас дошел весь ужас происходящего. Самолет летит с огромной скоростью 840 километров в час на высоте 11 000 метров над землей (цифры он увидел на экране монитора), неуклонно приближаясь к намеченной цели. Сейчас самолетом управляет автопилот. Но что будет, когда аэробус долетит до Куало-Лумпура? Вдруг пилоты так и не проснутся? Сможет ли автопилот посадить самолет, Александр не знал. Или, может быть, они будут летать до тех пор, пока не закончится горючее в баках, и затем рухнут на землю?

Страх грозил перерасти в панику. Александр пытался прогнать это чувство, злясь на свою беспомощность. Что же ему делать?! Он видел, с какой надеждой смотрели на него эти две женщины. У одной от волнения все лицо покрылось красными пятнами. Ее веснушки горели, будто нарисованные люминесцентной краской. Другая уставилась на Александра черными блестящими глазами, словно ожидая от него чуда.

– Мисс, возьмите себя в руки, – как можно спокойнее сказал Александр стюардессе. – Давайте посмотрим, что с пилотами. У нас есть еще три часа до посадки. Возможно, нам удастся их разбудить.

Проходя по салону, Александр внимательно всматривался в лица пассажиров. Было что-то противоестественное в этом сонном царстве. В любом полете кто-то из пассажиров не спит. Одни смотрят фильмы, другие играют в игры или слушают музыку. Здесь же спали все, даже еще недавно галдящие беспреестанно подростки. Что же случилось? Он попытался сосредоточиться на мелькнувшей догадке. Обед! Все произошло после обеда.

– Мадам, – он повернулся к тащившейся за ним пассажирке, – вы съели свой обед?

Она удивленно вскинула на него глаза и недовольно буркнула:

– Нет. Самолетная еда вредна для меня.

– А вы, мисс? – он обратился к стюардессе.

– Я не успела, – тихо ответила девушка и добавила: – Я же обслуживала пилотов. А что?

– Мне пришло в голову, – пояснил Александр, – что в пищу мог быть добавлен сильный наркотик или снотворное. Я думаю, это теракт. Ведь необязательно проносить на борт бомбу. Достаточно вывести из строя пилотов.

– Но ведь вся пища проходит строгий контроль! – с сомнением воскликнула стюардесса.

Александр пожал плечами:

– Вспомните 11 сентября, среди пилотов оказались люди Аль-Каиды. Вероятно, у них везде есть последователи.

Дверь в кабину была приоткрыта. Александр заглянул в нее и увидел расprostертое на полу тело второго пилота. Командир сидел на своем месте, безвольно склонившись на правый бок. Александр вошел в кабину и нагнулся над телом второго пилота.

– Пульс прощупывается! Я же говорил, что они спят! – радостно сообщил он. – Найдите в аптечке нашатырный спирт. Мы их сейчас разбудим.

Пока стюардесса бегала в поисках аптечки, Александр окинул взглядом кабину аэробуса. За лобовым стеклом, насколько хватало глаз, раскинулось белоснежное поле облаков, над которым сияло темно-синее небо. Это зрелище завораживало. Александр представил себе, что они летят надо льдами Арктики, и на минуту сам поверил в это видение. Потом он перевел взгляд на приборную доску самолета, и настроение его испортилось. Его поразило обилие кнопок и ручек на консоли справа от командира, непонятный ряд приборов на переднем щитке. Часть приборов дублировалась на панели второго пилота. Александр с уважением подумал о пилотах, которые запросто разбирались во всех этих штуках.

– Нужно обязательно их разбудить, – прошептал он.

Беременная пассажирка тем временем устроилась рядом

с кабиной в проходе на откидном сидении и с тревогой наблюдала за Александром. Она слегка постанывала и держала руки на животе.

«Господи, только бы она не вздумала рожать!» – мысленно взмолился Александр.

Стюардесса вернулась с пузырьком, и Александр, открыв его, поднес к носу пилота. Немного подождал, но пилот не просыпался. Александр принялся махать ладонью вверх пузырька с нашатырным спиртом, направляя испарения в сторону спящего. Никакого результата. Отчаявшись, Александр начал тормозить пилота, слегка ударяя по лицу, но привести того в чувство так и не удалось.

Александр понял, что зря теряет время и, обессиленный, опустился рядом с пилотом. Он старался не смотреть в сторону беременной женщины, но краем глаза видел ее испуганное потное красное лицо. Стюардесса казалась спокойной. Лишь бледная кожа и блеск черных глаз, занимавших, казалось, половину лица, выдавали ее испуг. Александр уловил в них затаенную надежду, ожидание от него решительных действий. Она верила в него! Александр провел дрожащей рукой по лицу, вытирая выступивший пот.

– Вы умеете управлять самолетом? – спросил он девушку, предвидя ответ. Та отрицательно покачала головой.

– А знаете, для чего все эти кнопки и ручки? – почти обреченно спросил Александр.

– Только некоторые, – тихо ответила девушка.

Монотонный гул двигателей успокаивал. Хотелось верить, что все идет нормально. Но ждать было бессмысленно. Надо было что-то делать.

– Нужно сообщить на землю о нашем положении, – вслух подумал Александр.

Стюардесса встрепенулась и радостно воскликнула:

– Я это могу!

Она кинулась было к приборам, но тут же застыла в нерешительности.

– В чем дело? – испуганно спросил Александр.

– Он мне мешает, – прошептала девушка. – Командир. Вдруг он все-таки умер?

Александр встал с пола и попытался вытащить пилота из кресла, но тот оказался тяжелым. К тому же Александр боялся задеть какую-нибудь кнопку или рычаг на панели. Стюардесса сразу указала ему на большую красную кнопку на ручке рычага, похожего на джойстик в компьютерной игре.

– Эта кнопка отключает автопилот! – предупредила девушка. – Ее нельзя трогать!

С большим трудом, с помощью стюардессы и едва двигавшейся пассажирки, которая больше мешала, чем помогала им, Александру все же удалось стащить тело командира на пол и вытащить его в салон.

Стюардесса заняла место пилота и надела на голову наушники. Нажала еще одну кнопку на джойстике и проговорила срывающимся голосом:

– Мэйдэй, мэйдэй, мэйдэй! Это борт КЕ 5890. Кей Игл 5-8-9-Зеро. Кто меня слышит, ответьте. Пилот и старший помощник не в состоянии управлять самолетом. Я – Лин Мэй, бортпроводница. Ответьте, кто может оказать нам помощь.

Лин посмотрела на Александра. Он кивнул головой и ободряюще улыбнулся. Девушка улыбнулась в ответ, и лицо ее преобразилось. Щеки порозовели, во взгляде блеснула радостная искорка. Она была так мила, что Александру захотелось прижать ее к себе. «Все будет хорошо! – сказал он себе. – На земле обязательно нам помогут». Он обернулся. Беременная пассажирка сидела на кресле, широко открыв глаза, застыв, словно мумия. Александр почувствовал что-то неладное.

– Что случилось, мэм? – встревоженно спросил он женщину.

– Воды отошли, – торжественно объявила она.

– Какие воды? – не понял Александр. В голове мелькнула мысль, что женщина повредила разум от переживаний. Потом до него дошло.

– Вы что – рожать собрались?! – завопил он. – Потерпеть не можете?

Пассажирка посмотрела на него с укоризной. Распухшее красное лицо с горящими рыжими веснушками пылало от возмущения.

– Все в руках Господа, молодой человек! Если женщина

рожает, ни один король в мире не может запретить ей это делать! – Внезапно ее лицо исказила гримаса боли, и она согнулась пополам. – Схватки начались, черт побери! – с трудом выдавила из себя пассажирка.

Александра пробил нервный озноб. Он беспомощно посмотрел на Лин Мэй. Та что-то говорила по радио. Видимо, ей удалось выйти на связь. Он опять повернулся к женщине.

– Мадам, вам следует лечь, – выпалил он первое, что пришло на ум. – Давайте найдем вам подходящее место.

Он бросился мимо нее в проход, одновременно горячо моля Бога отодвинуть срок родов. Александр слышал когда-то, что после отхода околоплодных вод может пройти даже больше суток, прежде чем родится ребенок. «Сделай так, чтобы мы уже были на земле к тому времени», – твердил он.

Александр быстро освободил сидения возле аварийного выхода из самолета, перенеся спящих подростков в конец салона. Это были единственные места, позволявшие свободно подходить к сидящему человеку. Потом с трудом довел до них женщину.

– Вас как зовут, мадам? – спросил он, усаживая ее в кресло.

– Хендрика. Я из Голландии.

– Прекрасно. А я – Алекс. Сидите здесь, я пришлю к вам Лин. Она вам поможет. Не волнуйтесь, все будет хорошо.

Он повернулся, намереваясь возвратиться в кабину, но голландка схватила его за руку.

– Вы можете управлять самолетом? – свистящим шепотом спросила она. Рука была горячая и потная. Александр боялся посмотреть в глаза женщины.

– Хендрика, я программист и смогу разобраться с управлением, – он старался говорить спокойно и уверенно, хотя сам не верил в то, что говорил. – Лин уже связалась с землей, и ей дают нужные указания. Мы посадим самолет, даже если пилоты не проснутся.

– Алекс, это мой первый ребенок, – просипела голландка. – Он должен жить.

«Господи, почему это произошло со мной!» – мысленно вскричал Александр, но вслух произнес лишь фразу, которая напомнила ему фильм о супермене:

– Мы все должны жить. Извините меня, я пойду к Лин.
Он ободряюще улыбнулся голландке и направился в кабину.

Лин сидела в кресле командира, сжав голову руками. Услышав шаги Александра, девушка повернула к нему бледное лицо.

– Они требуют, чтобы мы привели в чувство пилотов. Шансов посадить самолет самим у нас нет.

Опять тревога вошла в сердце Александра. Втайне он надеялся, что люди с земли дадут четкие команды Лин и все будет нормально.

– Неужели нельзя посадить аэробус в автоматическом режиме? Есть же радары, компьютеры! – выкрикнул он.

Лин сокрушенно покачала головой.

– Алекс, посадка всегда происходит под контролем опытных пилотов. Шанс посадить самолет только по приборам один к ста. Мы погибнем.

Он вновь бросился к пилотам, отослав Лин к голландке. Все его усилия разбудить пилотов были напрасны. Он в отчаянии посмотрел на приборную доску аэробуса. Как же разобраться, зачем нужны все эти кнопки и приборы?!

«Здесь всем управляет компьютер. Я должен понять, как он работает. Я – программист. Я смогу это сделать, – настраивал себя Александр. – Нужно выйти в Интернет. Там есть ответ на любые вопросы!» Он направился в салон к своему месту. Там был его интернет-планшет.

Александр остановился на полпути возле голландки.

– Как дела?

– Схватки идут почти непрерывно, – вместо Хендрики ответила Лин. – Я думаю, она будет рожать.

– Черт, только этого нам не хватало! Лин, на борту есть Интернет?

Стюардесса утвердительно кивнула.

– Недавно нам установили Аэромобайл. Теперь на борту есть постоянная связь во время полета.

Александр вытащил из кармана мобильный телефон и включил его. Пока он дошел до своего кресла и достал интернет-планшет, установилась связь. Он набрал номер своего знакомого. С

компьютером в руках Александр вернулся к женщинам. «Ответь, Олег! Ответь, пожалуйста!» – твердил он про себя, прижимая трубку к уху. Испарина покрыла его лоб.

– Лин, намери пароль и выйди в Интернет, – попросил он стюардессу.

И вздрогнул, когда в трубке раздался хрипловатый голос друга:

– Вас слушают, говорите!

Это была связь с привычным, надежным миром. Как же попасть в него обратно, как вырваться из лап приближающейся смерти?

– Олег, это я – Алекс. Ради бога, ничего не спрашивай, у меня мало времени. Все брось и выслушай меня. Это вопрос жизни и смерти. Я не шучу и не преувеличиваю! У меня здесь рождает женщина! Я не могу вызвать скорую, Олег! Я вообще ничего не могу! – Александр готов был закричать от беспомощности. Как ему убедить друга, дипломированного врача, что он говорит серьезно? – Послушай, Олег, я в самолете. Он на высоте 11 километров. Пилоты в отрубле, пассажиры в летаргическом сне. Здесь я, стюардесса и беременная женщина. Нет! Это не розыгрыш, Олег!!! И не плод моей фантазии!

Александр замолчал, стараясь успокоиться. Потом заговорил, подавив всякую истерику:

– Олег, спаси эту женщину... и ее ребенка. Ты ведь врач, акушер. Это твой долг. Я тебя умоляю. Расскажи, что мы должны делать. Ребенок вот-вот начнет рождаться!

Спокойный тон Александра возымел действие. Ему поверили.

– Хендрика, откинься на кресле, расслабься, дыши спокойно. Лин, помоги раздеться Хендрике. Нижнюю часть. И дай мне планшет.

Александр набрал в поиске «спасти аэробус». Перед глазами поплыли заголовки: «Диспетчер пытался спасти аэробус», «Аэробус спасла рука Бога», «Вряд ли удастся спасти аэробус». Он изменил тему: «посадить аэробус». Выскочило сразу несколько похожих заголовков: «Как посадить аэробус А330», «Джеймс Мэй. Как посадить аэробус А330 и другие жизненно важные навыки современного мужчины». У Александра даже руки затряс-

лись от возбуждения. Он же говорил, что в Интернете есть все! Он нажал на опцию «прочитать текст» и взглянул на полулежащую в кресле женщину. То, что он увидел, повергло его в состояние шока. Александр закричал в трубку:

– Боже, Олег, как у нее все разбухло! Это ужасно! Бедная женщина! Неужели это так происходит?!

Голландка сильно застонала, и он не выдержал.

– Лин, смотри за Хендрикой. Я сейчас вернусь.

Он бросился в кабину, чтобы хоть немного прийти в себя.

– Олег, все происходит на самом деле, – продолжал говорить он в трубку. – Я сам в это не верю. Но ребенок должен появиться на свет. Это его право. Хотя я не знаю, сможем ли мы сесть на землю. Мы найдем выход, я убежден в этом. – Последние слова он говорил больше себе, чем далекому другу.

В лобовом стекле, сквозь разрывы облаков, виднелись темные пятна земли. Аэробус продолжал полет по заданному курсу. Двигатели работали без перебоев.

– Надо обработать руки спиртом? Виски подойдет? Хорошо, пошел искать виски.

Из салона раздался громкий вскрик Лин, и Александр помчался туда.

Хендрика стонала, проклиная себя за то, что согласилась лететь в этот чертов рейс, мужа, который бросил ее на произвол судьбы, уехав в командировку, Господа Бога, который допустил, что она попала в этот кошмар и который придумал женщинам рожать в муках.

– Мне кажется, сейчас начнется! – испуганно сказала Лин.

– Бегом принеси чистую ткань. Намочи ее. И принеси бутылку виски, – приказал Александр. – Нужно продезинфицировать руки, – пояснил он, перехватив недоуменный взгляд стюардессы.

Голландка старалась дышать ровно и не напрягаться. Она полулежала на откинутых креслах, широко расставив ноги. Верхняя часть ее была покрыта какой-то тканью, нижняя была открыта взору Александра. Увиденное привело его в ужас. Он сильнее прижал к уху трубку и закричал в нее:

– Олег, влагилице сильно раздулось. Там что-то показалось!

Подбежала стюардесса с бутылкой виски в руках и обрывком ткани.

– Лин, лей виски на руки, – приказал Александр. – Себе лей! Прижми палец к ее влагалищу, нужно замедлить продвижение плода. Что еще, Олег? Хендрика, не тужься, ради бога! Дыши чаще, иначе у тебя все там порвется! – Александр, словно суфлер в театре, передавал наставления друга. – Лин, придержи голловку. Господи, до чего она длинная и узкая! О боже, она стала круглой! Лин, скорее вытри ему личико от слизи мокрой тканью!

Хендрика дышала, словно загнанная лошадь, отдыхая между схватками. Лин потихоньку принимала плод.

– Не понял, Олег, повтори. Что? Лин, смотри за пуповиной. Пальцем убери ее, чтобы шейку не обмотало. Смотри, чтобы ребенок не выпал. Не пытайся его тащить!

Александр был мокрый от пота, напряжение достигло предела. Он боялся, что Лин сделает что-то не так. Ребенок был таким маленьким, что на него страшно было смотреть.

– Плечи вышли, – сообщил он Олегу и тут же передал его слова девушке: – Лин, постарайся не мешать ребенку. Он сам должен повернуться, как ему удобнее. Проверь ему нос и рот, нет ли там слизи.

Вскоре Лин держала в руках окровавленное тело младенца. А через секунду он разразился диким криком. Хендрика откинулась в изнеможении, счастливо улыбаясь. Александр подумал, что она по-своему красива, несмотря на рыжие веснушки.

– Ты слышишь, Олег? А ты мне не верил. Все это взаправду, старина! Лин, Олег говорит, что надо перетянуть пуповину шнурком в нескольких сантиметрах от пупка ребенка. Не дергай за пуповину, она сама выйдет. Можешь положить его на грудь матери. Пусть успокоится. Надо еще перевязать пуповину пониже. Потом ее перережем между шнурками. Это все, Олег? Господи, я так устал, словно сам рожал. Спасибо, Олег. Ты сегодня спас человека. Что? Лин, посмотри, нет ли там двойни? И сделай, пожалуйста, Хендрике массаж живота. Хендрика, ты держалась молодцом. У тебя отличный сын, поздравляю! Лин, у меня нет слов. Ты просто чудо! Ты сделала все как надо.

Девушка повернула к нему улыбающееся лицо. Оно было

перепачкано кровью, как и ее руки. Черные глаза светились счастьем.

– Я пойду умоюсь, – сказала она.

И тут Александр вспомнил о самолете. В суете вокруг Хендрики они напрочь забыли о надвигающейся катастрофе. Он быстро прошел в кабину. Пилоты были в том же самом положении.

Александр просмотрел в планшете скаченный текст. Ситуация, описанная в книге, настолько была схожей, что он приободрился. В книге пассажир смог в одиночку посадить самолет. А у него есть Лин, значит, их шансы в два раза выше, чем у этого мифического пассажира.

В кабину вошла Лин Мэй. Она показалась Александру такой близкой, словно он знал ее очень давно. Он уловил ее аромат, едва ощутимый запах пота, смешанный с какой-то косметикой, шампунью и помадой. К этому букету примешивался особый запах, который потянул Александра к ней. Он вдруг понял, что хочет ее. Все в нем напряглось. Он взглянул в глаза девушки, ища ответного чувства. «Если мы погибнем, – пронеслось в голове, – неужели мы не можем испытать наслаждение в последний раз? Какие могут быть теперь запреты?» Но, увидев тревогу в глазах Лин, взял себя в руки и сказал:

– Свяжись с землей, Лин. Они, наверное, потеряли нас, пока мы возились с Хендрикой.

Девушка села на место пилота и надела наушники.

Александр взглянул на часы. Боже, прошло больше двух часов с тех пор, как он узнал о надвигающейся трагедии. Самолет уже недалеко от Куало-Лумпура!

Он лихорадочно пробежал глазами текст, со страхом понимая, что смысл написанного ускользает от него.

– Лин, помоги мне! – в отчаянии вскрикнул он. – Какие из этих приборов ты знаешь?

– Вот скорость полета. Нужно держать ее между этими двумя красными линиями, – девушка указала на самый большой прибор в центре щитка. – Здесь же авиагоризонт, высотомер, указатель курса и вариометр. Он показывает ускорение.

– Мы не сбились с курса? – встревоженно спросил Александр.

– Нет, – Лин помотала головой и тут же ответила в микрофон: – Борт KE 5890, я Лин Мэй. Алекс, они дают частоту и курс LS аэропорта. Они говорят, его надо ввести на дисплее регулятора МАКДуу. Где это? Нужно нажать какую-то кнопку RAD/NAV. Алекс, что мне делать? Они предлагают нам попробовать приземлиться с помощью системы инструментального захода самолета на посадку. Это очень опасно. Шанс приземлиться благополучно очень мал, но у нас нет выбора. Мы должны разобраться в этих кнопках!

В голосе девушки звучало отчаяние. Александр отыскал в тексте на планшете нужный рисунок и показал его стюардессе.

– Посмотри, Лин. Это справа от кресла. Вот этот прибор со множеством кнопок. Это регулятор. А вот эта кнопка.

Александр нажал на кнопку и клавиатурой ввел названные девушкой цифры. Потом закрепил введенный курс другой маленькой кнопкой. Он следовал тексту, написанному на мониторе планшета.

Лин, сидя в кресле, выполняла инструкции с земли. Александр взглянул на высотомер. Они снижались.

Время ползло медленно. Размеренно гудели двигатели. Земля неуклонно приближалась. Лин продолжала что-то переключать на приборной доске. Александр пытался найти объяснения ее действиям в тексте книги, но там отсутствовали подробные детали. Он не мог помочь девушке.

– Алекс, посмотри в книге, как убираются закрылки, какие конкретно рычаги. Они мне говорят, но я ничего не понимаю! Я снижаю скорость на автопилоте.

– Вот этот рычаг на первый уровень, – откликнулся он, сверившись с текстом. – Тут написано, нужно сбросить скорость и перевести рычаг на вторую стадию. Потом держи скорость на 10 узлов выше красной линии.

Лин благодарно улыбнулась ему и принялась крутить ручки на автопилоте. Александр напряженно следил за ней, радуясь ее спокойствию. Ее точный красивый профиль четко вырисовывался на фоне белых облаков, плывущих за лобовым стеклом аэробуса. Казалось, страх покинул ее. Она вся превратилась в послушное орудие земного диспетчера, который нашептывал в ее ухо какие-то команды.

– Я настроила курс на взлетно-посадочную полосу, – тихо хонько докладывала она Александру. – Алекс, найди кнопку с надписью «APPR». Это автоматическая посадка.

Он быстро нашел кнопку и показал Лин. Их руки встретились, и Александр сжал ее холодную узкую ладошку в своей теплой ладони. Лин посмотрела на него своим загадочным гипнотическим взглядом. Уголки плотно сжатого рта слегка изогнулись в улыбке. Она ответила на его пожатие и произнесла:

– Алекс, теперь нужно опустить шасси. Посмотри, где рычаг. Он должен быть рядом с помощником пилота.

Александр потянул найденный рычаг, и вскоре на дисплее весело засветились зеленые огоньки. Глядя на них, он подумал: «Не верю, что у нас нет будущего. Мы не должны погибнуть. Мы сядем». Как он жаждал заглянуть в будущее, всего лишь на полчаса вперед. Есть ли они там, в близком будущем? Можно ли пропустить этот короткий миг и оказаться сразу там – через полчаса?

– Нужно еще уменьшить скорость и выпустить два последних уровня закрылок, – вслух прочитал он текст на экране планшета.

Александр поднял глаза от приборной доски и взглянул в лобовое стекло аэробуса. Земля надвигалась на них, и тут ему по настоящему стало страшно. Уже была видна взлетно-посадочная полоса и здания аэропорта. Развязка неминуемо приближалась.

– Я пойду, посмотрю, как там Хендрика, – сказал Александр и вышел. Он не мог перенести это напряжение ожидания.

Проверив ремни безопасности у голландки и пожелав ей счастливого приземления, он вновь вернулся в кабину и сел в кресло помощника пилота. Земля заняла уже все видимое пространство и продолжала увеличиваться в размерах.

– Мне кажется, что нос самолета смотрит прямо в землю, – тихо проговорил Александр. – Я думаю, следует чуть-чуть поднять его.

Лин отрицательно мотнула головой:

– Автопилот знает, что делает. Сейчас мы спустимся еще ниже, загорятся лампочки, и тогда я подниму нос.

Сказала она это спокойно. Но по побелевшим костяшкам пальцев, которыми она сжимала ручку джойстика, Александр понял, каких усилий стоило девушке это спокойствие.

– Ты сможешь, Лин, – как можно увереннее сказал Александр. – У тебя все получится.

И, собравшись с духом, добавил:

– Мы будем жить долго и счастливо. И у нас будет много детей.

Лин улыбнулась и проговорила:

– Конечно, милый. – При этих словах Александру захотелось обнять девушку, но Лин охладила его пыл, резко бросив: – Как только колеса коснутся полосы, нужно будет перевести вот эти два дросселя назад. Алекс, помоги мне это сделать.

Земля наползала на аэробус. Александр перекрестился, хотя никогда не верил в Бога. Лин шептала слова молитвы.

«Сейчас, сейчас», – словно ходики тикало в голове Александра. Сколько раз ему приходилось выполнять посадку самолета в компьютерных играх. Как легко и просто он это делал! Никаких эмоций. Теперь, видя приближающуюся землю, Александр ощутил каждой клеточкой своего тела реальность происходящего. В это мгновение на небесах решалась их судьба. Продлятся ли линии их жизни, а вместе с ними и всех остальных людей на борту аэробуса или будет поставлена жирная точка на всех их мучениях? Разве может сравниться иллюзорность компьютерной игры с настоящей жизнью?!

Александр вцепился в подлокотник кресла руками, ожидая удара о землю. Сердце замерло, и он плотно сжал челюсти. Лин потянула рычаг, и земля в лобовом стекле ушла вниз. Александр увидел дальний конец взлетно-посадочной полосы. Тут же раздался сильный треск и аэробус подбросило в воздух от удара об полосу. Александра вдавило в кресло, потом бросило вверх. Через секунду самолет снова тяжело опустился на землю.

– Хвала Богу, шасси выдержали! – крикнула Лин.

– Гаси скорость, Лин! – закричал Александр, видя с какой скоростью они мчатся по полосе. – Гаси, иначе разобьемся!

Он всей массой налег на тормоза. Лин перевела рычажки на дросселях, и двигатели взвыли, работая на реверсе.

Александр продолжал давить на тормоза, даже тогда, когда самолет легко побежал по земле, а Лин перевела дроссели на холостой ход. Наконец аэробус замер на месте, и девушка вык-

лючила двигатели. В наступившей тишине было слышно их тяжелое дыхание.

– Лин, – после небольшого молчания произнес Александр, – я сегодня словно второй раз на свет родился.

– А я чуть не потеряла своего ребенка, когда вы врезались в землю, – раздался ворчливый голос за их спиной. – Насилу в руках удержала!

Александрю эта реплика показалась такой смешной, что он расхохотался. Он смеялся до слез, видя, что и Лин истерично всхлипывает от смеха, душившего ее. Теплая волна адреналина охватила его, топя в блаженстве. «Жив, жив, жив!» – пела каждая клеточка его тела.

«Мы все сегодня родились заново, спустившись с небес!» – подумал Александр.

И тут он очнулся. Открыв глаза, увидел склонившегося над ним Олега. Это было так неожиданно, что Александр вздрогнул и огляделся. Кабина аэробуса вместе с Лин Мэй исчезла. Он сидел в кресле, а напротив него стоял Олег.

– Ну, каково впечатление от просмотра программы? За этим зреем будущее!

– Потрясающе, – вымолвил Александр, стараясь прийти в себя. – Я так переживал, такое никогда не забудешь!

Но постепенно осознание того, что все случившиеся было лишь игрой воображения, принесло жгучее разочарование. Как захотелось вернуться туда, где он чувствовал себя героем. Увидеть манящую улыбку Лин Мэй. Почувствовать дурманящий запах ее тела. Неужели все было лишь иллюзией?! Как ярко он помнил все свои ощущения, свой страх смерти, жажду жизни и решимость бороться до конца!

Он посмотрел на свои руки, кончики пальцев слегка дрожали.

– Да, здесь задействованы все органы чувств, – продолжал говорить Олег. – Притом игра интерактивна, она меняется в зависимости от поведения героев. Не каждому участнику удавалось долететь до земли целым и невредимым. Тебе, Алекс, повезло! Ты дошел до конца игры.

– Неужели вы даете человеку пережить смерть?! – ужаснулся Александр. – Это же опасно, участник игры может не вы-

держат напряжения...

– Мы следим за его состоянием по приборам, – ответил Олег.
– Если он приближается к эмоциональному пику, мы прекращаем сеанс.

– А вдруг прозеваете? – усомнился Александр.

– Сеанс в любом случае прервется автоматически, – успокоил его Олег. – Чашечку кофе?

– Не откажусь.

Внутри Александра было пусто, будто он безвозвратно потерял что-то очень ценное, чему не мог дать определение. Слово то, во что он верил, вдруг оказалось пыткой.

– Алекс, очнись! – Олег протянул ему чашечку с кофе. – Все кончилось. Кстати, при желании, ты можешь повторить сеанс. Вернуться на аэробус. Ты не будешь помнить, что участвовал в этой игре. Приборы отключат те участки мозга, которые помнят об этом. Все будет как и в первый раз. Те же острые чувства. Компьютер на основе движений актеров создает трехмерные модели. Эти модели и участвуют в игре. Компьютер меняет их поведение, в зависимости от игры основного персонажа. В сегодняшней игре ты был героем. Все удалось, благодаря твоим действиям. Поздравляю тебя! Модели лишь подыгрывали тебе. Можешь не сомневаться в том, что кинематограф умрет после внедрения нашего изобретения! Кто станет смотреть скучные фильмы с их иллюзией сопереживания? У нас все сливается с плотью и кровью играющего. Память о сеансе останется, будто все произошло с тобой в реальности. Мы можем сделать серую жизнь любого человека яркой и насыщенной, наполненной приключениями и романтикой, экзотической любовью. Он получает все это без лишней траты времени и сил – вот что важно!

Александр слушал друга и думал, что пережитое действительно стало частью его жизни. Недавнее напряжение еще пульсировало в его теле. Адреналин продолжал бурлить в крови. «Я ведь был там! – мелькнула в голове мысль. – Чем это воспоминание отличается от других, реальных, ставших для меня такими же далекими и, как и это?»

Сеанс можно пережить еще и еще раз, так сказал Олег. А в жизни что-нибудь повторить невозможно. Каждое мгновение уни-

кально, поэтому и бесценно. В игре все обесценивается и ставится на поток.

И все же Александру хотелось вернуться назад, в кабину аэробуса. Там он чувствовал себя героем, и там была его девушка. Но она ведь могла стать девушкой любого желающего. И это было неприятно Александру, словно он ревновал Лин к потенциальному участнику игры.

– Сейчас мы подготовили ряд программ, которые надо апробировать, – рассказывал Олег. – «Побег из тюрьмы», «Захват поезда террористами», «Крушение самолета в джунглях Борнео», «Захват острова» и кое-что еще. Если желаешь, можешь попробовать.

– Спасибо. Мне нужно время, чтобы отойти от этой программы. Хотя «Захват острова» звучит заманчиво.

– Еще бы! Нужно будет разработать стратегию и тактику боевых действий. Пейнтбол ничто по сравнению с этой операцией. Кстати, «Побег из тюрьмы» тоже вещь стоящая. Подземные туннели, вертикальные шахты, реальная угроза быть обнаруженным и убитым. Это такая порция адреналина, парень!

– Все же мне надо отдохнуть.

Уже выходя из кабинета Олега, Александр обернулся и посмотрел на друга.

– Ты не подскажешь мне адресок актрисы, которая играла Лин? Просто хочу ей сказать спасибо за прекрасную игру.

Олег понимающе улыбнулся и сказал, протягивая Александру листочек бумаги с адресом:

– Дружище, мы сейчас разрабатываем вторую часть этого сеанса. В ней будет такая экзотика, джунгли, коралловый рай и, самое главное, такая страстная любовь с Лин Мэй, какая тебе не снилась в самом изощренном эротическом сне! Это будет фантастическое наслаждение! Подожди чуть-чуть, и Лин будет твоя!

Александр вышел, сжимая в кулаке клочок бумаги.

«Вряд ли я вновь вернусь в этот мир грез, – подумал он. – Любовь может быть только настоящая, как и все в этой жизни». Перед его глазами стояли черные, словно два бездонных колодца, глаза Лин. Ему хотелось верить, что Лин Мэй будет вспоминать о нем. Так же, как и он о маленькой стюардессе с аэробуса А330.

Внезапно Александр остановился, разжал кулак и посмотрел на смятый листок бумаги с адресом. Можно было просто выбросить его и навсегда забыть о Лин Мэй. Ее никогда не существовало. Это был выдуманный персонаж из игры. Раньше Александр так бы и сделал, но сейчас он бережно расправил листок и сказал себе:

– Черта с два у них будет вторая серия!

И решительно зашагал по указанному адресу.

Владимир МЕДВЕДЕВ

ЗАХХОК

Роман*

Содержание предыдущих глав.

События происходят двадцать лет назад в Таджикистане в самом конце кровопролитной гражданской войны. В маленьком районе центре, не затронутым военными действиями, при неизвестных обстоятельствах убивают врача. Его сын от русской “городской” жены Андрей приходит к убеждению, что следствия не будет, и в гневе угрожает местному прокурору самостоятельным расследованием, обещает найти убийцу, “разворошить гадюшник”, привезти из столицы следственную бригаду... В итоге Андрей, его мать Вера и сестра Зарина вынуждены бежать из поселка. Младший брат покойного Джоруб, совхозный ветеринарный врач, увозит их с собой в Талхак, глухое селение в горах Дарваза, обещая им безопасность. Однако “сельская” жена убитого — Бахшанда встречает городскую семью мужа весьма враждебно. Дильбар, бездетная жена Джоруба, покровительствует новообращенной родне.

Тем временем в Талхаке происходят драматические события. Жители расположенного в верховьях ущелья кишлака Де-хаи-Боло, прозванные вазиронцами, силой отнимают пастбище, на котором пасется скот талхакцев. По всей вероятности, они рассчитывают на вооруженную поддержку Зухуршо, предводителя отряда боевиков, который обосновался недавно в Ворухе, нижнем селении, и взял в жены девушку из их кишлака. Во время схватки по случайности погибает Ибод, молодой пастух, племянник Джоруба. Талхакцы в гневе готовятся к войне с обидчиками.

* Продолжение. Начало в №2 за 2012 год.

Глава 4

Джоруб

Мужики, столпившиеся вне двора на тёмной улице, закричали:

— Месть! Месть!..

— Война!

— Отнимем у них пастбище!

Мы, горцы, — мирный народ. Возделываем скудные поля, пасём скот и терпеливо покоряемся произволу властей. Но когда несправедливость перехлёстывает через край, в нас вскипает кровь предков, прогнавших из наших гор солдат Искандара Зулкарнайя, Александра Македонского. На чужое мы не заримся, а за себя постоять способны. Старые люди ещё помнят, как во время войны — не этой, нынешней, а прошлой, которую теперь называют борьбой с басмачеством, — к нам прислали отряд милиции, чтобы подавить волнения... Тогда и сложили такой стих:

Страна Дарваз — ущелье меж гор, для битвы здесь места нет,
И у людей с изначальных пор ни ружей, ни сабель нет.

В топоры и лопаты их встретил народ, бил их и стар, и млад.
И милисб, не в силах терпеть, ночью бежали назад.

Правду скажу, и меня захлестнула жажда мести. Бедный Ибод, любимый сын младшей моей сестры Бозигуль! Я любил покойного мальчика и не мог смириться с его гибелью. Гнев и боль жгли сердце...

В это время старый Додихудо поднял вверх свой посох, показывая, что хочет говорить. Крики постепенно смолкли.

— Мы не знаем, как умер покойный Ибод, — сказал Додихудо. — Намеренно его убили или случайно? Не знаем, кто лишил его жизни. Пусть Джоруб нам расскажет.

Медленно, с усилием заставляя себя произнести каждый звук, я сказал:

— Глухонемой Малах его ударил... Так вышло по Божьей

воле, что удар... оказался слишком сильным... Это была случайность. Немой не хотел убивать...

Мой шурин Сангин яростно зарычал, будто сам стал немым, не способным выразить чувства, и я понял, что он никогда не простит мне слова, умаляющие вину убийцы. Но я не мог согласать.

— Вы все слышали, что сказал Джоруб, — возвысил голос старый Додихудо. — Вазиронцы не виновны в смерти покойного Ибода.

Простодушный Зирак, стоявший рядом, спросил удивлённо:

— Почему так говоришь? Разве Малах не в Вазироне живёт? Разве их община не должна за него ответ держать?

Старый Додихудо пояснил:

— Да, глухонемой родился в Вазироне. Но он неполноценный. Никто не знает толком, девона ли Малах, безумен он или смышлён. Лишённый слуха и голоса, он стоит ближе к зверям, которых Аллах не наградил даром речи, чем к людям. А потому вазиронцы за него не в ответе, как если бы покойного Ибода загрыз пёс.

Народ призадумался, вслух обсуждая слова Додихудо, а вперёд выступил мулло Ёдгор.

— Мы не можем знать, кто направил руку Малаха, — сказал мулло. — Если Аллах, то обязаны смириться с его волей...

— А если это Иблис, шайтон?! — крикнули из толпы.

— Тем более, — сказал мулло, — тем более нельзя поддаваться страстям. Шайтон всегда стремится подтолкнуть людей к безумию и ненависти... А потому успокойтесь и расходитесь по своим домам. Пусть несчастный Сангин и его семья приготовят покойного к погребению...

— Пастбище! Как с пастбищем быть?! — закричали в народе.

— Терпение, — сказал старый Додихудо. — Не зря говорится, “Потерпи один раз, не будешь тысячу раз сожалеть”. И ещё говорят: “Торопливая кошка родила слепого котёнка”. Не будем спешить. Завтра попробуем договориться с вазиронцами. Как-нибудь решим этот вопрос...

Наверное, он был прав. Мне пришлось нехотя это признать.

Ещё немного, и холодная рассудительность погасила бы пламя общей ярости. Но в это время из тёмной толпы за забором в освещённый двор выкарабкался Шириншо по прозвищу Горох, чёрный, скособоченный на одну сторону как корявый куст, выросший на стенке отвесной скалы. Он проковылял к телу Ибода и неистово прокричал:

— Что толку болтать зазря?! Словами за кровь не отплатишь. Словами пастбище не вернёшь. Не станем утра дожидаться, сейчас выступим! Кто мужчина — с нами идите. У кого что дома есть, возьмите, к мечети приходите. Там соберёмся, оттуда пойдём. Фонари захватите. Биться будем. Война!

Так он вновь раздул искру гнева, которая ещё тлела в народе. Никто в этот раз не стал над ним насмеяться. Никто не подумал, что к битве призывает хромоногий, который сам биться не в силах. Не задумались о том, куда он зовёт — на пастбище или в верхнее селение, и о том, что идти туда ночью во тьме не только бессмысленно, но и неразумно. Когда вспыхивает огонь, горит и сухое, и сырое. Мужики закричали:

— Офарин! Правильно сказал!

— Баракалло!

— С Божьей помощью воевать будем.

Некоторые уже повернулись, чтоб бежать за оружием и фонарями, когда вперёд вновь вышел старый Додихудо. Народ вновь остановился, крики смолкли.

— Крови хотите? — негромко спросил старый Додихудо в наступившей тишине. — Будет кровь, много крови... В другое время мы, наверное, смогли бы вазиронцев одолеть, за кровь Ибода отомстить. Но сейчас в нижнем селении, в Ворухе, боевики Зухуршо стоят, а сам Зухуршо на дочке Ёра из верхнего селения женат. Как думаете, позволит он, чтоб мы его тестя обидели? Нам не отомстит ли? Кровью Талхак не зальёт ли?

И столь же негромко ответил ему Шер, совхозный водитель, который стоял в головах покойного, скрестив руки на груди:

— Не о мести речь. О чести.

Старый Додихудо возразил:

— Речь о том, чтоб людей зря не погубить. Уступить обстоятельствам — не бесчестье.

— Да, такова мудрость стариков, — сказал Шер. — Мы же...

Додихудо не дал ему договорить:

— Кто дал тебе разрешение осуждать эту мудрость?! Её наши предки нам передали. Отцы и деды только благодаря ей выжить сумели...

— Мы так жить не хотим, — сказал Шер. — Отцы и деды скудно жили, во всём уступая и всем подчиняясь. Это мудрость слабых. Теперь другое время пришло. Время сильных...

С улицы, из темноты, его поддержали молодые голоса:

— Шер правильно говорит!

— Не хотим!

— Нельзя чести лишаться, — сказал Шер. — Несправедливость нельзя прощать. Если мы сейчас вазиронцам наше пастбище без боя отдадим, то всем покажем, что мы слабые. Слабых любой может ограбить. Сначала пастбище отберут, потом...

— Всё, что захотят, отнимут! — крикнул молодой голос снаружи.

— За жёнами, невестами придут! — крикнул другой.

И во двор постепенно, один за другим, просочились молодые неженатые парни — Курбон, Ёрак, Сухроб, Дахмарда, Паймон, Динак — и встали позади Шера.

— Завтра, когда рассветёт, соберём молодёжь, возьмём оружие, какое есть, и пойдём на пастбище, — сказал Шер. — Прогоним вазиронцев и поставим караул. Больше их туда не пустим.

— Зухуршо... — начал старый Додихудо.

Шер, не дав ему договорить, воскликнул запальчиво:

— Трусость! Мы...

Но и он не сумел закончить.

— Щенок! — гневно крикнул раис. — Невежа, падарналат, хайвон! Почему старшего перебил?! Кто тебя учил?! Себя и своего отца опозорил.

Шер повинился, хотя и с достоинством:

— Извините, муаллим. Пожалуйста, извините... Я невежливый быть не хотел, непочтительность невольно проявил, вашу речь прервал... Собирался только сказать, что Зухуршо в наше ущелье мы не пустим. В узких проходах засады устроим, завалы, он не пройдёт...

Додихудо покачал головой:

— Даже если враг — с муху, считай, что он больше слона.
Шер не ответил, лишь сказал:

— Завтра, — и двинулся со двора.

Молодёжь потянулась за ним, но старый Додихудо встал у выхода и раскинул руки, преграждая путь:

— Мы, старики, запрещаем! Не даём разрешения начать войну.

В недавние времена ни одна душа не осмелилась бы молвить ни слова поперёк. Сейчас толпа на улице взорвалась криками:

— Война!

— Сдурели? Против стариков идёте!

— Война всех погубит!

— Сколько терпеть можно?! Война!

— Прав Додихудо!

И слышалась уже в общем гомоне возня, предвещающая начало драки.

Тогда мулло Ёдгор, отошедший прежде в сторону, вышел на свет и поднял руку.

— Мулло! Мулло дайте сказать! — крикнул кто-то.

Не сразу, но народ вновь затих.

— Коли нет меж вами согласия и даже стариков не слушаете, то спросим у эшона Ваххоба, — сказал мулло. — Как они решат, так и поступим.

Все загомонили, соглашаясь.

— Уважаемых людей пошлём, — сказал мулло.

— К эшону! — завопил Горох. Вырвал из рук Джава керосиновый фонарь и вознёс его над головой. — Если для народа, я на всё готов. Почтенным людям путь освещать буду.

И усмехнулся хитро — ловко, мол, примазался к делегации.

В народе заворчали:

— Не дело это — Шириншо к святому эшону допускать.

Однако из уважения к мёртвому Ибоду никто не стал затевать свару рядом с его телом и отнимать у Гороха фонарь.

Тронулись мы в путь — раис, старый Додихудо, Гиёз-парторг, Шер и я. Шириншо ковылял впереди, как легендарный герой с факелом, ведущий за собой народ. И я, выплыв на миг из глубли-

ны своего горя, невольно усмехнулся: наш Шириншо — к каждой чашке ложка, к каждой лепёшке шкварки. Да только ложка кривая, а шкварки прогоркшие. То ли родился таким, то ли судьба искривила после давнего случая...

Шириншо тогда учился в Душанбе, приехал домой на каникулы. Мать сварила похлёбку из гороха, его любимую, он наелся до отвала, пошёл на вечерний намаз. Молиться тогда начальство запрещало, мечети в Талхаке не было, но люди собирались в алоу-хоне, доме огня. Шириншо, как все, расстелил молитвенный коврик, стал совершать ракаты. Только согнётся, как сзади кто-то шепчет: пу-у-у-уф. Коснётся пола лбом, а сзади: фу-у-у-уф. Сначала тихо, потом всё громче. Уже ворчит: хрррр. Потом рычит: дрррр, ддррррррр! Соседи подальше отодвигаются, да отодвинуться некуда. Ни дыхнуть, ни захохотать. В мечети смеяться — грех. Бедняга Шириншо до конца намаза наружу выбежать не может. И рычание сдержать не в силах... С тех пор и прозвали его Горохом.

От позора сбежал он из Талхака и пропал. Даже на похороны отца, а затем матери не приезжал. Никто не знал, где он жил, чем занимался. Когда война началась — как щепка с крыши упала: Шириншо вернулся. Хромой, без чемодана, без узелка, в том же старом костюме, в котором и по сей день ходит... Что с ним приключилось, от какой беды прятался — кто знает? Наверное, совсем некуда было скрыться, раз в Талхак приехал. На пустое место. Сёстры замужем, в доме отца дальние родичи-бедняки живут. Они его и приютили. Кривой, злой, он злобу свою вначале никак не выказывал. Гордый человек, нищеты своей стыдился и всё искоса, с опаской в людей вглядывался — помнят ли?

Сейчас он ковылял по тропе впереди меня. Мы к тому времени уже перешли верхний мост через Оби-Санг и поднимались к мазару. Я спросил:

— Шириншо, зачем людей будоражил?

Как ни удивительно, он ответил искренне:

— Увлёкся я, брат...

— Если так поступать, никакого авторитета среди народа не будет. Никакого уважения...

Он остановился, опустил фонарь.

— Это вы, уважаемые, богатые, за свой авторитет дрожите. Шириншо терять нечего. Думаешь, сладко мне здесь? Живу как на зоне. Старики — как вертухаи. За каждым шагом следят. Куда идёшь? Что несёшь? Почему то сказал? Почему так сделал? А я эзком быть не хочу. Я, может, сам вертухаем хочу стать...

Удивили меня не мысли его, а жаргон.

— Ты, разве, и в тюрьме побывал?

— Сейчас срок тяну. Здесь, у вас...

Я поднял голову и указал на низкие звёзды, крупные как слёзы счастья.

— Посмотри. Разве над тюрьмой может быть такое небо?

В ответ он буркнул:

— Убери людей, и здесь было бы лучшее место во всём мире.

Я подумал: “Бедный парень”, а вслух сказал:

— Без людей даже горы мертвы.

Шириншо скривился:

— Сбились вы тут в кучу как бараны на заснеженном уступе, друг друга своим теплом греете. Почему меня внутрь не пускаете?..

В это время спутники нагнали нас, Шер закричал снизу:

— Почтенные, отчего пробка на трассе?

Шириншо поднял фонарь и заковылял дальше, вверх по тропе.

Мазар возвышается справа над кишлаком, на склоне Хазрати-Хусейн. Понимаешься к нему, сразу чувствуешь, что приближаешься к святому месту. Здесь и деревья словно из другого мира прорастают — не такие, как повсюду. И в воздухе словно волшебная мелодия постоянно звучит.

Гробница святого Ходжи, предка нынешнего эшона, невысока — в мой рост. Над кубом из обтёсанного камня высится купол. И как всегда по ночам, поставлен на гробнице горящий светильник, древний чирог — площадка с фитилём, опущенным в масло. В доме, что стоит чуть поодаль от мавзолея, в жилище эшона — окна темны.

— Почивают, — молвил старый Додихудо нерешительно.

— Для дневных забот сил набираются. Дозволено ли сон святого человека нарушать?

— Зачем тогда ноги понапрасну били!? — хмыкнул Шириншо и закричал: — Эшон Ваххоб, о, эшон Ваххоб!

Ответил ему голос из темноты словами из Корана:

— Разве вы не видели того, что перед ними и что позади них из неба и земли?

И святой эшон Ваххоб вышли из-за гробницы, где стояли до того, нами не замеченные.

— Вы ведь не за советом ко мне явились, — сказали эшон. — Пришли просить, чтобы я приказал людям из Дехаи-Боло вернуть вам пастбище.

Мы удивились их пронизательности. Старый Додихудо сказал:

— Не хотим войны. Ваше слово — закон для мюридов, а люди из Вазирона отдали вам руку. Велите им отдать нашу землю обратно.

Эшон спросили:

— Понимаете ли, о чём просите?

— Хотим восстановить справедливость! — крикнул Шер.

— Один только Бог может её восстановить. А ты? Что ты знаешь о справедливости?! Ты просишь, меня отнять у одних и передать другим. Для меня все вы равны. Какое у вас, людей Талхака, право требовать для себя бульшую долю?

— Вазиронцы всегда отнимали силой, — сказал Шер. — Или обманом, как Торба.

— Однако вы не взывали к справедливости, когда Саид-ревком силой отобрал у них и отдал вам.

Раис сказал:

— У вазиронцев много земли. А наши овцы не доживут до поры, когда сойдёт снег на верхнем пастбище Сари-Об.

— Этот мир непостоянен, — сказали эшон Ваххоб. — Всё переменится гораздо быстрее, чем ты ожидаешь. Как бы вам не пожалеть о переменах.

Мудрой была их речь, но мы на другое надеялись — на совет или защиту.

Возвращались ни с чем. Гиёз-парторг проворчал:

— Политик. Демагог..

— Святого человека осуждать грешно, — осадил его старый Додихудо.

— Начальству надо жаловаться, — сказал раис.

— А где оно? — сказал Шер. — Из Калаи-Хумба начальство до нас не дотянется. Руки короткие. Слава Богу, лишили начальники власти.

— Теперь вообще никакой власти нет, — вздохнул парторг.

— Зачем нам власть? — спросил Шер. — Хорошо живём. Трудно, зато сами по себе.

— Зухуршо нынче власть, — сказал раис.

— Завтра утром поеду в Ворух, — сказал Гиёз. — За справедливостью. Пусть Зухуршо нас с вазиронцами рассудит.

Шириншо сказал:

— О какой справедливости говорите? Не знаете разве: если бы не было носа, один глаз выклевал бы другой...

Глава 5

Карим Тыква

Иду по нашей стороне, лепёшки в узелке несу, а навстречу Шириншо хромает.

Я когда маленький был, думал, Шириншо — какой-то великан. Рассказывали, Шириншо ветры пустит — ураган поднимается. Один раз корову позади себя не заметил, присел по нужде, корову в небо унесло. Говорили, в верхнем кишлаке Вазирон опустилась. Хозяин прослышал, забрать пришёл, но вазиронцы: “Наша корова, не твоя. Нам её Аллах свыше послал”, — сказали. Так и не отдали.

Ещё рассказывали, год был, когда весна рано наступила. Все радовались. Но Каххор-эшон, отец нашего нынешнего эшона Ваххоба, удивительно погоду предсказывали. Ни разу не ошиблись. Сказали: “В скором времени ждите страшный град. Все посевы, все сады побьёт”. И определённый день назвали. Весь народ испугался: “Что делать будем?”, “Как выживем?”. Потом дед Додихудо, знающий человек, сказал: “Надо град в сторону от наших земель отвести. Шириншо надо просить. Коли его досыта горохом накормить, он тучу отгонит. Но слово “горох” при нём не произносите. Разгневается”.

Пришли к Шириншо. Тот согласился. “Ладно”, — сказал.

Спросили: “Чем вас угощать?”

“Плов несите”, — Шириншо приказал.

Обеспокоились. “Плов, — думают, — нужного ветра не обеспечит”.

“Не желаете ли чего другого? — предложили. — Может, этого... того самого хотите?”

Шириншо рассердился: “То самое сами жрите!”

Как быть? Опять к деду Додихудо за советом пришли: “Он плов требует”. Дед Додихудо задумался. “Приготовьте ему плов, — сказал. — А в плов, — сказал, — побольше гороха-нохута добавьте. Так даже лучше получится. Нохут, чем мелкий горох, больше ветра даст”.

Потом тот день наступил, когда град ожидался. Взяли большой котёл, в него мясо одного барана, три чашки риса и семь вёдер гороха-нохута положили, хороший плов сварили. Шириншо съел, “Хорошо”, — сказал. Помолились, в горы пошли. Шириншо на вершине Хазрати-шох сел, стал тучу ждать. С ним наш раис и Гиёз-парторг были.

Долго сидели, наконец из-за хребта Хазрати-Хусейн край тучи вышел. Раис сказал: “Просим вас, уважаемый Шириншо, действуйте”. Шириншо сказал: “Рано”. Потом туча полнеба над ущельем закрыла. Раис совсем испугался. “Нет, ещё рано”, — Шириншо сказал. Туча всё небо закрыла, только краешек осталась... “Теперь пора”, — Шириншо сказал. Бога на помощь призвал, чапан снял, свернул, в сторонке положил и сверху большим камнем придавил. Штаны распоясал, задом к туче обернулся и ветер пустил. Заревело, будто от неба до земли водопад обрушился. Парторг с раисом уши руками закрыли. Потом носы зажали. Растерялись, бедные. Гадают, что делать? Нос спастись — ушам больно, уши заткнуть — нос страдает... Затем и гадать бросили, обеими руками в камни вцепились — испугались, что ветер их с вершины сдует.

Потом посмотрели, увидели — туча назад повернула. Уже наполовину ушла. Половина неба чистой стала. Раис обрадовался, закричал: “Ещё немного, уважаемый Шириншо, постарайтесь. Только осторожней, пожалуйста. Нас, пожалуйста, жизни не лишите”. Шириншо поднатужился, напор прибавил. Раиса с партор-

гом совсем от земли оторвало, в воздух приподняло — оба на дурном ветру, как тряпки на верёвке, мотаются. Если руки отпустят, обоих куда-нибудь в Дангару забросит.

Наконец градовая туча совсем ушла, за хребтом Хазрати-Хусейн скрылась. Раис приказал: “Эй, мужик, всё! Хватит! Глуши двигатель”. Хотел Шириншо остановиться, не сумел. Гороховую силу, пока сама не кончится, человеку не одолеть. Ему, Шириншо, ниже бы нагнуться, чтоб ветер в небо уходил, да не догадался. Задним бампером в ту-другую сторону поводить стал — на хребте Хазрати-Хасан со всех вершин снег сдул. Рассердился раис: “Эй, Шириншо, шайтон, падарналат, дырку закрой!” А Шириншо, хотел или не хотел, но ещё большие газу надал. По склону огромные камни вниз поползли. Обрушатся — лавина по ущелью хлынет, весь Талхак снесёт.

Тогда Гиёз-парторг смелости набрался. Одну руку вперёд протянул, за камень ухватился, подтянулся, другой рукой перехватил... Так дополз до того чапана, что Шириншо с себя снял и камнем придавил. Гиёз чапан взял, к заднему бамперу Шириншо подобрался. Свёрнутой одежкой, жизнью рискуя, выхлопную трубу заткнул.

Тихо стало. Раис на ноги поднялся. “Хайвон, собака, ты чего творишь?! — закричал. — Кишлак погубить хочешь?” Шириншо глазами захолопал, но даже рта раскрыть не смог — гороховая сила изнутри его распирала. Раис с Гиёзом носы зажали, на Шириншо смотрят, удивляются, как у того брюхо распухает, будто кто-то сал надувает — бурдюк, с которым в старину через реки переплывали. Сильно Шириншо смутился. Только: “Ох, извините”, — сказать успел, и тут прорвало его, затычку выбило. Чапан, как снаряд, куда-то вдаль, в сторону озера Осмон-кул улетел. Оттуда эхо взрыва по горам раскатилось. Потом осмотрели то место — оказалось, чапан в одну скалу ударил, у самого подножия в камне огромную вмятину выбил. Там теперь пастухи от непогоды укрываются.

А Шириншо штаны подтянул, сказал: “Жалко чапана, хороший был... Теперь мне новый со склада выдайте”. Раис сказал: “Лучше не о чапане, о своей судьбе подумай”. Удивился Шириншо. “Почему?” — спросил. “Тебя, диверсанта, в Калаи-Хумб, в кегебе отправить надо. Ещё немного, ты бы лавину обрушил,

кишлак бы разрушил. Хорошо, мы с Гиёзом вмешались, диверсию остановили”. Шириншо испугался. “Э-э-э-э”, — сказал. Но вниз спустились, раис гнев на милость сменил: “Ладно, из уважения к твоему отцу, это дело так оставим”, — сказал. Не дали Шириншо чапан. Обиделся он, из Талхака уехал. А туча к вазиронцам, в Дехаи-боло ушла. Там град все посева погубил...

А недавно Шириншо в кишлак вернулся. Я удивился: хилый человек, оказалось. Ударишь его тубетейкой — свалится. За нос потянешь — из него душа вон. Но очень, оказалось, язвительный.

Вот и сейчас усмехается:

— А, солдат! Почему не на службе?

— С заданием прибыл, — говорю.

— Оха! Большой человек, — говорит. — Как воюешь? Много врагов убил?

— Пока не воевал, — говорю. — Ещё никого не убил.

В армию меня наши старики отправили. Когда Зухуршо прибыл в Ворух, он нашего раиса к себе вызвал, приказал: “Из Талхака ко мне молодых парней служить пришлите”. Уважаемые люди собрались, стали решать, кого в армию послать. Выбрали Кутбеддина, Хилола, Барфака, других ребят. И меня. Отец рассердился: почему из бедной семьи забираете? У нас и так работников не хватает. Отец разгневался, я обрадовался. Мир узнаю. Из Талхака никогда ещё не уезжал. Теперь повсюду побываю. Деньги получу. Зухуршо жалованье обещал...

А Шириншо допытывается:

— С заданием прибыл, говоришь? Сам Зухуршо, наверное, задание дал. Ты теперь такой человек, что с большими людьми беседы ведёшь.

Я сдуру и признаюсь:

— С Зухуршо ещё не говорил.

— Да хоть видел-то его?

— Ребят расспрашивал, — говорю. — Они смеялись, разное рассказывали...

Они вокруг столпились, меня как малого ребёнка пугали. “Э, братишка, у Зухура туловище человека, а голова дикого кабана”. Другой говорил: “Он не человек — джинн... Тыква, ты, небось, джиннов боишься?” “Он тыкву любит. Завтра из тебя, Ка-

рим, кашу варить будут”. И разное другое, что и пересказывать не хочется. Только слова Рахмона Гитлера вспомнил — пусть Шириншо знает, с кем я дружбу вожу. Говорю ему:

— Даже Гитлер пошутил: “У Зухура из тела змея растёт”. Наверное, тоже сказку слышал....

— Гитлер? — Шириншо усмехается. — Ты во сне, наверное, видел, что Гитлер сказки тебе рассказывает.

— Не Гитлер, а мама, когда маленьким был, — объясняю. — Про Мордор-подшо сказка. У него на плечах две змеи выросли, подшо их человеческим мозгом кормил.

Шириншо усмехается:

— Э-э, да ты тёмный совсем... Не сказка это. Об этом в книге “Шох-нома” великого таджикского поэта Абдулкосима Фирдавси рассказано. Не слышал, разве? Учитель в школе не рассказывал?

— Не знаю, — говорю.

Обидно стало, что тёмным меня обзывает. А Шириншо своей учёностью бахвалится:

— В древние времена то было. Заххоком царя звали. Какой ты таджик?! Свою историю, свою культуру не знаешь. Это у вас, деревенских, — Мордор, а в книгах по-другому написано...

И меня ехидно плечом подталкивает. Приятно ему, что я обижаюсь.

— Ладно, — говорю. — Заххок, значит, Заххок.

А Шириншо сильнее уязвить старается:

— Вот потому над тобой и потешаются, что ты неуч кишлачный. Хорошо, только смеются, не измываются. А может, мутузят или ещё что, а?

И опять плечом толкает язвительно.

— Нет, — говорю. — Не измываются.

Хотели, но Даврон не позволил. Но зачем об этом Шириншо рассказывать?

— Живу хорошо, — говорю. — Военную форму дали, автомат дали, всё дали. Еда хорошая. Там внизу, в Ворухе, люди богаче, чем у нас, живут. Ожидают, Зухуршо будет муку и сахар бесплатно раздавать...

Шириншо удивляется.

— Кому раздавать? — спрашивает.

— Народу. Людям Воруха.

— А про нас не слышал? — Шириншо волнуется. — Нам-то как?

— Точно не знаю, — говорю. — Может, и нам тоже.

Шириншо поближе придвигается:

— Ты, Карим-джон, разузнай. Точно выясни, потом приходи, мне Расскажи.

— Как приду? — отвечаю. — Кто меня отпустит?

Он сладкие глаза строит, будто халвы наелся:

— Ты парень умный. Придумаешь.

Сам прикидывает, чем бы мне ещё польстить.

— Теперь, когда ты жизнь повидал, ума набирался, тебе жениться надо.

Смеётся что ли? Прознал, наверное, что у нас недостаёт денег на калинг, чтоб за невесту заплатить. А война началась, табак сажать перестали — теперь никогда, наверное, такую сумму не соберём, что для свадьбы нужна.

— Мне не к спеху, — говорю.

Шириншо меня за плечи обнимает, не то насмехается, не то приторно сочувствует:

— Э-э, кошка до подвешенного сала не допрыгнула, “Фу, прогоркло, воняет”, — сказала... Я тебе, Карим-джон, совет хороший дам.

Зачем мне лживые советы? Хочу руку его скинуть, не решаюсь.

— Внучку деда Мирбобо, дочь покойного Умара, видел? — Шириншо говорит. — Красивая девушка. Однако городская, образованная. Сам понимаешь... За такую невесту большой калинг не запросят. К тому же, нынче ты в большую силу вошёл, у самого Зухуршо в солдатах служишь. Отказать не посмеют.

“Правильно, — думаю, радуюсь. — Почему сам прежде не сообразил?”

— Спасибо, муаллим, — говорю. — Маму попрошу, чтоб пошла посваталась.

— Ты сначала сам с девушкой поговори, — Шириншо советует.

А меня не то смущение, не то сомнение разбирает. Как, думаю, с ней поговорю? Что ей скажу?

Шириншо смеётся:

— Эх, парень, вижу, ты девок боишься. Не робей, у них между ног зубы не растут... Найди момент, когда она из дома выйдет, за водой или ещё куда... Подходи смело. Да что тебя учить! Ты солдат, сам лучше знаешь... Прямо сейчас иди, времени не теряй.

Так хорошо сказал, что мне радостно стало.

— Спасибо, муаллим, — говорю. — Тысячу раз спасибо! Если это дело получится, вашим должником буду. Что захотите, всё для вас сделаю.

Руки к сердцу прикладываю, иду. Шириншо окликает:

— Эй, Карим, раз жениться собрался, надо кер немножко подправить.

Я удивляюсь:

— Зачем подправлять? Не маленький, не кривой. Хороший кер, большой.

Он говорит:

— Не о том речь. Надо, чтобы длинным, как у осла, сделался. Иначе жена любить не будет. Э-э, сынок, женщин не знаешь... Я тебе, Карим-джон, второй хороший совет дам. Способ есть, мой дед покойный Мирзорахматшо меня научил. Траву талхуган сумеешь отыскать?

— Смогу. Всюду растёт.

— Нарви талхугана, курдючное сало растопи, с травой разотри, немного соли добавь и в кер втирай. А потом за конец посильней тяни, вытягивай...

— Жечь будет сильно.

— Терпи, — говорит. — Все наши мужчины так делают.

Я опять спасибо говорю, иду, Шириншо опять окликает:

— Постой! В узелке что?

— Ребятам лепёшки несусь.

— Одну мне давай, — говорит. — Плата за советы.

Не хочется, но приходится развязать.

— Два совета — две лепёшки, — Шириншо говорит и три ухватывает.

Хорошо, что в узелке ещё много хлеба остаётся. Я про военное задание соврал. Домой, в Талхак, наши ребята меня послали. Я похвалился: моя мама вкусные лепёшки печёт — так, как она, никто не умеет, — а Рембо сказал:

“Иди, Тыква, нам принеси”..

Я хотел ребятам уважение выказать, но командира боялся. “Даврон узнает, что я в самоволку ушёл, накажет”.

Гург-волк засмеялся, железные зубы по-волчьи оскалил: “Э, какая, бильяте, самоволка?! Про армию рассказов наслушался? Тут не армия”.

У него все зубы — стальные, блестящие. Потому Гургом, волком, и прозвали.

Рахмон Гитлер тоже поддержал: “Не бзди, пацан. Зухур уехал, а если что, я сам Даврону за тебя слово скажу...”

Тогда я подумал: “Раз Гитлер обещает, надо идти”. Я Гитлера уважаю, умный мужик.

Теперь в Ворух вернуться бы поскорей. Но в казарму не иду. Ноги сами меня к дому старого Мирбобо несут. Иду, думаю, с дедом-покойником Абдукаримом разговариваю. Я маленький был — дедушка меня любил. Всему учил. Лук-камон с двумя тетивами, из которого камешками стреляют, для меня смастерил и меткости научил... Теперь дедушка мёртвый. Говорю: “Дедушка, очень на этой девушке жениться хочу. Помогите, пожалуйста, чтоб это дело сладилось. Очень вас прошу”. Дедушка Абдукарим обязательно поможет. Наши арвохи, деды-покойники, хотя и строгие, но добрые, нам всегда помогают.

Иду, мечтаю. Словно кто мне сказку рассказывает. И подойдя к тому дому, я увидел, что из ворот вышла Зарина с двумя вёдрами в руках, ибо послали её за водой. Сердце у меня забилося, потому что никогда я не встречал девушки краше. Я приблизился к ней и сказал: “Разреши помогу. Отдай мне эти вёдра, чтоб ты не утруждала свои белые руки”. И она, девушка городская, не смутилась и ответила просто: “Пустые вёдра не тяжелы”. Но я не растерялся и сказал: “Тогда позволь мне дойти с тобой до источника, чтобы отнести обратно полные”. Она согласилась, и мы пошли, коротая путь в приятной беседе. Я назвал ей своё имя и поведал, что служу у самого Зухуршо и скоро стану человеком влиятельным и богатым, потому что Зухуршо обещал щедро наградить всех, кто верно ему служит. И тогда она спросила: “Почему ты мне об этом рассказываешь, Карим?” И я не стал таиться, открыл ей своё сердце и добавил: “А если б и не было денег, я бы к твоему деду в работники пошёл, чтобы за тебя калинг отработать”.

Так мечтаю, к дому деда Мирбобо подхожу. Калитка, как в сказке, открывается, Зарина с ведрами на улицу выходит, мне навстречу идёт. Я, как в счастливом сне, по воздуху к ней подплываю, к ведрам тянусь:

— Давай помогу.

Она отскакивает, кричит сердито:

— Отвали! Руки убери! Тебе чего надо?!

Будто палкой ото сна разбудила. С коня мечтаний на землю свалился. Понять не могу — что случилось?

Она кричит:

— Шагай, шагай отсюда, ишак! Чего встал? Шёл своей дорогой, вот и иди! Не то брата позову...

Нос вздёргивает, прочь идёт. Я стою, простоквашу во рту жую. “Почему так? Что я неправильно сказал?” Обманул меня Шириншо. Эта девушка — ведьма, оджина... За такую всё, что имеешь, отдашь, лишь бы от неё отвязаться... Лучше вообще не жениться, чем с такой злыдней жить.

Вижу, Зарина останавливается, назад поворачивает. Наверное, ещё не все злые слова мне в лицо бросила. Зачем я Шириншо доверился?!

Она подходит, говорит:

— Парень, ты меня извини, пожалуйста. Понимаешь, привыкла, что у нас в Ватане националы к русским девушкам цепляются. Ну, автоматом и вырвалось, боевая готовность сработала. Глупо, конечно... Самой совестно стало. У вас тут совсем по-другому...

Я молчу. Все слова забыл. Она спрашивает:

— Тебя как зовут?

— Карим.

— Ну, пока, Карим. Не обижайся. Хорошо?

И вверх по улице бежит, ведрами размахивая.

Я вслед смотрю, радуюсь. Всё, как в мечтах, сбылось! “Спасибо, дедушка, — думаю. — Тысячу раз спасибо”. Теперь, наверное, деды-покойники меня похвалят. “Баракалло, молодец, Карим, — скажут. — Хорошую девушку в наш каун привёл”.

Теперь маму попрошу, чтобы сватов к деду Мирбобо засылала.

Глава 6

Джоруб

Белая овца умирала на каменистой осыпи. Тощая, со свалывшимся руном, она походила на ком грязного низкосортного хлопка, который по пути на хлопзавод снесло ветром с грузовика на пыльную дорогу. Не я уронил её жизнь на сухие камни, но яд вины сочился в моё сердце. Я хорошо представлял, какие мучительные процессы протекают сейчас в её обезвоженном и истощённом организме, и не знал лишь одного — испытывают ли животные страх смерти, как люди, или просто безотчётно страдают.

Я крикнул:

— Эй, Джав!

Выше по склону — шагах в двадцати от меня — Джав пытался поднять на ноги обессилевшую матку. Его конь стоял рядом. Джав снял с седла чилбур, шерстяную верёвку, и заскользил вниз по осыпи, шурша камешками. Я помог ему перевалить овцу на левый бок и связать вместе четыре её ноги.

— Муаллим, подержите, пожалуйста, — Джав достал нож.

Я навалился на исхудавшее овечье тело. Джав запустил указательный и средний палец левой руки в ноздри овцы и с силой потянул её голову назад, натягивая шею. Произнёс:

— Йо, бисмилло...

Аккуратно, с деловитым спокойствием повёл ножом поперёк овечьего горла. Из разреза плеснула струёй густая кровь. Джав вытер лезвие о шерсть овцы, сучившей связанными ногами.

— Проклятые вазиронцы!

За два с половиной дня, что отара двигалась от пастбища Сарбораи-Пушти-Санг, погибло больше трети овец. Мы никогда ещё не теряли столь много на столь коротком перегоне. А ведь прошли только полпути. Мы гнали остатки отары к озеру Осмонкул. Там овцы — те, что выживут и дойдут — немного отдохнут, и, возможно, мы сумеем довести оставшихся до верхнего пастбища Сари-Об. Снег на нём только начал сходить, но другого выхода нет. Конечно, потери неизбежны при любом долгом перегоне в

горах. Какой-то процент потерь заранее закладывается в отчётность. Усушка и утряска животных жизнью.

В середине дня пошёл дождь, но перед самой темнотой нам удалось добраться до стоянки под скалой Хайкали-калон. Ветер и солнце выдолбили в скале впадину — словно комнату с наклонным потолком. У задней её стенки низкий закопчённый свод косо спускается до самого пола. Кто сочтёт, сколько поколений пастухов ночевало в пещере на протяжении столетий? А может, жили здесь в древности первобытные охотники?..

Овцы тесной толпой сбились на широкой покато́й площадке перед пещерой, пытаясь согреться. Ледяной ветер, как шерстобит, всё плотнее и плотнее сбивал их в общую массу и сбрызгивал сверху холодной водой. А потом, вдруг решив, что войлок слишком сух, обрушивал ливень на живую кошму. Чабаны разожгли костёр. Собаки укрылись в пещере. Ветер выполнял работу за них.

— Дождь не перестанет, всех потеряем, — сказал Джав.

Он был прав. Отара может погибнуть от переохлаждения почти полностью.

— Иншалло, — откликнулся Гул. — Как Бог захочет.

Мы ничем не могли помочь. Меня не утешал даже всплывший в памяти стих:

Хирс-зод, оставь печаль — ведь всякая невзгода
Проходит, словно летом непогода.

Утром, как и предвещал поэт, ночная непогода ушла, над ущельем сияло чистое небо. Но невзгода осталась с нами. Почти вся отара погибла от холода. Нескольких еле дышащих баранов мы прирезали, чтобы мясо не пропало понапрасну. Оставшихся в живых овец я решил спустить в кишлак, а сам сел на коня и уехал вперёд.

Невзгода тащилась за мной по пятам. Далеко позади остатки отары — несколько десятков истощённых баранов, — спотыкаясь на камнях, плелись вниз по тропе. Я подъезжал к Талхаку. Резкий дух парной баранины из хурджинов, набитых мясом и притороченных к седлу, перебивал родной запах селения. Мухи живой тучей слетелись со всего кишлака, окружили меня, скучи-

лись как толпа перед городским магазином, в котором выбросили дефицит, и жужжали возбуждённо:

— Ж-ж-ж-ж-р-ра-а-тва... Свеж-ж-ж-ж-ж-а-ая...

А снизу по крутой, залитой солнцем улице, навстречу мне летел-ковылял Шириншо, словно чёрная муха, издали почуявшая запах беды. Остановился, поджидая. Не желал я с ним говорить. Поравнявшись, буркнул:

— Ас-салом... — и хотел проехать мимо.

Однако от Гороха так просто не отделаешься. На небо взлетишь — за ноги тебя схватит, под землёй укроешься — за уши вытянет. Он проворно отступил в сторону — даром, что нога хромая, — и схватил коня под уздцы. Невежливо так поступать, оскорбительно, но Шириншо словно никто учтивости не учил: грубость совершил, а при этом ещё и улыбку на лицо натянул лъстивую, заискивающую:

— Быстро вернулся, уважаемый. Наверное, вести хорошие привёз.

Насмехается! Но я сказал спокойно:

— Угадал, друг. Весть и впрямь радостная. Одна забота с плеч упала — об отаре можно не беспокоиться.

Шириншо подхватил:

— С таким, как ты, специалистом, Джоруб-джон, мы вообще ни о чём не беспокоились...

Я едва сдержался

— Извини, спешу.

Но он повис на узде:

— Моих советов слушать не захотели. Я говорил...

И тогда мой гнев одержал верх над терпением.

— Рад, Горох?! Счастлив? Напророчил?!

Я соскочил с коня, распахнул хурджин, выхватил из него баранью ногу и сунул Шириншо:

— На, бери!

Он невольно выпустил узду и уставился на меня.

— Э-э, чего?

— Поешь нашей беды. Насыть утробу свою завистливую. Досыта накорми!

Он, растерявшись, ногу принял и, чтоб не упала, прижал к себе, марая пиджак сырым мясом.

— Э-э, Джоруб, зачем...

— Мало тебе? Ещё хочешь? На, ещё возьми...

Я, не глядя, выхватил из хурджина мясной шмат и шлёпнул его поверх прижатого к груди.

— Ещё надо?

Растерянность на лице Шириншо сменилась злобой. В это время дверь в заборе открылась, вышел Палвон. Слышал ли он, не слышал наш разговор, но только закричал весело:

— Эй, соседи, что такое? Коммунизм наступил? Мясо бесплатно раздают? Обо мне не забудьте...

Шириншо оглянулся и разжал руки. Мясные куски свалились к его ногам в уличную пыль. Палвон захохотал:

— Оказывается, я правду сказал. Коммунизм пришёл. Люди добро на дорогу бросают. Джоруб, брат, что случилось?

Я кивнул на Шириншо.

— У него спроси. Он тебе расскажет. Про прошлое, настоящее, будущее...

Сел на коня и поехал, не оборачиваясь.

Ещё и до конца гузара не добрался, как гнев остыл, сменился стыдом и досадой. Нехорошо поступил. Зачем злость на Шириншо выместил? Он-то в чём виноват? Человек просто пошутить хотел. Может, даже утешить на свой лад. А что с людьми разговаривать не умеет, так на то он и Горох. Его и без меня многие обижают. Достоин ли мне было свою ветку в огонь подбрасывать? Может, Шириншо после того недавнего ночного разговора о своей откровенности пожалел, стыдно стало, что слабость проявил. Может, неловкость свою прятал. А может, разозлился на меня за то, что душу мне раскрыл. Не гневаться, а пожалеть его надо было. А я ещё сильнее его обидел. Как теперь себя с ним вести? За грубость извиниться, дружеским разговором вину загладить... Однако не такой Шириншо человек, чтобы доброе слово его успокоило. Душа у него как такыр. Как сухая голая бесплодная земля, изрезанная глубокими трещинами. Вылей хоть целое озеро — вода уйдёт в бездонные щели. Всех вод мира не хватит, чтоб душу Шириншо напоить. То ли родился таким, то ли жизнь иссушила и изрезала...

С этими невесёлыми думами я приехал домой. Встретила меня Дильбар, умыться подала, чистую домашнюю одежду дос-

тала, потом расстелила в нашей комнатке дастархон, принесла еду, а сама примостилась у двери. Я сказал:

— Иди, рядом садись. Поешь со мной.

Присела на курпачу возле меня. Ей ничего объяснять не надо, сама поняла.

— Сколько? Наших-то сколько осталось?

— Три барана. Джав с Гулом их сюда гонят, вместе с остальными.

Дильбар вздохнула.

— Ничего, как-нибудь проживём. Картошку посадили, горох посадили... Верхнее поле скоро расчистят. Как-нибудь проживём. Говорят, Зухуршо будет народу муку и сахар раздавать...

Я сказал:

— Нельзя брать. Это нечистое. У него нельзя ничего брать.

Дильбар опять вздохнула, ничего не ответила. Потом сказала:

— Хорошо, что наконец-то приехали. Без вас в доме опять разлад. Только на вас вся надежда...

Шутя, наверное, сказала. С Бахшандой только она умеет справляться. Сам не пойму, как. Тихая, молчаливая, безответная, а всегда того добивается, что правильным считает. Ключи от кладовых — у Бахшанды, и если кто-то посмотрит со стороны, то скажет: Дильбар — только прислуга. На самом же деле, домом управляет она. И ещё уверяет, что только на меня надежда.

Я засмеялся:

— Неужели есть в мире разлад, который ты сама не уладишь?

Она улыбнулась застенчиво:

— Смеётесь надо мной...

— Ладно, — сказал я, — расскажи, что случилось.

— Вчера утром Марьям явилась... — начала Дильбар.

— Это какая же? Сплетница? — спросил я.

— Нет, — сказала Дильбар. — Назара жена. Принесла подношение — стопку лепёшек. Она всех уверяет, что печёт самые вкусные в кишлаке лепёшки. Многие так и считают...

— Мы-то знаем, что самые вкусные печёшь ты, — сказал я.

Дильбар на этот раз даже спорить не стала.

— Я по лицу её поняла, зачем пришла. Что-то такое особен-

ное в лице появляется, когда женщины с такими делами приходят. Любая женщина сразу поймёт, что у неё на уме. Тут даже и говорить ничего не надо. А потом и говорит: “Уважаемая Бахшанда, у нас есть мальчик...”

Это нам, вроде как, обида. Кто они такие, чтобы к нам свататься! Раньше им бы это и в голову не пришло. Но сейчас, видно, такие времена, что всё сошло со своих мест и никто уже не помнит, где верх, где низ. Где у кувшина дно, а где горло. Где в бадье масло, а где пахтанье. Но мы-то помним, что масло с водой никогда не смешивается. Но если другие про учтивость забыли, то мы-то помним. Только вижу, что Бахшанда вспыхнула и бровь заломила. Вижу, не сдержится и скажет что-то резкое и неучтивое.

Я поспешила первой сказать:

“Раз такой разговор зашёл, надо мать девочки, Веру, тоже позвать”.

Бахшанда глянула на меня, как слегой огрела, но при чужих смолчала. Только чай в пиалу плеснула и Марьям подала. С преувеличенной вежливостью. С таким почтением, словно мать шахиншаха чествовала. Насмешку свою выражала и возмущение прятала. Но я видела — пронесло. Грубости не скажет. Можно их наедине оставить.

“Извините, — говорю, — сейчас её приведу. Сидите, сидите, пожалуйста, не вставайте...”

Пусть, — думаю, — Бахшанда успеет остыть и тогда уже в вежливых оборотах откажет. Чтобы и Марьям не унижить, и нашу честь грубостью не запятнать.

Вошли мы с Верой. Бахшанда с гостьей встали, поздоровались, Веру за дастархон усадили, но, конечно, ниже Бахшанды. Я напротив села. Бахшанда чай налила, Вере подала. Достоинно, с уважением — не стала при чужом человеке семейной вражды обнаруживать. Потом Вере что-то по-русски сказала. Я плохо слова поняла, но о смысле догадалась:

“Вера-джон, эта особа спрашивает, не отдадим ли мы твою дочь замуж за её сына”.

Вера пиалу на дастархон поставила, головой покачала и сказала:

“Нет”.

Мне очень неловко за неё стало. Разве можно так грубо отвечать?! Почему русские такие невежливые? Почему обхождения не знают, никакого такта не имеют, прилично вести себя не умеют? Мы отчего-то всегда им прощаем то, чего своим никогда бы не простили... И мне Веру очень жаль стало. Неужели никто никогда её хорошим манерам не учил?

Бахшанда ей опять что-то сказала. Наверное, за невежливость укорила. А Вера опять головой покачала и опять сказала: “Нет”.

Бахшанде бы объяснить, что мы сами не хотим девочку из нашей семьи, дочь Умара, отдавать людям, у которых ни кола, ни двора, — в семью, где девочку пахать вместо лошади заставляют. То ли Бахшанде гордость помешала это Вере растолковать, то ли русских слов не хватило, чтоб объяснить, но только Вера головой качает и повторяет:

“Нет”.

А чтобы понять, и русского языка знать не надо. Это ведь и Марьям поняла, хотя, как и я, по-русски не знает. Стала я прикидывать, как бы устроить, чтобы приличий не нарушая, Веру из мехмонхоны вызвать и через Зарину объяснить, чтоб просто сидела бы и молчала, а мы с Бахшандой вежливо и достойно Марьям откажем.

Не успела. Бахшанда не просто из терпения вышла, взорвалась. Сами знаете, когда она в ярость приходит, обо всём забывает. Ничего не жалеет. Никого не щадит, ни себя, ни других. Что угодно может сказать, что угодно сделать. Только вдруг она сделалась спокойна и холодна как лёд. К Марьям с преувеличенной любезностью обратилась:

“Уважаемая Марьям, — сказала, — вы нас извините. Наша невестка ещё не очень хорошо по-таджикски понимает. Но мы с ней вместе решили, что для нашей девочки лучшего жениха, чем ваш сын трудно найти”.

Я про себя ахнула: как это она, женщина, осмелилась такое сказать! Сама, в одиночку, обещание дала. Не бабьего ума это дело. И права такого у нее нет. Она – «Хорошо, мы подумаем», – сказать обязана была. Мужчины, старшие в кауне – вы, ваш отец, старый Бехбуд, – посовещались бы, решение приняли, а потом уж она, Бахшанда, их волю Марьям передала бы.

Но она пообещала, Как теперь отказаться? Как слово назад забрать?

Я слушал Дильбар, онемев от возмущения, которое сменилось унынием. Беда за бедой. Страшная смерть брата, гибель отары, а теперь еще и это. Справедливо говорят: «Если счастье отвернулось, и на похлебке зубы сломаешь». Я попытался приободриться:

– Марьям разведать приходила, настоящего сговора еще не было. Окончательное-то слово сватам дают.

– Недостойно это – матери жениха пообещать, а сватам отказать. Нашему семейству зазорно слово не сдержать, – сказала Дильбар. – А Марьям, конечно, поняла, какая ей удача из-за раздоров между Бахшандой и Верой выпала, но виду не подала. Цели-то своей она достигла. Как мы спор промеж собой уладим, ей безразлично было.

«Слава Богу! – воскликнула. А девочку вашу будем лелеять и холить как цветок».

Вера на меня беспомощно посмотрела.

«Что она сказала?» – наверное, это спросила.

Я незаметно для остальных знаком ей показала: молчи, мол, потом поговорим. А Марьям радостный тон на смиренный сменила:

– Одна беда – мы большой калинг заплатить не в силах.

Бахшанда сейчас даже дом бы свой спалила, лишь бы только Веру побольнее обжечь.

«Это не беда, – сказала, – мы большой калинг и не запросим. Сколько сумеете, дадите».

Совсем от ревности обезумела.

Дильбар взяла со стопки лепешку и принялась ожесточенно ломать ее на куски, хотя на дастархоне и без того лежало достаточно хлеба. Она когда чем-то огорчена, стремиться занять руки делом, хоть самым малым.

Я сказал:

— Ничего, ты что-нибудь придумаешь. Только на тебя надежда..

Дильбар улыбнулась:

— Вы-то не хотите, чтобы девочка так скоро ушла из дома...

Не хочу. Бог не дал мне своих детей, а когда сын и дочь покойного брата стали жить в нашем доме, то стали вроде как

моими собственными. Своевольная Заринка стала моей любимицей. Иногда я даже думаю: будь она мне родной дочерью, я, наверное, разбаловал бы её ещё больше. К сожалению, мой покойный брат Умар плохо воспитал своих городских детей. Не научил их правильному поведению. Слишком вольно держатся со старшими. Вольно и даже дерзко. А Зарина с первых же дней почуствовала, что я отношусь к ней по-особому.

Подошла ко мне:

— Дядюшка, куда это запропал наш жених?

— Не терпится тебе?

— Не терпится, дядюшка. Хоть бы уж побыстрее.

Я огорчился:

— Так уж плохо в родном-то доме?

Она нахмурилась:

— Он мне не родной.

— Эх, Зарина... В чужом лучше не будет...

Она смотрела на меня, не понимая.

— Где это в "чужом"? Вы нас выгнать хотите?

— Не гоню. Сама уйти хочешь.

Она губы сжала:

— Никуда я не хочу. Вернее, некуда... Я уже сама не знаю, где мой дом.

Я сказал:

— Здесь. Здесь твой дом.

Зарина вспыхнула:

— Это вы не мне, а ей скажите.

Бедная девочка! Готова выйти замуж за кого угодно, лишь бы избавиться от злой мачехи. Многие девушки так же думают, а попадают из огня да в полымя.

Я сказал:

— Карим — парень неплохой, но уж больно прост. Тебе не пара. Не спеши, найдём тебе юношу...

Она даже договорить не дала:

— При чём тут Карим?! Тоже мне юноша! Да не нужно мне вообще никого!

Совсем запуталась девчонка и меня запутала. То замуж не терпится, то никто не нужен. Молодые сами не знают, чего хотят. А она расхоталась:

— Ой, дядюшка! Вы подумали... Я же про того усача, что к ней посватался... Поманил и пропал. А мы тут его дожидайся...

У меня от души отлегло, и я захохотал вместе с ней. Но потом мне стало грустно. Вот как люди в этом мире не понимают друг друга. Я сказал:

— Кто знает, что случится, когда твоя тётушка Бахшанда выйдет замуж и покинет наш дом. Возможно, мы ещё будем сожалеть о нынешнем времени, как о счастливых днях... Не зря Валиддин Хирс-зод, соловей Талхака, написал такие строки: “Мой друг, не торопи событий лёт — на смену, может, худшее придёт”.

Зарина упрямо покачала головой:

— Хуже быть не может!

Но хотя я и убеждал девочку не торопить события, сам невольно подгонял их в своих мыслях. Как было не торопить, если хорошо налаженная жизнь вдруг разладилась и всё полетело кувырком! Какой-то один камень стронулся с места, и осыпь поползла вниз. Наш тихий Талхак бурлил, и даже уважаемые люди не могли успокоить этого бурления. Несколько дней прошло с тех пор, как Гиёз уехал искать справедливость, и до сих пор от него ни слуху, ни духу. Что с ним?

Глава 7

Зарина

Сегодня я узнала потрясающую новость. То есть, новость, конечно, только для меня... Нашим — не считая нас — наверняка всё давно известно.

Утром я сказала Бахшанде:

— Я на поле не пойду.

Она молча бровь заломила: с чего это, мол?

— Живот болит.

Нет, всё-таки она точно ведьма! Глянула и тут же поняла, в чём дело.

— Оставайся дома, сможешь своей тёте Дильбар. Делай, что она скажет. Только к очагу и еде не прикасайся. Ты сейчас нечистая.

Ах-ах-ах, зато она у нас чистая! Самая чистая-пречистая на свете. Я спросила нарочито противным голосом:

— Еду не трогать? Хотите, чтобы я умерла с голоду?

Но ей — как горохом об стену.

— Ты, девчонка, мне голову не крути. Сама соображаешь, о чём я. Пищу тебе готовить запрещено. А ешь сколько угодно, хоть лопни.

И поплыла дальше — раздавать приказания. А я отправилась в летнюю кухню под навесом, где тётя Дильбар рушила просо.

— Тётушка, чем помочь?

— Перебери и вымой немного фасоли. Будем похлёбку на обед варить.

— Тётя Бахшанда сказала, мне нельзя к еде прикасаться.

Дильбар тоже ничего объяснять не пришлось.

— Садись, доченька, отдохни.

Вообще-то не хотелось прохлаждаться без дела, хотя у меня руки почти отсохли от камней, которые мы таскаем на поле. Но Дильбар работала так ладно и споро, что я засмотрелась и сама не заметила, как села рядом. Она рушила просо в деревянной ступе длинным каменным пестом. Тух-тух, тух-тух, тух-тух... Как в считалке: “В ступ-ке пест — туда-сюда. Бу-дет доб-ра-я е-да”.

Тётя Дильбар бросила на землю клеёнку, расстелила поверх дастархон и высыпала на него зерно. Присела, загребла горсть проса и слегка подбросила в воздух. Мне вдруг вспомнилось, как мы играли в детстве — подкидываешь вверх кучку камешков и ловишь одной рукой, сколько сумеешь. Тётя Дильбар, конечно, зёрнышки не ловила. Пшено осыпалось на дастархон как жёлтый сухой песок. А ветер подхватывал и уносил шелуху. Как забавно! Ветерок — тоже кухонная принадлежность.

Вдруг она схватила горсть зерна и резко зашвырнула так высоко, что просо посыпалось на нас и на землю.

— Всё понапрасну!

Я увидела, что она печально следит за улетающей со двора шелухой.

— Всё попусту! Ничего не выходит...

Я не поняла и сказала:

— Тётушка, пшено уже почти чистое.

— Эх, девочка... У меня опять не получилось.

Тогда я поняла и сказала, наверное, чуточку снисходительно — всё же, как никак, а дочь врача (бедный папочка!):

— Тётушка, вам к докторам надо. Сейчас такие специалисты по бесплодию... Война закончится, поедете в Куляб или Курган-тюбе, там вас вылечат.

— Я ездила. Сказали: “В Душанбе есть женский врач, Майя Абдурахмановна. Если возьмётся лечить, то даже щепка ребёнка родит”. Муж меня повёз. Я боялась, что ничего не получится, но всё равно поехала... Нашли Майю Абдурахмановну. Внутри смотрели. Анализ делали. Рентген делали. В один центр возили и там томограф — такая большая белая машина, в неё как в погребальные носилки ложишься, — тоже делали. Майя Абдурахмановна сказала: “Ты здорова, можешь рожать. Дело в твоём муже. Ему надо лечиться”. Тогда я ей во всём призналась. Она сначала засмеялась, потом рассердилась. “Выкинь эти глупости из головы, — сказала. — Ты что, тёмная-невежественная? Из пещеры вышла?”

Меня такое любопытство одолело, что я перебила её:

— А в чём вы ей признались?

— Пари в меня влюбился. Детей не даёт рожать. Вредит.

— Но ведь пари — это пэри, волшебная женщина. Красавица...

— Нет, так только в книжках написано, — сказала тётя Дильбар. — А в жизни есть и мужского пола.

Я не выдержала. Расхохоталась.

— Тётушка, пари только в сказках. На самом деле их нет. Вы разве в них верите?

— Нет, не верю, — сказала тётя Дильбар. — Знаю, что сказки. Я тоже в школе училась... Но он ко мне приходит.

И тут я совсем распоясалась. Почувствовала себя ужасно взрослой и умной. Воспитательницей в детском саде.

— Приходит? — строго спросила я. — Кто же может приходиться?

— Пари. С виду совсем как студент. Вот такого росточка, — она показала чуть выше метра над землёй. — В чёрном костюмчике, в белой рубашке с галстуком, на голове — чувская тюбетейка. Говорит, что любит. Без меня жить не может. Стихи читает.

— Как же он вам рожать не даёт?

— А вот так, — вздохнула тётя Дильбар. — Пари не люди, они многое могут.

— А что дядя Джоруб?

Не знаю сама, о чём я спрашивала.

— Мужчины разве в силах с пари тягаться...

Это был какой-то особый день, потому что вечером я услышала ещё несколько потрясающих признаний. После работы — здесь мгновенно темнеет, будто кто-то выключателем щёлкает — мама сидела возле очага и смотрела на огонь. Я, как всегда, ушла на свою крышу. Потом услышала сверху, как Бахшанда сказала по-таджикски:

— Никогда не думала, что увижу, как ты сидишь возле моего очага...

Это она маме что ли?

— А ты знаешь, каково это — жить без мужчины? Откуда тебе знать! Ты такая белая, такая холодная. Ты, наверное, вообще не женщина... Как Умар мог с тобой жить?! У тебя хоть кошка дома была? Видела, как она страдает, когда приходят её дни? Но кошкам, неразумным тварям, Бог определил становиться горячими только раз в месяц. Мы, женщины, всегда горячи. Мы испытываем желание всегда — каждый день и каждую ночь, — если рядом нет мужчины, который может желание утолить... Пусть Бог простит меня за эти мысли и эти слова. Я знаю, некоторые женщины утешают себя сами, без мужчины. Пусть Бог простит мне и эти слова. Он-то видел: я укрощала себя только работой....

Она замолчала. Я подумала, что ушла. Почему-то всё время получается, что я нечаянно подслушиваю чужие разговоры. Сама себе кажусь каким-то шпионом. Так и хочется прыгнуть и закричать: “Эй, я всё слышала! Выбирайте для разговора уголки поукромнее”. А где здесь найдёшь укромный уголок? Всё на виду. И все люди — в куче.

Нет, оказывается, Бахшанда ещё не полностью высказалась.

— Ты думаешь, я тёмная, необразованная. Но я всё знаю. Я школу закончила. Радио слушаю. Я могла поехать в город, могла в райком пойти, сказать: “У меня пять детей. Мой муж лю-

бовницу завёл, мой муж вторую жену взял, мой муж байские пережитки завёл”. Умара в райком бы вызвали, Умар испугался бы... В город, наверное, меня бы не взял, но тебя бросил бы. Меня он боялся, но райкома боялся ещё сильнее... Я не поехала, не сказала... Это стыд перед Богом и людьми таким путём мужа возвращать. Меня соседки корили: “У тебя, разве, гордости нет? Почему в город, в райком не поедешь?” Я из гордости не поехала. Много раз собиралась, но гордость сильнее была. Мудрые люди говорят: тот, у кого в сердце есть хоть одна частица гордости, не войдёт в Рай. Меня гордость при жизни в ад бросила...

Зачем она говорит это маме? Ведь мама не понимает таджикски... А потом я подумала: она знает, что я слушаю! И рассказывает, что я потом перескажу...

— У вас, русских, никакой культуры нет. Вы не умеете пристойно поздороваться, пристойно начать разговор, у вас нету такта. Вы не умеете соблюдать чистоту, не знаете, как отделять дозволенное от недозволенного. Я точно знаю, что не чистишь волосы с лобка и на теле, и я уверена, что ты никогда не проходишь обряд очищения после месячных. Я видела много русских. Я знаю, среди вас тоже есть хорошие люди. Наверное, даже и ты — хорошая женщина. Свёкор рассказал мне, что ты старалась сама похоронить Умара... Ты делала всё не по закону, но я понимаю, что ты хотела проводить его достойно, как ты это понимаешь... Джоруб — глупый. Джоруб думает, что теперь, когда покойный ушёл, мне с тобой нечего делить. Очень глупый. Может, если бы покойный был жив, я могла бы с тобой примириться. Может, мы с тобой даже подругами бы стали. Но теперь, когда всё осталось так, как было, когда ничего нельзя изменить, мне нет успокоения. Потому что так навсегда останется, что он не от меня ушёл. От тебя он ушёл, из твоего дома и потому с тобой навсегда остался...

Ушла. Я долго думала, а перед сном спросила у мамы:

— Мамочка, ты хоть что-нибудь поняла из того, что она тебе говорила?

— Ей и это не надо было. Она беседует со мной как с кошкой. Знаешь, иногда одинокие люди, которым не с кем поговорить, изливают душу домашним животным.

— А ты?

Мама пожала плечами:

— Изображаю из себя кошку.

— Мамочка!!!

— Я её понимаю. Не слова, а то, что она чувствует. Бахшанда человек очень гордый, и никогда в том не признается... Никому, кроме кошки.

— Она про папу всякие гадости говорила!

И здесь мама меня так удивила, что дальше некуда.

— Могу представить. Ты думаешь, я не понимала, кто такой твой отец? Очень хорошо понимала, но всё равно любила. Слабый человек. Ты сильная. Не в него и не в меня пошла. А он... Может, если б не любила его, сказала бы — ничтожный человек. Но руки у него были... знаешь, руки у него были как из рая... будь он проклят, этот Умар! Когда мы начали встречаться, я не знала, что у него есть семья. А потом... Потом я уже ждала вас с Андрюшей. Тут-то всё и открылось. "Извини, Вера-джон, мы не можем в ЗАГС пойти...". Я его выгнала. Но ты помнишь своего отца — кого угодно уговорит. "А-а-а, Вера-джон, ты меня совсем не жалеешь. Я такой несчастный. Меня родители без моего согласия женили, нашли уродину, глупую, ведьму...".

— И правильно! Она и есть ведьма! Злая ведьма.

— Нет, доченька, несчастная женщина.

— Мама! Ты так говоришь, будто в чём-то перед ней виновата.

— Не знаю. Может быть, да, а может, и нет... Я давно перестала об этом думать. Представь, каково быть молодой русской женщиной в посёлке, вроде Ватана. Проходу нет. Каждому кажется, что... Всякий к тебе вяжется, всякому...

— Знаю, мамочка: "русский блядь-учительница...".

— О господи, Зарина, что за выражения! Где ты этого набралась?

Я только фыркнула. Где набралась? Можно подумать, мы жили в сказочном царстве среди фей.

— Твой отец от всего этого меня ограждал. Все знали, что я — его жена. А его уважали...

Я своим ушам не верила. Закричала:

— А она-то, она?! Ты знаешь, что она говорила? Она сказала, что наш папа её содержал, и она только поэтому его не бро-

сала... Значит, она папу просто использовала. А он тебя использовал. А теперь оказывается, что и ты...

— Зарина, не всё так просто, как тебе сейчас кажется.

— Очень просто! Выходит, никто из вас не любил по-настоящему.

Я отвернулась и сделала вид, что заснула. А сама думала. Я только что поняла, что ничего толком не знаю про свою маму. И оказывается, мы ничего не знали про папу. Привыкли, что в общем-то мало про него знаем, и, наверное, даже и не пытались. А теперь уже поздно — никогда не узнаем...

Я теперь и Бахшанду новыми глазами увидела. Но скорее бы она уж вышла замуж!

Глава 8

Джоруб

На наш Талхак будто лавина с грохотом рухнула. Вернулись посланники, ездившие к Зухуршо за справедливостью. Никто не ожидал, что она окажется столь страшной. Весь народ загудел и зароптал, потрясённый... Старый Додихудо сказал:

— Тушили пожар, побежали за водой — принесли огонь.

Мы в это время сидели у раиса в мехмонхоне, и раис, указав на керосиновую лампу, возразил:

— Огонь тоже свою пользу имеет. Но я хочу знать, как эта беда случилась. Расскажите нам, уважаемый.

Старый Додихудо отказался степенно:

— Я рассказывать не мастер. Зоира просите...

Все мы — мулло Ёдгор, сельсовет Караматулло, счетовод, Сухбат-механик и даже Шириншо (он тоже туда пробрался — пришлось, конечно, примоститься ниже всех, у самой двери, но он и тому был рад, что сидит вместе с уважаемыми людьми) — все мы, конечно, знали талант Зоира, но сначала следовало оказать уважение старому Додихудо. И теперь, когда уважение было оказано, Зоир начал рассказ:

— Едем мы, ручей Оби-Бузак перехали, Шер говорит:

“Стучит. Слышите?”

“Где?” - покойный Гиёз спрашивает.

“В двигателе. Что неладно — не пойму”.

“Далеко назад возвращаться, да и время не терпит, — покойный Гиёз рассуждает. — Эй, Шер, до места доедем?”

“Как Бог захочет, — Шер отвечает. — Стук — недобрый знак, зловещий. Наверное, дело наше не выйдет”.

Покойный Гиёз смеётся:

“Э-э, не бойтесь, Зухуршо мне не откажет. Мы в восемьдесят пятом году, в сентябре, в Душанбе вместе в партшколе учились...”

В Ворух приезжаем. Покойный Гиёз предлагает:

“Времени терять не станем. Сразу зайдём к Зухуршо, расскажем о нашем деле”.

Уважаемый Додихудо, ныне здесь, в этой мехмонхоне, сидящий, возражает:

“Нет, друг, так не пойдёт. Надо сначала разузнать, какие здесь теперь порядки. Поедем к мулло Гирдаку, расспросим. Мулло — мудрый человек, он нам хороший совет даст”.

Шер радуется:

“Хорошо! Заодно попросим мулло посмотреть, что в двигателе стучит”.

К мулло Гирдаку в механическую мастерскую едем. Ворота гаража распахнуты. Над ямой “газон” стоит, в гараже ни души. Кричим:

“Эй, мулло Гирдак!”

Мулло Гирдак из смотровой ямы выглядывает:

“Какие люди приехали!”

Из ямы вылезает, рубаха и штаны в масле измазаны.

“Ас салом”, — а рук нам подать не может: обе до локтя чёрным маслом измазаны. Здравоваемся, о семье-здоровье расспрашиваем, зачем приехали, рассказываем. Мулло Гирдак говорит:

“Так просто к Зухуршо не попадёте. Сначала бумагу подать надо. Заявление написать, дело изложить...”

Гиёз возмущается:

“Почему бюрократизм такой?! Раньше в Калаи-Хумбе в райкоме меня сразу принимали. Если раис занят был, час-два просил подождать”.

“Другие времена, брат, — мулло Гирдак вздыхает. — Сейчас извините, вас одних оставлю”.

Уходит. Возвращается в чистом чапане, тибетейке, рубашке, белой как снег. И руки чистые, только под ногтями — черно. Наверное, вообще отмыть невозможно. В наш “газик” садится, едем. Дома нас в мехмонхону заводит. Пока обед готовят, покойный Гиёз заявление пишет. Поели, мулло Гирдак нас учит:

“Заявление либо Занбуру, либо Гафуру отдадите”.

Гиёз-покойник спрашивает:

«Это какой же Занбур? Зоотехник?»

“Нет, старого Малаха сын. Сильный парень, но дурной. Он теперь у Зухуршо телохранителем. Брат его двоюродный, Гафур, — тоже телохранитель. Совсем совесть потеряли, будто не мусульмане. Люди их джондорами прозвали. Дэвами, которые в нечистых местах живут, людей убивают и едят”.

“Э! А нас не убьют?” — покойный Гиёз шутит.

“Нет, не бойтесь, — мулло Гирдак тоже смеётся. — Только денег приготовьте. Надо бакшиш дать”.

Дом Зухуршо издали видим. Выше всех домов в кишлаке стоит. Давно начали строить. Люди думали, для матери Зухуршо. Ещё не знали, что он сам в нём поселится. Очень большой дом, дворец. Вокруг — забор. И железные ворота — в Калаи-Хумбе сварили, золотой краской покрасили. Я вблизи смотрю: какую-то пудру, латунь, наверное, с лаком намешали. Дешёвка, но блестящая.

В золотую калитку стучим. Мальчишка, в новеньком камуфляже, берете, с “калашниковым” на плече открывает.

“Чего?”

“Заявление принесли, сынок”.

“Сейчас”.

Калитку захлопывает.

Ждём. Наконец входит... Высоченный мужик, широкий как бульдозер, но весь какой-то корявый, косолапый. Словно горный дэв, которого в камуфляж нарядили, а на пояс кобуру с пистолетом повесили.

“Чего надо?”

“Уважаемый, прошение хотим Зухуршо передать”.

“Мне давай”.

Почтенный Додихудо наше заявление подаёт. Дэв бумагу разворачивает, читает. “Эге, — я думаю, — оказывается, даже грамоте обучен”. Прочитал, на нас уставился. Просто смотрит, ничего не говорит, на лице — никакого выражения. Да и какое у дэва может быть выражение?

“Уважаемый, — Додихудо говорит, — не побрезгуйте небольшим подарком”.

И с уважением нашу пачку, завернутую в румол, протягивает. Дэв платок разматывает, деньги пересчитывает.

“Завтра скажу, когда приходите”.

Гиёз просит:

“Уважаемый, за труд не сочтите Зухуршо передать, что это Гиёз из Талхака заявление привёз. Зухуршо меня хорошо знает. Вместе с ним в партшколе учились. В общежитии в одной комнате жили”.

Дэв кивает:

“Хоп”, — не попрощавшись, калитку захлопывает.

Назавтра опять ко дворцу являемся. Мальчишке с автоматом — другому, не вчерашнему — про заявление объясняем.

“Сейчас”.

Выходит дэв, такой же, как вчерашний, только ещё страшнее. Лицо и руки белыми пятнами изуродованы, будто ему и на кожу камуфляж нанесли. Болезнь, знать, такая: песи-махоу. Здороваемся почтительно. Не отвечает, на нас смотрит, ничего не говорит. Додихудо к нему обращается:

“Уважаемый, вчера бумагу отдали товарищу вашему. Хотим результат узнать. Насчёт сроков...”

Молчит. Может, речи не обучен? Почтенный Додихудо из-за пазухи свёрток с деньгами достаёт, пятнистому дэву протягивает. Тот поворачивается и — во двор. Калитку открытой оставляет. Заглянули. Эха, братцы! У Зухуршо весь передний двор асфальтом покрыт. Это он в городе, наверное, на такое насмотрелся. Как человек может в таком дворе жить? Смотрим, мальчишка бежит:

“Он сказал, вам на послезавтра назначено”.

“А время какое?” — покойный Гиёз спрашивает.

“Про время ничего не сказал”.

“Ничего, придём с утра пораньше, подождём, — почтенный

Додихудо решает. — А если время уточнять, то опять платить придётся. Да и осерчать может, что зря беспокоим”.

В дом мулло Гирдака возвращаемся. Его женщины куртоб готовят, в мехмонхону приносят. Хороший куртоб. Много масла...

В этом месте рассказ Зоира стал разливаться как засорившейся арык, вода которого болотом растекается по всему хлопковому полю без толку и пользы. Мы ценим искусство нашего друга, но порой он слишком увлекается подробностями. И тогда кому-то из слушателей приходится браться за кетмень.

— Зоир, друг, расскажи, что дальше было, — сказал мулло Ёдгор. — Как к Зухуршо попали?

Однако арык одним словом не перекроешь.

— Вечером мулло Гирдак домой из мастерской возвращается. Чай пьём. Потом...

— Друг, про чай потом расскажешь.

Зоир вздохнул:

— Вижу, вы искусство рассказа не цените. А кто к вкусу халвы безразличен, того жмыхом потчуют.

— Попотчуй нас жмыхом.

И Зоир продолжил:

— Чай пьём... Хороший у мулло Гирдака чай. Семьдесят восьмой. Мулло рассказывает: у Зухуршо молодая жена умерла. А мы не знаем, печалиться о её смерти или радоваться.

Шер говорит:

“Теперь, у Зухуршо в верхнем селении родни нет. Может быть, в нашу пользу дело решит. Это, наверное, Бог нам поможет”.

Мулло Гирдак его обрывает:

“За Бога не решай! Что Аллах думает, какие у него планы, какие намерения, никто не знает. Человеку знать не дано. Даже ангелы не знают”.

“Зухуршо обязательно нашу сторону возьмёт, — покойный Гиёз говорит. — Мы с ним друзьями были. В партшколе учились — в одной комнате жили. Оба земляки, оба талхдаринские. В Душанбе наших, дарвазских ребят из Калаи-Хумба, нашли. Время свободное было, с ребятами плов на Варзобском озере делали. Мясо, рис, морковь купим, у повара в кафе “Ором” казан возьмём, потом на берегу реки из камней печку сложим... Один

из ребят очень хорошо готовил. Вот он плов сварит, мы сядем, покушаем. Водку тоже немного пили. Так отдыхали. Шутили, смеялись. Зухуршо много плова съесть мог. Правду сказать, очень жадным был. Ребята его чемпионом по скоростному пожиранию плова прозвали. А я для него какое-то слово придумал, только сейчас никак не могу вспомнить, какое...”

Шер удивляется:

“Не обижался?”

“Нет, никакой обиды не было, — Гиёз говорит. — Зухуршо тоже весёлый парень. Вместе со всеми смеялся”.

Рано утром к воротам являемся. В полдень дэв из калитки выходит:

“Эй, талхакские, заходите”.

Перед дворцом чёрная “волга” припаркована. Справа — ещё один дом, небольшой, с резной дверью. Наверное, мехмонхона — думаю. Входим. Небольшая комнатка коврами увешана, у стены курпача расстелена, на ней второй дэв, пятнистый, возлежит.

“Проверил их?” — у первого спрашивает.

Первый мне приказывает:

“Руки подними”.

По всему телу охлопывает, будто подушку взбивает — оружие ищет. Потом Гиёза с Додихудо обшаривает.

“Чисто, — говорит. — Заходите”.

Влево — на резную дверь — указывает. Там, значит, мехмонхона Зухуршо помещается. Скидываем обувь. Покойный Гиёз, бедняга, долго возится, пока сапоги стягивает. На одном чулке у него дырка, он и чулки снимает, приличия ради к Зухуршо босиком входит.

Эха-а-а! Это не мехмонхона, оказалось. Кабинет! Как в райкоме... Нет, в райкоме совсем бедный, по сравнению с зухуровским. В глубине кабинета — письменный стол полированный. К нему перпендикулярно ещё один длинный стол приставлен, как бы для заседаний, и стулья.

Зухуршо из-за стола встаёт, навстречу идёт.

“Гиёз, дорогой, наконец-то свиделись! Так давно я ждал этой встречи”.

В глазах счастье светится. Повторяет:

“Гиё-ё-ё-ё-ё-з, ох, Гиёз...”

Будто долгожданный подарок получил. Удивительно мне: коли Зухуршо любит Гиёза так сильно, почему прежде его к себе, в Ворух, не призвал? Почему сам к нам, в Талхак, не приехал? Вижу: даже покойный Гиёз удивляется. Хоть дружбой с Зухуршо и хвалился, но такой ласки не ожидал.

Уважаемый Додихудо говорит:

“Слышали мы про ваше горе...”

“Горе? Какое горе?” — Зухуршо спрашивает.

Уважаемый Додихудо удивления не показывает.

“Кончина вашей супруги, — говорит. — Вместе с вами о ней скорбим”.

Тогда Зухуршо вспоминает. Очнулся, наверное, от радости встречи и опечаленный вид принимает.

“Да, — говорит, — умерла она”.

За длинный стол нас усаживает, чай наливает, Гиёзу подаёт.

“Давно не виделись, дорогой. С тех времён...”

“Весёлое было время”, — покойный Гиёз говорит.

“Да, весёлое, — Зухуршо соглашается. — И ты был весёлым парнем”.

Покойный Гиёз смеётся:

“Э, брат, я и сейчас не совсем ещё грустный...”

“Шутил много”, — Зухуршо говорит.

И я вдруг вижу, что в его глазах нет ни веселья, ни радости. Словно их тень какая закрыла. Но покойный Гиёз того не замечает:

“Все тогда шутили. Смеялись”.

“Да, смеялись. Над кем смеялись?”

Покойный Гиёз удивился.

“Просто смеялись”.

“Нет, — сказал Зухуршо грозно. — Не просто... Надо мной смеялись. Ты слово сказал, и надо мной смеялись”.

Покойного Гиёза будто холодной водой окатили.

“Какое слово, брат? Все шутили, я шутил. Никакого слова не говорил...”

“Забыл?! Не помнишь?!”

Я в душе Бога молю, чтобы надоумил покойного Гиёза не

спрашивать, какую несчастную шутку он тогда произнёс. А покойный Гиёз и сам, видно, понял, что лучше то слово сейчас не вспоминать:

“Обижать тебя не хотел. Но если обидел тебя, то по старой дружбе прости”.

“По дружбе простить просишь?”

Совсем другой Зухуршо теперь перед нами. Словно джинн человеком притворялся, чай наливал, пиалу с уважением подавал, потом вдруг перекинулся и страшным чудовищем обернулся. Только что был как все люди, но рассеялись чары, и джинн в настоящем своём виде предстал: страшный, огромный, грозный и смертельно опасный. Мне страшно становится, думаю: “В своём ли он уме?” Потому что вроде как безумие у него в глазах светится. И кажется мне, что бросится он сейчас на несчастного Гиёза, кусать и грызть его зубами начнёт.

А Зухуршо вдруг смеётся, говорит сердечно и весело :

“Эх, Гиё-ё-ё-ё-ё-з, Гиёз...”

Думаю: “Не ошибся ли я? Не почудилось ли?” А Зухуршо всё так же ласково:

“По-дружески простить, говоришь? Тогда скажи мне: если не друг, а чужой человек дурное слово скажет, как с ним надо поступить?”

Гиёз чай отхлёбывает, пиалу на стол ставит.

“Если не со зла сказал, то простить надо”.

Зухуршо говорит:

“А какая в том разница, со зла или не со зла? Вот идём мы с тобой... да хоть бы в наших горах. И ты камень столкнул и меня зашиб”.

“Если нечаянно, без умысла...” — покойный Гиёз начинает.

Зухуршо его перебивает, спрашивает вкрадчиво:

“А какая разница — с умыслом или без умысла? О том подумай, как мне больно, если ты мне ногу сломал, кости раздробил. Не о себе, обо мне подумай”.

“Всё равно вины нет”, — покойный Гиёз говорит.

Зухуршо с ним соглашается:

“Ты прав, друг. Вины нет. Но наказать надо!”

Покойный Гиёз удивляется:

“За что?”

“За боль”, — Зухуршо говорит.

Покойный Гиёз думает, головой качает.

“Вижу, не убедил я тебя”, — Зухуршо говорит.

“Извини, не убедил”.

“Неважно, — Зухуршо говорит. — Сейчас убедишься. Я для тебя одно доказательство приготовил”.

Покойный Гиёз кивает, слушать готовится. Зухуршо кричит: “Гафур, принеси!”

Тут же пятнистый дэв входит, на стол чилбур — верёвку из шерсти — кладёт. Верёвка кольцом свёрнута, наружу лишь петля торчит.

“Надевай”, — Зухуршо покойному Гиёзу приказывает.

Гиёз не понимает:

“Что надеть?”

“Петлю. Себе на шею”.

Я думаю: “Зачем верёвка, зачем петля? Будет рассказывать, как Гиёз с верёвкой на шее, наподобие барана, которого на базар продавать тащат, сидел и чай пил? Или будут его по кишлаку водить? Унизить желает, опозорить, власть показать? Шутка такая?”

Наверное, Гиёз о том же думает. Спрашивает:

“Зачем?”

“Повешу”.

“Шутишь?”

“Нет, — Зухуршо говорит. — Я шутить не люблю. Ты любишь. Это ты шутил. Я тебя наказываю”.

Покойный Гиёз поверить не может:

“Зухуршо, друг...”

И тогда из Зухуршо вновь дэв вырывается.

“Я тебе не Зухуршо! Ты мне “ты” не говори! Кто ты такой, чтобы ко мне на “ты” обращаться?! Вежливости тебя не учили? Культуре тебя не учили? Я тебя научу. Думаешь, ты должен мне “товарищ” говорить? Нет, ты должен ко мне со словом “джаноб” обращаться. Должен мне “таксир”, господин, говорить”.

И вдруг опять весело смеётся:

“Вот так-то, Гиё-ё-ё-ё-ё-з, — и добавляет дружески: — Ну, чего сидишь? Надевай”.

Покойный Гиёз в лицо ему прямо смотрит, говорит:

“Товарищ Мухамадшоев, я в такие игры не играю”.

Тогда Зухуршо пятнистому Гафуру приказывает:

“Подержи его”.

Гафур стол огибает, позади покойного Гиёза встаёт, лапами его обхватывает. Зухуршо на почтенного Додихудо пальцем указывает, приказывает:

“Ты ему надень”.

Почтенный Додихудо говорит:

“Таксир, воля ваша, но я такой грех на себя не возьму”.

Тогда Зухуршо кричит:

“Занбур!”

Второй дэв входит.

“Принеси”.

Дэв уходит. Мы сидим, молчим. Верёвка на столе лежит. Пятнистый дэв Гафур покойного Гиёза держит. Почтенного Додихудо дрожь бьёт, но, вижу: держится, страха не показывает, гордо сидит, достоинство соблюдает. Я думаю: “Что делать? Что делать?” Ничего придумать не могу.

Занбур входит, вторую верёвку с петлёй на стол кладёт. Зухуршо на почтенного Додихудо указывает:

“Подержи его”.

Занбур стол обходит, сзади обеими руками почтенного Додихудо обхватывает, к спинке стула прижимает.

Зухуршо в меня пальцем тычет:

“Ты, — на почтенного Додихудо указывает, — ему наде-
нешь”.

Понимаю, что последний мой час пришёл. Ничего Зухуршо не отвечаю, только о том думаю, чтобы с силами собраться, достоинства не уронить.

Тогда покойный Гиёз говорит громко:

“Эй, Гафур, руки убери! Отпусти меня”.

Дэв, который его держит, на Зухуршо смотрит.

“Отпусти”, — Зухуршо приказывает.

Гафур руки убирает, покойного Гиёза отпускает и позади стула, как статуя, встаёт. Покойный Гиёз верёвку берёт, петлю пошире расправляет и себе на шею надевает. Все сидят, молчат. Второй дэв, Занбур, почтенного Додихудо держит, не отпускает. Потом Зухуршо дэвам приказывает:

“Соберите народ”.

“Народ сейчас в поле”, — Гафур говорит.

“Соберите тех, кто остался в кишлаке”.

Занбур почтенного Додихудо отпускает, оба выходят.

До этого мига я себя ложной надеждой успокаиваю. Думаю, Зухуршо всего лишь напугать Гиёза желает. Злой шуткой ему отомстить. Теперь понимаю: раз народ собирает — исполнит, что пообещал. Вид у него довольный, словно у человека, который хорошее дело сделал и теперь своей работой гордится и тихо радуется. Опять в пиалу чай наливает, покойному Гиёзу подаёт:

“Возьми, пожалуйста”.

Гиёз словно во сне чай принимает. Будто не понимает, что делает. Пиалу берет, отхлёбывает... Мне вдруг смешно становится — как наша жизнь нелепа. Один человек другого лишит жизни собирается, чаем его угощает, а тот чай принимает вежливо, как положено. Смех из меня наружу рвётся, удержать сил нет. Словно запруда на реке — размыла воду плотину, разбросала камни, ветки и хлынула. Сам себя слышу, сам себе удивляюсь, но ничего поделывать не могу — хохочу как деревенский девонадурак при виде осла, вскочившего на ослицу.

Зухуршо хмурится:

“Над кем смеёшься?”

Я ни слова оправдания сказать не могу, ни смех остановить. Тогда почтенный Додихудо, тысячу раз спасибо, вмешивается:

“Таксир, не гневайтесь на него. Не он смеётся — страх смерти из него смехом выходит”.

Зухуршо усмехается:

“Не рано ли? Чилбур перед ним лежит”.

Странная усмешка. Беззлобная и оттого страшная. Человек, который так усмехается, может что угодно сотворить, смеясь. Почтенный Додихудо говорит:

“Извините нас, таксир. Мы люди простые, деревенские. Грубые горцы. Нас и впрямь, как вы сказали, никто учтивости не учил. И этот человек, Гиёз, тоже, хоть и коммунист, но очень тёмный...”

“Темнота не оправдание”, — Зухуршо отвечает.

Тогда Додихудо, здесь с нами сидящий, говорит:

“Гиёз, друг, хоть и давно ты этого уважаемого человека обидел, но лучше сейчас у него прощения попроси. Сам знаешь, как говорится: “Если забор сто лет назад покосился, лучше сейчас поправить, чем оставить кривым стоять” Иной раз гордость смирать приходится”.

Покойный Гиёз гордость свою смирить не желает. Смелый человек...

В этом месте рассказ Зоира прервали вновь.

— Почему смелый? При чём здесь смелость?! — возмутился раис. — Зухуршо — начальник. С начальством хитрить надо. Смелость не в том, чтобы начальнику перечить. Начальника надо насквозь видеть. Слабым и глупым себя перед ним проявить. И того, что тебе надо, от него добиться. С начальником военную хитрость применять следует. Как с врагом. Выжить надо и победить. Вот в чём настоящая смелость. Власть как буря, мы как трава. Власть пролетела и сгнула, мы пригнулись, потом вновь выпрямились...

— Ваша правда, раис, — ответил Зоир. — Но покойный Гиёз не пригнулся. Наверное, пригнуться за бесчестье посчитал. Он наоборот, выпрямляется гордо, на Зухуршо смело смотрит. Тогда Зухуршо внезапно встаёт и, ничего не сказав, выходит. Смех мой сам собой проходит, слабость меня одолевает, подобная той, что охватывает, говорят, человека в смертный час.

Почтенный Додихудо говорит:

“Мы не знаем, что с нами будет. Этот человек способен мстить за любую мелочь. Может, ещё решит нас с Зоиром казнить. Сейчас время намаза. Давайте помолимся. Возможно, в последний раз”.

И тогда, поскольку в комнате, кроме нас, — никого, Гиёз отчаяние выказывает. Конец верёвки, которая на его шее висит, хватает, дёргает яростно, выкрикивает:

“Зачем мне молиться?! Мне только в ад дорога. В рай никогда уже не попаду...”

Голову на стол роняет, в голос плачет...

На этом месте Зоир свой рассказ прервал и сам заплакал. Все тоже молчали. Наконец мулло Ёдгор сказал:

— Да, страшна такая смерть. Мало того, что позорная, но

для души губительная. Когда человек умирает, душа выходит через ноздри и поднимается к Богу. Но если смерть наступает в петле, естественный выход закрыт, и душа оскверняется, потому что вырывается через задний проход вместе с нечистотами. Она уже не может попасть в рай, а идёт прямо в ад.

Зоир слёзы утёр:

— Чем мы могли несчастному Гиёзу помочь, как утешить? Тогда, в кабинете Зухуршо, он плачет, я к нему подхожу, руку ему на плечо кладу:

“Надежды не теряй, брат. Будет так, как Бог решит. Иншалло...”

А что ещё скажешь?! С шеи Гиёза петлю снимаю, на стол бросаю. Молитвенные коврики в доме у мулло Гирдака оставлены. Расстилаем платки — у кого какой имеется. Молиться начинаем. Потом дверь открывается, Занбур кричит:

“Эй, талхакские, выходи”.

Мы не откликаемся, начатый ракат до конца доводим. Занбур в кабинет заходит.

“Э, перед смертью не намолитесь. Скоро там будете. Там, на месте Богу что надо, скажете. Идём быстрее, Зухуршо ждать не любит”.

Молитву заканчиваем, к двери идём. Занбур кричит:

“Главное забыли. Без этого, — верёвки со стола поднимают, — вы до Бога не доберётесь”.

Спасибо, не стал покойному Гиёзу петлю на шею надевать. Наверное, и дэв тоже иногда сострадание имеет.

И здесь из темноты, от двери, Шириншо голос подал:

— Э, тут сострадание не при чём. Если Гиёза с верёвкой на шее вести, он с петлёй свыкнется, смирится. А так у него хоть какая-то надежда останется. Тогда на него петлю надеть — самое время...

Неожиданная мудрость Гороха всех удивила. Мы переглянулись, Зоир рассказ продолжил:

— Выходим из кабинета, обувь надеваем. Почтенный Додихудо — в ичигах: ноги в калоши суёт. Я кое-как, шнурки не развязывая, в туфли ступни вбиваю. Покойный Гиёз на пол садится, чулки не надевает — до того ли ему! — сапог за голенище тянет, никак натянуть не может...

Занбур говорит грубо:

“Зухуршо ждать не любит. Зачем тебе теперь сапоги? — Гиёза за шиворот хватает, рывком на ноги поднимает. — Иди. Так иди!”

Покойный Гиёз во двор босым вылетает. С дэвом из-за сапог драться — честь ронять. За золотые ворота выходим. На улице народ толпился. Женщины и старики. Видят нас, волнуются, вздыхают. Позади народа аскеры стоят, боевики. С автоматами.

“Здесь стойте”, — Занбур командует, нас в сторону, к забору пихает.

Потом золотые ворота открываются, Зухуршо выходит. Вах! Я глазам не верю. Зухуршо в камуфляж одет, на плечах у него огромная змея лежит. Как шарф, которые афганцы на себя накидывают. Змея голову вытягивает, вперёд смотрит. Хвост шевелится. Змея — серо-чёрная, в серых и чёрных пятнах, и камуфляж у Зухуршо тоже серо-чёрный, в серых и чёрных пятнах. И кажется, что змея из плеч у него растёт. Стоит Зухуршо, перед народом красуется. Ноги широко расставлены, голова высоко поднята. Змей на плечах шевелится. Потом смотрю, военный мужик со стороны подходит. Впереди всех встаёт, подбоченившись...

В этом месте рассказ Зоира раис перебил:

— Это, наверное, Даврон был. Говорят, он у Зухуршо — военный начальник. Говорят, Зухуршо воевать не умеет. Вместо него Даврон воюет.

— Да, — сказал мулло Ёдгор, — Даврон с Джумой воевал. Джуму в наше ущелье не пустил...

— Не знаю, — ответил Зоир. — Наверное, он. Другой не посмел бы на Зухуршо дерзко смотреть. Но тогда я о том не думаю. Гадаю, что с нами будет. Зухуршо кричит:

“Эй, люди! Надо зиёрат совершить. Святой мазор Хазарати-Арчо посетить, мазору подношение сделать”.

Тогда военный мужик — Даврон, наверное — плюёт и уходит. А Зухуршо словно того не замечает — гордо, большими шагами налево вверх по улице направляется. Дэв покойного Гиёза толкает.

“Коммунисты, вперёд! — Затем нам с почтенным Додихудо кивает: — И вы тоже. Дружным коллективом — на зиёрат”.

За нами весь народ тянется. Боевики, посмеиваясь, позади идут. За кишлак выходим, вверх по тропе подниматься начинаем. Покойный Гиёз впереди меня идёт, босыми ногами по острым камням ступает. Ноги медленно, с усилием переставляет, будто бурлящий горный поток — незримый, беззвучный — вброд пересекает. Будто по колено в смерти бредёт.

Я в спину ему смотрю и думаю: “Известно, что у человека две души — джон и рух. Какая из них из Гиёза через неподобающее отверстие выйдет? И что с другой станется?”

Здесь рассказ Зоира мулло Ёдгор перебил:

— Джон в момент смерти поднимается к Богу. Рух остаётся здесь, на земле... Но в такой миг о подобных вещах думать — грешно.

От двери Шириншо вновь голос подал:

— Это Зоир страх заглушал. О греховных пустяках размышлял, чтоб о страшном не думать.

Все, кто в мехмонхоне сидели, опять молча переглянулись. Кто б мог сказать, что Горох на столь тонкие мысли способен? Пришли мне на ум слова Хирс-зода, соловья Талхака:

С хрустальным кувшином убогий бурдюк не сравнится,
Но и в нём временами хрустальная влага хранится.

Зоир тубетейку на затылок сбил:

— Не знаю. Может быть. Сейчас стыдно вспоминать, но тогда в голове крутилось: “Рух или джон? А если обе выходят, то какая выйдет первой?” Достигаем наконец мазора Хазрати-Арчо. Там, над Ворухом, над кишлаком священное дерево есть...”

Здесь, в этом месте раис опять рассказ Зоира перебил сердито:

— Дальше говори! Мазор Хазрати-Арчо все знают.

Грубо сказал, но верно. Тот мазар хорошо знаком всякому в Талх-даре. Высоко в горах на каменном уступе одинокое дерево стоит. Арча, широкая, раскидистая. Всякому видно, что не простое дерево. Словно какая-то сила от него исходит, словно незримое сияние. Старики рассказывают, что некогда остановливался под ним святой эшон Курбон из Ёзганда. Бежал он из Тавильдары от тамошнего шо, имени которого сейчас никто и не

вспомнит. Шо послал вслед наукаров, чтоб те принесли ему голову эшона. Шейх уже в преклонных был годах, выбился из сил, сел под арчѣй отдохнуть. Там его наукары и настигли. Но арча прикрыла святого эшона ветвями — наукары мимо прошли, не увидели эшона. Тогда эшон благословил дерево. Оно теперь ото всех болезней помогает. И каждый, кто посещает мазор или просто проходит мимо, непременно приносит подношение — дарит дереву белую или красную полоску ткани. Все нижние ветки Хазарати-Арчо увешаны цветными тряпочками, как новогодняя ёлка в русских домах на русский Новый год. Известный мазар. Потому раис и сердился...

А Зоир, слова нужное, наверное, не нашедши, чтобы раису возразить, рассказ продолжил:

— Около священной арчи останавливаемся. Справа народ толпится. Слева — Зухуршо. Посреди боевики стоят. Тот дэв, Занбур, что покойного Гиёза подгонял, нас в сторону толкает. Пятнистый Гафур сбоку от Зухуршо встаёт, глазами по окружающей толпе шарит. Словно видео посмотрелся, где телохранители какого-нибудь президента стерегут. А от кого тут Зухуршо охранять? Вокруг — одни бабы, ребятишки да старики.

Зухуршо приосанивается, змея на себе поправляет и вперёд выходит.

“Люди Воруха, посмотрите на этого человека. Он хочет, чтобы старые времена вернулись. Желает, чтобы вновь народ от зулма, угнетения, страдал. Новой жизни помешать задумал. Но я на вашу защиту встал. Все планы этого человека, коммуниста, нарушил. И на ваших глазах его казни предам, чтобы не мог он более на народное счастье и народную свободу посягать”.

Затем пятнистому Гафуру, кивает, тот покойного Гиёза выводит, возле священной арчи ставит.

Почтенный Додихудо к Зухуршо подходит:

“Старые люди рассказывали, что в Бухаре когда в прежние времена человека на виселице казнили, то прежде на шее надрез делали, чтобы душа могла через горло выйти. Окажите Гиёзу милость, таксир. Прикажите, чтобы и ему горло надрезали”.

Зухуршо усмехается:

“Теперь не старые времена...” — и дэву кивает.

Гафур верёвку с плеча снимает, расправляет, на шею Гиёзу

петлю надевает. Покойный Гиёз выпрямляется гордо, голову высоко поднимает, кричит громким голосом:

“Люди Воруха! Лжёт Зухуршо. Я к нему за справедливостью пришёл. За защитой пришёл...”

“Гафур, пусть он замолчит”, — Зухуршо приказывает.

Тогда Гафур шею Гиёза, как борец, в захват берёт, горло сдавливают. Гиёз хрипит, замолкает.

Зухуршо кричит:

“Эй, осторожнее! Не удави его...”

Гафур захват ослабляет. Тогда Зухуршо второму дэву командует:

“Занбур, иди помоги”.

Второй дэв к Гиёзу подходит, свободный конец верёвки принимает, вверх смотрит, в затылке чешет, верёвку измерять начинает — к плечу и вытянутой руке прикладывает, перехватывает, опять прикладывает... То на верёвку смотрит, то на дерево, будто что-то прикидывает.

“Эй, мудрецы, о чём задумались?” — Зухуршо сердится.

“Зухуршо, как быть? — второй дэв, Занбур, в ответ кричит. — На нижней ветке вешать, у него ноги до земли достают. Если на той, что повыше, — верёвка коротка”.

“Ещё одну подвяжи”.

“Другие верёвки в конторе на столе остались”.

“Эй, Занбур, ты что, в школе не учился? Геометрии не знаешь? Пусть он на нижнюю ветку залезет, а ты заберись повыше и там верёвку привяжи”.

Занбур конец верёвки в зубы берёт, подтягивается, брюхом на ветку ложится, а потом садится кое-как, ноги свесив.

Пятнистый Гафур захват отпускает, Гиёза кулаком в бок тычет: “К нему лезь”.

Гиёз на него смотрит, отворачивается. Гафур опять кулак заносит, но Зухуршо опять кричит:

“Пусть стоит, где стоит! На нижней вешайте”.

“Как это?”

“А ты мозгами пошевели, если есть, чем шевелить”.

Понимаю вдруг, что Зухуршо задумал. Желает, чтобы Гиёз унизил себя. Задумал сломать Гиёза. Чтоб бедный Гиёз стал цепляться за жизнь, забыв о достоинстве и чести.

Тем временем Гафур приказывает:

“Эй, Занбур, слезай”.

Занбур с ветки спрыгивает. Гафур конец верёвки у него берёт, через нижнюю ветку перекидывает. Потом петлю на покойном Гиёзе слегка затягивает, чтобы плотно охватывала, но не душила. Чилбур за свободный конец подтягивает, длину верёвки выбирает и несколько раз вокруг ветки обматывает. Вдумчиво работает, неспешно, деловито... Узел на ветке завязывает, конец закрепляет.

“Готово!”

Смелый человек, Гиёз, но сейчас смотрит робко и растерянно как ребёнок. Однако страх свой пересиливает. Кричит громко:

“Эй, люди!..”

Я думаю: “Кому говорит, зачем?! Старые люди, женщины, что они могут? Их удел — подчиняться, терпеть. Это он ко мне обращается. Я мужчина, я сильный...” А потом себя спрашиваю: “Разве ты мужчина, Зоир? Человека на твоих глазах убивают. Односельчанина. Ты стоишь, смотришь... Почему молчишь? Почему вступить за него боишься? Что ты за человек?!”

Здесь Зоир замолчал, рассказ прервал. Потом сказал:

— Это в моей жизни самый страшный миг был. Не потому, что казнь страшна. Потому что слабость свою ощутил. Как мне теперь себя уважать?

Мулло Ёдгор его упрекнул:

— Нельзя так говорить, Зоир! И думать так грешно. Бог всё решает. Кому жить и кому умереть... И как умрёт человек — тоже он выбирает. И раз Аллах тебя жизнью наделил — твоя обязанность жизнь беречь. Какое право имеешь судьёй себя ставить и судить, кому как следует умереть?

— Я не судил, — сказал Зоир. — Как я мог судить? В тот миг последний час Гиёза наступил, а я и смотреть не могу, и отвернуться не силах. Гиёз к людям обращается. Пятнистый дэв — с ним рядом, сигнала ждёт. Занбур в сторону смотрит — туда, где женщины стоят. Наверное, молодых разглядывает.

Потом Зухуршо говорит:

“Во имя Бога... Омин”.

Гафур головой согласно кивает: “Хоп”, Гиёза по ногам с силой бьёт. Подсечку как борец проводит. Гиёз опору теряет, на

верёвке повисает. Женщины разом: “Ох! Вайдод!” — кричат. Плачут, отворачиваются. Глаза рукавом закрывают.

“Эй, бабы! — Зухуршо кричит. — Всем смотреть! Кто смотреть не станет, тому плохо будет...”

Кое-как женщины опять к дереву поворачиваются, искоса, робея, на несчастного Гиёза, повисшего, смотрят. Сильный человек, Гиёз, упорный. На ноги встать пытается. Руки поднимает, за верёвку натянутую хватается. Ноги подтягивает... Встаёт! Лицо от натуги красное. Пальцы под петлю запускает, распустить силится...

Тогда Гафур опять мощную подножку ему даёт. Ноги из-под Гиёза опять вылетают, он на верёвке повисает, пальцы петлём прижаты. Очень сильный человек, Гиёз. Опять ноги под себя подбирает, опять на ноги встаёт.

“Зухуршо, надо ему руки связать”, — Гафур предлагает.

“Не надо, — Зухуршо смеётся. — Какой ты палвон, если с деревенщиной справиться не можешь? Может, в гуштин с ним поиграешь? Смотри, Гафур, он ведь тебя ещё поборет”.

Сердится Гафур. Злится. Изо всех сил Гиёза по ногам пинает. Но Гиёз опять встать силы находит. Так и не удаётся Зухуршо его сломать, мужественно за жизнь борется... До последнего вздоха борется. И вздохов уже не осталось, дышать нечем, но борется.

Тогда Гафур второго дэва, Занбура, окликает:

“Кончай на баб глазеть. Помоги”.

Занбур не понимает, смотрит тупо.

“Что делать?”

“Что делать, что делать! Ноги ему подними”.

Занбур нагибается, правую босую ногу Гиёза подхватывает, вверх поднимает. Гиёз на одной ноге удерживается. Гафур по ноге бьёт. Несчастный Гиёз повисает, свободной ногой в воздухе шарит, опору найти не может. Руками за верёвку ухватиться пытается, верёвку найти не может. Трепыхается, бьётся, как рыба на берегу.

Я больше смотреть не могу. Глаза закрываю. Слышу, почтенный Додихудо шепчет суру Ёсин, которую умирающим читают. И ещё слышу — не то хрип, не то стон. Слышу, Гафур кричит:

“Крепче держи! Не отпускай”.

Потом тишина. Я глаза открываю, но на арчу не смотрю. Зухуршо к нам оборачивается:

— Суд мой суров, но справедлив. Каждый получает по своим делам. Этот человек провинился передо мной, и я его наказал. И ваше дело решу по справедливости. Отниму у Ёра пастбище. Вазироны не будут им владеть...

И мы опять не знаем, печалиться нам или радоваться. Кровью сердец оплакиваем несчастного Гиёза, свисающего с ветки арчи, а души ликуют из-за обретённого пастбища.

Зухуршо приказывает:

“Не снимать! Пусть висит. Старик из Талхака, ты понял? Не снимать... Это моё мазару подношение”.

Здесь Зоир вновь замолчал, а вместо него старый Додихудо рассказ закончил:

— Потом разрешил. Передали нам его слова: “Повисел и хватит с него чести. Смердеть начнёт, святой мазар зловонием осквернять. Пусть своего протухшего парторга забирают”. Мы сняли, домой повезли...

Зоир не мог утерпеть, что вместо него рассказывают.

— Да, — сказал, — домой везём. Едем, печалимся, Шер говорит:

“Двигатель не зря стучал. Войны испугались, теперь покойника везём. Потому и говорят: коли смел — обретёшь, если трус — пропадёшь”.

И тут опять Шириншо из темноты своё слово вернул:

— Говорят и по-другому: “Когда телёнок умирает, корова дойной становится”.

Поморщились мы, но никто Гороха не одёрнул, чтоб даже намёка не возникло, что неуместная эта поговорка может относиться к покойному Гиёзу.

Старый Додихудо сказал:

— Гиёз пастбище кишлаку вернул.

— Да, — согласился счетовод, — покойный Гиёз за всех жертвой стал.

— Не мы его в жертву принесли, — уточнил мулло Ёдгор.

Раис сказал:

— Скота уже нет. Поздно, поздно мы своё пастбище назад получили.

— Нужно его вазиронцам в аренду на год отдать, — предложил счетовод. — Всё равно их скот половину травы объел. Пусть за пользование нашим пастбищем часть нового приплода нам отдадут. Можно и деньгами взять.

— Приплодом лучше, — решил раис. — Да и маток бы не сколько.

— Считать надо, калькуляцию составить надо, — сказал счетовод.

Начали спорить, судить да обсуждать, как вновь обретенным пастбищем распорядиться. И только я выкрикнул бессмысленный вопрос, заранее зная, какой получу ответ:

— Почему?!

Все замолчали, удивившись. Я спросил:

— Мулло, скажите, как такое может быть? Почему один человек — злой, плохой человек, недостойный — может рая лишиться другого человека? Хорошего, достойного...

Мулло Ёдгор сказал:

— Злой человек — тоже Божье орудие.

— Значит, тот человек, которого он рая лишил, не воскреснет? Не оживёт в Судный день, когда все правоверные встанут из могил?

— Увы, — говорит мулло.

— Но почему?! Почему?

— Не нам то знать.

И я зарыдал. Рыдал громко как ребёнок. Помимо моей воли вырывались эти слёзы.

— Эх, Джоруб, Джоруб, — сказал мулло. — Не плачь, успокойся. Грех сокрушаться, смирись. Такова судьба.

Но я не хотел успокаиваться. Я не мог смириться. Я образованный человек. Я анатомию, физиологию, высшую нервную деятельность человека изучал и знаю, что души не существует. Но я горько плакал о том, что душа моего брата Умара в момент смерти вышла не через нос, а улетучилась через неподобающее отверстие, и теперь мой бедный покойный брат никогда не достигнет рая.

Глава 9

Андрей

Убил бы! Сил нет терпеть, как Бахша над матушкой изгаляется. Чего она хочет? Чего добивается? Я ей прямо сказал:

— Мы вообще отсюда свалим!

Матушка неподалёку была и услышала. Бахша ушла, матушка говорит:

— Андрюша, сынок, ты мне обещал не грубить. Неужели трудно держать себя в руках?

Ну, блин!

— Это Бахша нас в руках держит. Как негров на чайной плантации. Я к ней в рабы не записывался.

А матушка:

— И с каких это пор ты себе позволяешь грязные выражения? Да ещё при женщине...

Я нарочно. Ей, Бахше, назло. Однажды пацанёнок, сынок её Мухитдин, выругался, а Бахша услышала. “Иди сюда”. Пацан испугался, но подошёл. “Высунь язык”. Он высунул. Бахша из воротника платья вытащила иголку, длинную-ю-ю-щую, и — ему в язык. Проткнула насквозь. Он потом полдня с иголкой в высунутом языке прокантовался. Но мне она фиг что сделает. Я ей не сын. Я ей никто. И она мне никто.

Матушка:

— Андрей, дай мне слово никогда с ней не препираться.

А она? Ей можно?!

Последний раз — это ещё до того, как намылилась выдать Заринку за овоща, — она как с цепи сорвалась. День ещё такой был, что всё из рук валилось. Матушка совсем из сил выбилась. Я просил: “Посиди, отдохни”. “Нет, Андрюшенька, работать надо. Нам вон ещё сколько надо сделать... А времени мало осталось. Ты же слышал, что они говорили. С севом нельзя опаздывать”.

И тут она на поле заявила. Злая как собака. И пошла вонять: “Почему мало сделали? Ты, Вера, лентяев вырастила...”. Целую бочку дерьма на матушку выплеснула. А мне что, терпеть, когда Бахша мать полощет? Тоже сказал ей пару ласко-

вых... И понеслась атомная война двадцатого века. Всё в руинах и никого в живых. Одни обугленные трупы.

Я потом сказал матушке:

— Почему ты ей разрешаешь так с собой обращаться?

— Андрюша, милый, они нас приютили...

— Спасибо! Теперь кланяться и молчать в тряпочку?

— Мы не имеем права жаловаться и что-то требовать. Они дали нам кров. Они нас кормят..

— Кормят?! — Я схватил её руку и повернул ладонь кровавыми мозолями кверху. — Вот что нас кормит! Мы тут как в ГУЛАГе.

Матушка сказала:

— В этих местах все люди так работают. Иначе не выживешь.

— А я не желаю...

Мне не трудно. Даже нравится камни ворочать. Если б только Бахша над матушкой не измывалась. Но это у неё порода такая. В папашку своего пошла. Приволокся он вчера, когда у дядьки в мехмонхоне родичи собирались. Деда тоже вывели. Он после смерти сына, моего отца, сильно сдал. Не знаю, какой прежде был, но сейчас совсем слабый. Жалко до слёз. Клёвый у меня дедушка. Обидно, что раньше с ним не общались. Иной раз меня за руку берёт и шепчет: “Эх, Андрей, Андрей...” Понятно, сына вспоминает... Короче, деда из его комнаты выволокли, усадили на почётное место — глава семейства. А какой он глава?! Всем Бахша управляет.

Шириншо, урод кривобокий, тоже припёрся. Почему его впустили — я не понял. Из вежливости что ли? Тут вроде как заседание совета старейшин, вход только по членским билетам, а он вообще не из нашего кауна. Дядька говорит, он нутром чует, в каком доме угощенье наклёвывается.

Я, понятное дело, у двери примостился. Где и положено вьюноше. Чай подтаскиваю и всё такое. Кайфово ощущать себя в команде высшей лиги, хоть и сидишь на запасной скамье. Наш каун — звучит гордо, а? Это тебе не кружок авиамоделистов. Клан, община, большая семья. Сила. Поддержат, защитят, помогут... Бахшу только почему-то окоротить не хотят. Или силёнок не хватает? Может, на самом-то деле бабье руководит, а старцы только бороды оглаживают. Для виду...

Ну, в общем, они для разгона о том-сём покаялись, потом её папашка строго так спрашивает:

“Обрезание когда делать будете?”

Дядька вроде как смутился:

“Сами знаете, время сейчас тяжёлое. Только что вашего зятя схоронили. Большие расходы понесли. Обрезание нам сейчас не потянуть”.

Папашка головой неодобрительно качает.

“Всё равно непорядок. Надо обрезать”.

Я сразу не догнал, о чём они. Потом дошло — обо мне. Пипиську мне подстричь собираются. А мне это ни к чему! Пусть растёт, как росла. Моя она, личная. Они-то её в общее хозяйство зачислили. Типа, общественная она, они ей и распоряжаются. Для всеобщей пользы. Только я их к своей не подпущу, пусть лучше голову отрежут. Едва-едва сдержался. Распирает, но глаза опустил, сижу, скромно молчу. Будто не обо мне говорят. Короче, решил деда не подводить. Чтоб ему потом глаза не кололи: внучок, мол, у тебя некультурный... Дядька-то даже ухом не повёл. Мог бы и вступился...

А кривобокий стал докапываться:

— Ты почему необрезанный? Ты кто? Русский или таджик?

Меня такие вопросы уже заколебали. Какая разница? Прежде я вообще об этом никогда не думал. У нас, в Ватане, не поймёшь, кто есть кто. Кого сюда только не ссылали. Поволжских немцев, корейцев, раскулаченных русских. Мы с Заринкой свободно болтали по-таджикски, да и по-узбекски чуть-чуть. Я и не знал, что мы какие-то другие, пока один узбечонок не стал меня дразнить:

“Урус, урус, катинга папирус”.

Это по-узбекски: русский, русский, в жопе папироса. Я его слегка отвалтузил, а потом стал спрашивать у матушки, кто мы такие. “Русские, сынок... Кто ж ещё?” Фамилия у нас с сестрой — по матери: Белодедовы. Это я узнал уже в школе. А дома, с тех пор, как себя помню, мать читала нам русские сказки, потом Гоголя, Пушкина, Кольцова. И отец, когда приходил, тоже только по-русски с нами говорил. Не знаю, почему... Если бы он со мной по-другому... Не знаю, может, я бы себя таджиком считал... А теперь мне всё равно. Теперь, когда спрашивают: “Кто ты?” — я всегда отвечаю:

— Человек.

И кривобокому так же сказал. Он кривые зубы скалит:

— У человека разум есть. А ты, если разум имеешь, понимать должен: просто людей не бывает. Таджики есть, узбеки есть, татары есть, евреи есть, русские...

— А таджики и узбеки — они кто? Люди?

— Э-э, голову мне не морочь. Конечно, люди. Мусульмане. А ты почему не мусульманин? Может, ты еврей?

Я не выдержал и огрызнулся:

— А что, если русский, то скажете: “Уходи на свой Россия”?

Понятно, не надо было этого говорить. Все замолчали. Сам знаю, что со старшими нельзя так... Если бы я в другой компании такое ляпнул, меня бы старики с кишками сожрали. А тут, при деде, как бы неприлично... По штату, Джоруб должен отругать. Так что я, конечно, дядьку в неудобное положение поставил. А дядька сам виноват! Никак за меня не вступился. Но и при всех отчитывать не стал. Только проворчал:

— Э-э-э, Андрей...

Не одобрил, значит. А кривобокому сказал:

— На яблоне груши не вырастают. Отец — таджик, значит, и парень — таджик. Как по-другому может быть?

Этот мужик, Сангин, который в Калаи-Хумбе побывал, на помощь пришёл. Решил тему сменить.

— Русские, таджики... Раньше проще было. Теперь кто что поймёт... В Калаи-Хумбе сейчас большая борьба идёт. Хотят, чтобы русские пограничники ушли. Там теперь новый комендант. Про прежнего люди разное говорят. Не знаю, правда или не правда. Новый комендант, рассказывают, очень справедливый мужик. Откуда-то прислали. Маркелов его зовут...

Меня так и подбросило:

— А имя как?

Мужик этот, Сангин, на меня покосился — кто ты такой, чтобы в разговор вступать, старших перебивать? — но всё же ответил нехотя:

— Имя ему — Маркелов.

— А в Пяндже он служил?

Ну тут он прикинулся, что вопроса моего не слышал. И они пошли о своём говорить.

А я стал думать: неужели, дядя Маркелов? Если из Пянджа — то наверняка он. Отец когда-то, тысячу лет назад — нас с Заринкой ещё и в помине не было — работал в Пяндже, в больнице. И там одному офицеру-погранцу операцию сделал. Короче, от смерти спас. И они тогда с этим погранцом закорешились, а потом отец перебрался в Ватан. Что-то там такое было, но я не знаю, что. Нам матушка не рассказывала...

Полночи я потом представлял, как мы до Калаи-Хумба добираемся, как дядя Маркелов нас на самолёт сажает и всё такое. Но решил: надо подготовиться. Утром собираемся на поле, Бахша приплыла. Постояла, постояла и сквозь зубы:

— Вера, на кухню иди. Сегодня обед будешь готовить.

Нет, чтоб по-человечески сказать. Попросить вежливо. Нет, приказывает как служанке. А хо-хо не хо-хо? Я ей так прямо и сказал:

— А вы не приказывайте.

Она скривилась:

— Детей, Вера, воспитывать не умеешь, — и ушла.

Заринка как огонь вспыхнула:

— Дурак ты, Андрей! Идиот, балда! Зла на тебя не хватает... Ты что, не понял?! Она мириться приходила. Показать, что признала маму. В хозяйство её допускает... А ты?!!

— В хозяйство? Как же! Чтоб матушка на кухне как Золушка вкалывала! А она чтоб над душой стояла и помыкала. "Вера, туда иди... Вера, то принеси... Эй, Вера, почему ничего не умеешь? Может, у тебя руки кривые?.."

Зорька сощурилась ехидно:

— Ах, ах! Гордость его заедает. По-твоему, лучше, чтобы мама каменья vorочала?

Матушка:

— А ну, прекратите сейчас же! Я, по-моему, ещё в состоянии сама решать, что для меня лучше.

Заринка кричит:

— Mamочка, он же всё, всё испортил!

Матушка:

— Андрей вёл себя недопустимо. Мне за него было стыдно... Но он прав, Зарина. Мне легче камни vorочать. Намного легче, чем с ней целый день в четырёх стенах...

— Ну почему, почему?! Она же...

— А ты сама подумай...

Вроде, не знает! Я-то знаю. Матушка простить Бахше не может, что та хочет сеструху за овоща отдать. А сеструхе хоть бы хны. Она всё о своём:

— Только-только всё стало налаживаться... И тут — он выскакивает. Зачем ты тёте Бахшанде нагрубил?! Разве не знаешь её? Опять всё сызнова начнётся...

Я говорю спокойно:

— Не начнётся. Мы отсюда свалим.

— Куда?!

— В Калаи-Хумб.

— Н-у-у-у, опять! Ты, братец, вообще умеешь реально на вещи смотреть?

Я от неё отвернулся, говорю матушке:

— Мама, я точно выяснил. Это тот самый Маркелов... Тот, который с отцом дружил. Нам бы только как-нибудь добраться до Калаи-Хумба...

— Вот именно, — сеструха язвит, — как-нибудь...

Я говорю:

— Мама, есть короткая дорога. В обход, минуя нижний кишлак. Мне один здешний парень объяснил. Не по шоссе, через горы. По тропе.

Сеструха язвит:

— И ты, конечно, эту тропу найдёшь.

— Найду. Он мне подробно растолковал.

— Заладил как попка: объяснил, растолковал... Мама, не слушай его!

— Сказал, найду — значит, найду.

— Ты у нас, Андриюшенька, юный следопыт. Соколиный глаз. Все тропы на свете отыщешь. А тебе хоть пришло в голову, как мама пойдёт? Знаешь, кто по этим тропам карабкается? Женщины, да? То-то! Только мужики здешние. Охотники, чабаны разные... Скажи, крутая ведь тропа? Скажи. Не ври только!

Я говорю:

— Знаю, почему ты из кишлака уходить не хочешь. Женишок завёлся. Овощ незрелый...

— Ты сам овощ! Карим — нормальный парень. И никакой

не жених! Я вообще замуж не собираюсь. А если и выйду, может быть, когда-нибудь, то только за русского.

— Посмотрим, посмотрим... Оставайся! Бахша тебя на верёвке отведёт.

— Ещё неизвестно, кто кого водить будет.

— Ты, что ли, её?!

— А ты чего заюлил, когда я про тропу спросила? Крутая ведь тропа, крутая?

— Пройти можно.

— Нет, прямо скажи. Крутая?

Тут матушка вмешалась:

— Зариночка, мать у тебя не стеклянная. Если нужно, я...

— Не нужно, не нужно!

— Ах, не знаю, — матушка сказала. — Может быть, и нужно... Простить себе не могу, что вас сюда затащила. Поверила Джорубу, что в кишлаке безопасно. Теперь просто не представляю, как быть...

Заринка гундит:

— Мамочка, неужели сдашься? Ведь если мы сбежим, то окажется, что Бахшанда победила. Выйдет, что она во всём права. Что мы чужие...

— Да, Зарина, — сказала матушка. — Мы действительно чужие. У них своя жизнь, у нас — своя.

Сестрица:

— А если даже и чужие, всё равно нельзя уходить. Получится, что мы сбежали... Не выдержали, проверки не прошли.

— А кто проверщик-то?! — спрашиваю. — Это Бахша что ли? Да кто она такая, чтоб проверять?

А сеструха:

— Ты, Андрюшка, как хочешь... Я никуда не пойду. В любом случае останусь. Это ты всегда отовсюду убегаешь.

— Дети, — сказала матушка, — дети, не ссорьтесь. Нам действительно лучше уйти. Не представляю, что мы будем делать в Калаи-Хумбе, но всё лучше, чем терпеть здесь постоянные унижения...

Собрались мы в один миг. Короче, покидали манатки в сумки и стали прощаться. Дед прослезился. Дильбар пригорюнилась. Охи-вздохи-поцелуи. Бахша стояла как столб, глядела в сторо-

ну. Присутствовала! Дядька был в отлучке, где-то в горах. Дильбар причитала:

— Дядя ваш... огорчится... обидится...

Пацанёнок, Мухиддин, потащился было за сестрицей:

— Заринка-а-а, не уезжай... Заринка-а-а, останься...

Но Бахша цыкнула, и он юркнул в какую-то норку.

Соседки набежали. Матушка всем объясняла:

— Срочные дела в городе... Очень срочные... Неотложные...

Соседки вздыхали:

— Как же доберётесь? Теперь так опасно...

— Соседка, зачем нас покидаете?

— Вера-джон, возвращайтесь скорее...

Насилу вырвались. Толстуха-соседка выплыла на улицу и бросила нам вслед горсть муки:

— Белого вам пути!

Точняк! На свободу с чистой совестью. Мы своё отмотали. Перешли мост, вышли на дорогу. Долго ждать не пришлось. Из-за поворота дороги, как из засады, выскочила машина. Фургон с синим крестом на борту. Ветеринарная скорая помощь. Матушка радостно замахала рукой. Фургон промчался мимо. Я мельком увидел в окне, на пассажирском месте, бородатую рожу с зелёной повязкой на лбу и торчащий ствол автомата.

— Мама, не останавливай!

Но фургон лихо затормозил, проехал юзом и встал... Корооче, вываливают оттуда три урода в камуфляже. Один — длинный, худой как глист. Другой — бородатый, в бронежилете. И пацан колхозный, прыщавый. Вразвалочку к нам идут.

— Ворух, да? Давай садись.

— Спасибо, — лепечет мама. — Сейчас Джоруб подъедет..

На машине... Мы его ждём...

Бородач в бронежилете ухмыляется:

— Мамашка, зачем Джоруб? Мы лучше доведём.

Глист укоризненно цыкает:

— Рембо, почему “мамашка” говоришь? Молодая женщина, да. Красивая. Учительница, наверное? В кишлаке муж, да?

Прыщавый в сторонке мнётся. А Рембо с мамой как кошка с мышкой играет.

— Мамашка, муж не приедет. Бросил тебя муж. Такую кра-

савицу на дорогу одну отпустил. Теперь пешком пойдёшь. Девочку жалко. Совсем молодая девочка. Слабая...

На меня — ноль внимания. Будто меня вообще нет.

Они повыпендривались, а потом Рембо маме — нарочито громко, словно она глухая:

— Не хочешь ехать?!.. Хай тогда, мамаша!.. До свидания!..

И граблю тянет, якобы, прощается. Мама поколебалась, но руку ему подала. Он долго не выпускал, тряс, лыбился — кайфовал от маминой растерянности. Отпустил. И сунул Заринке грязную клешню:

— Хай, девочка. Тоже до свидания.

Зарина глянула на него, как на тигра, отвернулась. Он ухватил её за руку.

— Э, девочка, мамашка не хочет. Ты с нами поедешь...

Я крикнул:

— Отпусти! — и кинулся на него.

Он чуть отступил.

— Герой, да?

И сунул мне в поддых ствол. Я с налёту наткнулся на железку, задохнулся, согнулся и смутно увидел, как Зарина яростно набросилась на Рембо с кулаками. Глист схватил её и потащил к машине.

Рембо шагнул ко мне и коленом ударил в лицо. Я упал. Перед тем, как потерять сознание, почувствовал, как сквозь сон, что Рембо избивает меня ногами.

ПОЭЗИЯ

Нурлан КАЛЫБЕКОВ

МОЁ ВРЕМЯ

Что время для меня?
Медяк разменный,
старинные часы с их мерным ходом,
соизмеримым с ходом бытия.
Так каблуки красавиц, слышу я,
стучат по мостовой и отвлекают
вниманье их хозяек молодых
от старости грядущей. И смолкают.
Непостоянство – времени черта.
Оно собой подчас напоминает
всю атрибутику кичливых земляков –
рубашки, шапки, деловые папки.
Вся эта канцелярия различна
весной и летом,
осенью и в зиму.
Что время для меня?
Станицы птиц,
кочующих к теплу на перелете,
привычных и к жаре, и к холодам.
Оно во тьме веков,

подобно нам,
на первые шаги свои пустилось,
чтобы, устав идти,
в конце пути
распастись в прах,
рассыпаться навеки.
Есть от него немало в человеке.
Вот что такое время для меня.
А сам я вне эпох и вне времен.
Судьбу и жизнь свою не измеряю
земным отсчетом суток и часов.
И млечных бесконечных поясов
приемлю власть и на земле, и в небе.
И дни мои с заботами о хлебе,
насущном днесь, настолько ж бесконечны,
как бесконечен космос ледяной.
Немеркнувшее Солнце надо мной
огромной яркости мне свет дает вселенский.
Оно на всех одно. Отверста бездна.
С ней нашу брэнность сравнивать полезно.
Но без границ и безо всяких рамок
красуется пространств безмерных замков.
Седых времен никто там счесть не смог.
Там обитает вечность или Бог.

ОДИНОЧЕСТВО

Лишь ты мне светишь, согнуть не даешь,
мне без тебя весь мир - обман и ложь.

Два наших сердца слиты навсегда,
одна у нас судьба, одна звезда.

Все превозмог ее высокий свет,
когда с лихвою выпало мне бед.

Когда для всех других померкла высь,
по норам все, как змеи, расплзлись.

Убил, казалось, все мои мечты
смертельный яд их лжи и клеветы.

Лишь ты одна не бросила меня,
дышала мной, спасая и храня.

Пусть золотые горы мне сулят,
бесценнее всех злат один твой взгляд.

Лишь ты мне светишь и во мне живёшь,
мне без тебя весь мир – обман и ложь.

СЕНОКОС

Густо в зелени с утра дымит роса.
Острой саблей блещет в море полевым,
с упоением свистит моя коса.

Эх, трава, с твоей беспечною красой!
Это смерть пришла со мной в твой вольный дом
ширью гиблого прокоса полосой.

Я, как жадный ненасытный кровосос,
смерть принес в живой цветущий оком,
обезглавил сонмы душ в прохладе рос.

Душегубом стал я с острою косою,
чтобы зваться разудалым косарем
на просторах под серебряной росой.

В жаркой удали не чувствовалось мне
как стонала и как плакала трава,
истекала кровью соков на стерне.

На прощанье остро пахла в вечном сне,
и кузнечиков звенящая молва
поутихла в полумертвой тишине.

Эх, трава, я истребил тебя, как жаль.
Сиротливо, пусто в поле без травы.
В стан беспечности со мной вошла печаль.

Много трав под океаном синевы.

ВЫСОТА

Рамису

1.

Феномен мой мне Всемогущим дан.
Я высота – вот скалы в ней нависли.
Я глубина – вот бурный океан,
скрывающий в пучинах жемчуг мысли.

Как летний гром и свежесть синевы,
я тайну тайн вселенскую приемлю.
Сияние идет от головы
и сквозь ступни, светясь, уходит в землю.

Душа, как глубина и высота,
проста, омыта светом и прекрасна.
И через край в ней плещет чистота,
и красота владеет сердцем властно.

Я прост и чист, и всемогущ, как Бог.
Под силу мне могущество такое.
На перепутьях всех мирских дорог
благое сотворю в непокое.

Каноны я пришел переложить
для новых дней, ведь жаждали вы сами
на этот мир, привыкший лживо жить,
опять смотреть правдивыми глазами.

Порву, как испещренные листы,
я судьбы тех, кто вне любви остался.
Потеряны для неба и пусты
кто пакостями густо пропитался.

Я, как пророк, иду во все углы,
заждавшиеся очищенья мира.
«Пусть чистый свет спасет нас всех от мглы!» -
провозглашаю именем Тенира*.

2.

Гигантской пирамидой я встаю –
космическое поле силовое.
Вобрал я во вселенную свою
все бездны, все миры над головою.

Я ваш межпланетарный телемост,
чтоб правду кривда вновь не исказила.
Средь вечности в безмерном море звезд
земная ось меня насквозь пронзила.

Земное равновесие во мне.
За светлым днем я ночь веду с огнями.
Одновременно Солнцу и Луне
взойти я не даю над головами.

Чтоб не столкнулись сонмища планет,
держу я на поводьях их орбиты.
Для тех, кто полетит на звездный свет,
мною из лучей пути-дороги свиты.

Гигантской пирамидой я стою –
космическое поле силовое.
Вобрал я во вселенную свою
все бездны, все миры над головою.

*Тенир – древнее верховное божество (кырг.).

3.

Мирская святость стала мне судьбой,
и в плоть вошла, и сделалась кумиром.
В безбрежности небесной голубой
я вечный рай над лучезарным миром.

Где я прошел, там скверне места нет,
там чистый дух сияет вместо злата.
А те, кто тьму избрали, а не свет,
трепещут и таятся виновато.

Огромный мир не тесен для меня.
Вселенский дух я взял себе в обычай:
как Солнце равно всем дает огня,
так я в любви не делаю различий.

Я счастлив тем, что хлеб мой дан мне днесь.
Почтенье к злату я назвал тщетою.
Я негасимым солнцем полон весь,
его бесценной лаской золотою.

Пусть духи предков нас хранят от бед.
И пусть века ведут свое течение.
И пусть в сердца других войдет мой свет
как солнце, как завет, как очищенье.

Мирская святость стала мне судьбой,
и в плоть вошла, и сделалась кумиром.
В безбрежности небесной голубой
я вечный рай над лучезарным миром.

4.

Я странник в беспредельной стороне,
мне нет границ нигде на свете белом.
Каноны вековые не по мне —
их нет для сердца, занятого делом.

Любовь к живому миру берегу –
она во мне, как солнце полднем летним.
То стригунком взиграет на лугу,
то мотыльком вспорхнет над разноцветьем.

Стихи мне дарит небо с высоты,
в них гул веков, безмолвие забвенья.
Без озаренья дни мои пусты,
и солнечны в минуты озаренья.

Над временами беркутом парю,
к эпохе от эпохи движу душу.
Я новый мир по-новому творю
и ржавые каноны ваши рушу.

Я странствую, чтоб отчий край расцвел.
Взвалил я, как курджун*, себе на плечи
всех мук и всех печалей произвол,
и все грехи и беды человечьи.

5.

Ушел, опережая времена,
в далекие и светлые уголья.
Со мной моя эпоха и страна,
в руках моих грядущего поводья.

Я, как река, рванул из берегов,
плотины снес, дома залил по крыши.
Увидел все потемки всех веков,
и в высь ушел, чтоб светом править свыше.

В пространстве безграничности пою,
глазами неба глядя на планету.
Эпоху неразумную свою
зову в стихах я к разуму и свету.

*Курджун – заплечный вещевой мешок (кырг.).

По всем вселенным, как по рубежу,
я прохожу провидцем и поэтом.
Без робости на Солнце я гляжу –
на удивленье всем другим планетам.

Взамен бывшего царства высоты
поставил я иные сны и вехи:
все помыслы людские и мечты
я сделал небом разума навеки.

Ушел, опережая времена,
я в даль веков. Для созиданья создан,
я правлю небом. Сею семена.
И новь Земли открыта новым звездам.

***Перевел с кыргызского
Александр Никитенко***

Сергей СТЕПАНОВ

«ДУШИ, ИСПОЛНЕННОЙ ВЛЕЧЕНИЙ...»

АЗИЯТ

Долой комфорт, даешь души пространство...
Пусть сердце душит скуки благодать,
но жив еще священный дух бунтарства:
из точки «Аз» прорвусь я в точку «Ять»!..

Я подстрекатель новых чувств и мыслей.
Шестое чувство пройдено на раз.
Ищу седьмое... Только б не зависли
все шесть, дарованных мне в точке «Аз».

Седьмое только мной вообразимо...
В предчувствии преследую мечту.
Невыразимое невыразимо.
Я в точке «Ять» седьмое обрету!

Я *азият*, я – аз и ять исконно.
Пространство, Время – только словеса!
Седьмое чувство выведет из комы.
И приведет меня на небеса.

Я есмь!.. Я «Аз» и «Ять» навеки
сомкну собой и мыслью обниму.
И докажу, что в каждом человеке
есть чувство, не известное ему.

Я остров сновидений.
Архипелаг сует.
Мои проливы – тени,
а мысы – знаки бед.

Я бухта гулких смыслов.
И отмель тонких чувств.
Залив из афоризмов.
И волнорез искусств.

И берег намерений
превратностей прибой
штурмует. И сомнений
риф пенится волной.

Атолл моих мечтаний
затерян средь морей.
Прилив ночных исканий
Отлив как смена дней.

И бриз сминает гребни
и впадины из лет.
И я б воззвал в молебне,
да только веры нет.

И в гавани печали
мой высится маяк.
Давно пора отчалить.
Да вырвать якорь как...

ДРУГ-ВРАГ

Язык, ты друг. И враг. Из ниоткуда
ты явлен нам, властитель наших дум.
И, восхищаясь проявленьем чуда,
в оковы слов, увы, закован ум.

Познание вдохнуть желал в нас Бог.
Да языка туман уводит вбок.
Актер и режиссер, на авансцене
язык и мыслью, и... молчаньем ценен.

И жало острое, и жалкий лицедей.
Он внятен смыслом, да... лишен костей.
Вражина, сгинь! – вскричал бы я, Создатель.
Да не могу: повсюду неприятель!..

Я

Среди эпох громады неприметен,
в веках ищу просторного жилья.
И, избегая домыслов и сплетен,
постичь пытаюсь сущность Бытия.
И тропами мечусь. Недолговечен
нам отведенный срок...

По целине
пройти бы первому с мешком заплечным.
И взяться разнотравьем по весне.

ИТОГИ

Ну, что ж!.. Неплохо и недолго.
И не в долгу у Бытия...
Все так же воды катит Волга.
И ей вослед качусь и я,

заложник плоскости наклонной
холмов, изгибов и равнин, —
души возвышенности скромной
и низменности блудный сын.

И времени обескуражен
течением, вязну на мели.
И бакен мой не так уж важен
на повороте у Твери.

Увижу ль милые пейзажи?..
Чужбина нагоняет грусть:
ее наскучили миражи...
Звонит мне колокольцем Русь.
И манят русские просторы —
поля, лощины и леса.
На север обращая взоры,
не смею верить в чудеса...

И возвращение лишь мнится.
Домой неведомы пути.
И мельтешат чужие лица.
Бог весть, что ждет там, впереди...
Душа, уйми свои резоны!..
Березовый мне снится сон,
как будто вновь шагаю к дому
под гулкий колокольный звон.

Как будто вновь... Но жизнь все так же
влечет в обход святой Руси.
Пришествия мне ждать в вояжах!
Молю лишь: Господи, спаси...
Знать, колоколец мой, предсмертный,
в чужой затихнет стороне.
И Русь, мой ангел милосердный,
с небес пейзаж свой явит мне.

МАТЕРИ

Я последний романтик, мама...

Буквы сыплются на листы
бисером. В высях храма
впечатлений и смыслов ты
заразила меня любовью
к майским, в дымке фиалок, лугам.

Отцвела...

И любовь сыновнюю
по весне лишь фиалкам воздам.

Сквалыга-ветер треплет на досуге
души моей надорванный текстиль.
Давно, друзья, оставил я потуги
высоконравственных падений в стиль.

И, пилигрим строки, паломник смысла,
стезей иду обозов золотых
в хламиде совести, испившей кисло
из бочки, припасенной для других.

Мой нрав ослиный Музе неприятен.
Сквозь пыль обозную плетясь в хвосте,
мечтал приветить Солнце я без пятен.
Да, видно, времена сейчас не те...

Души, исполненной влечений,
нерасторопный ангел мой!..
Среди изведанных течений
реки страстей есть остров твой,

где я, счастливый, отдыхаю
от неизбежностей сует.
И в облаке видений таю
давным-давно минувших лет.

И, возвращаясь к смутной тени
существования времен,
вновь обретаю смысл сомнений,
тобою, ангел мой, хранен.

Любви не зная на словах
И жизнь в рог бараний скручен,
Трублю охоту я в лесах,
К высоким нотам не приучен.

И лук взвожу тугой стрелой.
И целюсь в сгусток чьей-то жизни.
И время бьется тетивой.
И пышный стол накрыт уж к тризне.

А кто-то, замысел тая,
В тени деревьев притих в засаде.
И лук наводит на меня.
И норовит подкрасться сзади.

Вот-вот он спустит тетиву.
И я взметнусь. И дрогнут блики.
Так справедливость наяву
Нам воздает, пронзая в крике.

Что жизнь... Сражений череда,
Под отзвук боевого клича.
А кто охотник, кто добыча,
Не разобрать нам никогда.

Я – замкнутая единичность,
сопоставимая себе.
И возвожу значенья в личность,
эквивалентную судьбе.
Я плюс и минус мироздания.
Квадратный корень из угла.
И радиус непониманья
пронзает куб мой, как игла.

Материй отрицая кучность,
по ленте Мёбиуса вскачь
несусь, как квантовая сущность,
себе и жертва, и палач.
К чему мне ваша идентичность?
Под вами ходит конь в пальто.
Я – замкнутая единичность.
А вы, простите, ... кто?

Ах, Время, что ты пляшешь в головах!..
Тебе ль не знать, сколь танец твой опасен.
И скользок вновь паркет. И ритм напрасен,
как клятвы, что приносим на словах.

Где свет, – там мрак. Зануда телефон
опять трезвонит. Вызов безнадежен.
Так век кипящий живостью тревожен
и удушает нас...
– Подайте счет, гарсон!

...Подай же, Боже, счастье забытья.
И вздох глубокий, на весах последний.
И пусть не ангел ждет меня в передней,
но мальчиком я не был для битья.

Но был ли я? И счет кому гарсон,
служить уставший, вежливо предъявит.
И кто его вернет к угрюмой яви,
и объяснит, чем важен полусон...

Что снится нам? Не помним, слава Богу.
Обрывки истины шуршат листвою в ногах.
Так жизнь во снах уходит понемногу...
Ах, Время, что ты пляшешь в головах!

Безумия величие.
Ничтожество ума.
Свирель – мое отличие,
Веселость да сума.

В кармане ноль наличности.
Не ждут таких в раю.
Ветрам времен, не личностям,
Я песнь свою пою.

К чему блюсти приличия, –
Не нас внесут в тома.
...В величии отличия
Как не сойти с ума.

Вновь перезвон хрустальный нас манит
в круг вечеринок. Пикников. Пирушек.
Застолый за полночь... Хандры своей пиит,
с пьянящей легкостью слетаю я с катушек.

И вкатываюсь стужей в жаркий дом,
где сплин картин сомнительных не нужен.
И разговор так празден за столом.

...И обнажен, и смыслами простужен,
бегу в ночь прочь, себя не исчерпав.

И чаю где-нибудь я чашку чаю.
И проклиная час пустых забав.
И, потеряв надежды, засыпаю.

И, пробудившись верой, восстаю
среди пустыни, иннок одинокий.
И, оглядевшись, мир не узнаю.
Бессмысленный. Безудержный. Жестокий.

Червь тоски. И яблоко заката.
И на блюде сумерек кисель.
Вновь весна торопится куда-то...
И сквозняк сует колышет дверь.
И сирень прокисшим ароматом
лезет в душу, сердце приобнять.
И девчонка на углу Арбата,
может быть, совсем еще... Как знать!

И струна натянута лениво
смыслов. И провисли облака.
И береза к ясеню ревнива.
И прогорклым отдают века
в подворотнях, плесенью обжитых.
Волю возлюбивший тротуар
превращен стараниями сытых
во хмелю в обычный писсуар.

И мгновенья сыплются горохом
под ноги прохожим... Приумолк,
обеззвучен городским потоком,
соловей – залетный скоморох –
под окном, в бетон судьбой зажатый.
Не поет души его свирель...

Червь тоски сгрыз яблоко заката.
Расплескался сумерек кисель.

Начиналось все, не спеша.
 Завершается все не прытко.
И в конце декабря душа,
 как рождественская открытка.

И выходит окно во двор.
 И заходит, когда захочет.
Вечер меркнет под разговор.
 День укутался в шубу ночи.

И не выйти окну никак
 из себя. И молчат желанья.
И колышется тенью мрак.
 И души отошли метанья.

В Амьен. На волю. На просторы
 налитых золотом полей.
Иль в Альпы. По сердцу мне горы
 в горжетке льдов. Среди вензелей

пастушьих троп, с высокой кручи
 ручей течет моей души.
И дышит сизой мглой могучий
 Монблан, Европы старожил.

...Ах, впрочем, нет! К чему мне долы.
 И горы. Реки. И поля.
Крепки, судьба, твои оковы!..
 Пыль здесь глотать приучен я.

В жару бить мух. И есть арбузы

по нищей сладостной цене.
... Жаль, под рукой нет аркебузы! –
сбить птицу счастья в вышине.

Судьба, что водишь за нос, все без цели!
Богам быть равным можно ли во всем...
Мольберт разохся. И холсты просели.
И гол король, расставшийся с ферзем.

Платона повстречать или Сократа
дано лишь избранным. И за своим столом
не вижу я ни друга, ни собрата.
Одни пергаменты, гори они огнем...

Как, Времена, вы умысел таите!..
И на Таити я готов бежать.
И, вновь судьбы своей сплетая нити,
воспеть Гогеном таитянок стать.

И поутру мазилой и растяпой
вернуться в жизнь, как в замысел большой.
...И Поль Гоген соломенную шляпой
меня приветит с радостной душой.

Скалисты берега твои, любовь!..
Тихи отливы и вольны приливы,
когда прибой штурмует мысы вновь.
И фьордами изрезаны заливы.

В них прыткие ручьи шумят средь гряд.
И талый снег спешит поить долины.
И чайки окрыляют твой ландшафт
и криком будят спящие лощины.

И ветер пряный гонит облака.
И рябью солнечной подернуты озера.
И поступь чувств прозрачна и легка.
И красочны сады шато-де-флёра.

Все это ты, любовь!.. И выси синь
твоей манит. И горечь белой ночи.
Весны привольное дыхание. И зим
высокомерное презренье ко всем прочим.

Я жду. Он ждет. Они ждут. Все ждут. Дни
календаря, что мусор для корзины.
Невыносимы осени и зимы.
Весна да лето радуют одни.

Зачем даны нам перемены лет.
Сезонов. Месяцев. Недель неуловимых.
В сетях мгновений, ожидая бед,
мы молим Бога. Дни минуют мнимо.

Так, мимоходом, осыпью, в обрыв
нас сносит жизнь. И путь наверх невидим.
А где-то в небе синь плывет. Разрыв
необходим. И буднично предвиден.

И карусель все кружит. Мир безбрежный
не превзойдет значенья числа «Пи».
И так ли важен смысл душе мятежной...
Я жду. Он ждет. Они ждут. Все ждут. Спи.

Альфред ЕНГАЛЫЧЕВ

«БЛАГОСЛОВЛЯЮ НЕБО И ПТЕНЦА...»

И дай мне Бог...

Экранные трагедии привычно
Мы наблюдаем, сердце в шоры взяв,
Но каково достоинство ливийца,
Который смерть на жизнь не променял!
...И дай мне Бог на взлете быть убитым,
Чтоб вдруг, в подъеме прерван был полет
Так неожиданно, чтоб не лежал подбитым,
Чтоб не болел, не мучил я свой род.
Ведь род мой – это все мои родные,
Мне близкие, любимые, друзья.
Все те, которым верю, и иные,
Кто словом добрым помянет меня.
И дай мне Бог не видеть также смерти
Моей любимой, внуков и детей,
Мне это горе - горше жуткой, верьте,
Намоленной, испрошенной, своей...
И дай мне Бог, когда подступит вечность,
Наступит ощущение конца,
В лицо встречать пришедшего со смертью,
Не потеряв присутствия лица...
Нас всех не минет круговая чаша,

Для каждого назначен свой глоток,
Так дай нам всем на фронте личном, нашем
Достоинно жизни завершать виток.

Памяти Б. Ахмадулиной

«Как много не доделано еще...»

Сверлит тебя внимательным зрачком
Поверхности зеркальной зазеркалье.
Немеют пальцы, локоть и плечо
Под гнетом немоты ее печальной.
Под взглядом, проникающим в упор,
Сжимается душа твоя, слабея:
Что сделал ты, чтоб заслужить укор,
Или не выполнил, черствея?
Обидел ли кого, иль не помог,
Не отозвался запредельной боли.
Не захотел, но будто бы не смог
Согреть чужой протянутой ладони.
Щенка ль оставил в ледяном плену,
Птенца ль не посадил в гнездо родное,
Ребенка не прикрыл собой от мук,
Нарушил обещание святое?
Не спас, не защитил, не накормил,
Не обогрел, не напоил росой.
Свое кому - то сердце не открыл,
Ни для кого не жертвовал собою?...
Как много не доделано еще
И не исправлено в твоём имени!
Спешу, старайся, подставляй плечо-
Еще есть время – несколько мгновений...
Благословляю небо и птенца,
Вдохнувшего простор, отринув клетку,
Имевшую сусальный блеск дворца,
Но бывшую, меж тем, тюремной клетью.

С неповторимо жертвенной судьбой,

Достойно завершив свое начало,
Она делилась щедрою душой...
Прекрасного на свете меньше стало!..

Тутовник

Ветви тута – как руки,
Что тянутся к небу,
Моля о спасенье стволов!
Может, кто-то не видел,
Может, кто-то здесь не был
И не может понять этих слов.
С детства помнятся срезы,
Как шрамы нагие,
Как торчащие плечи без рук!
Мне врубились навечно:
Стоят как живые
В окружении грустных подруг!..

Их вдруг множество стало
На улицах пыльных,
Тех, кого надломилa война-
Молодых, но усталых,
Безруко- бессильных,
В чьем бессилье повинна она.
Гимнастерка в медалях,
Ремень-портупея,
Лак надломленного козырька...
Пустота в рукавах-
Укоризна немая
Той войны избежавшего мужика.

Когда мы молоды..

Когда мы молоды, - мы яростны в любви,
Любовь и страсть - для нас неразделимы:
Огонь желаний жжет нас изнутри

И мы костром горим неутомимым.
Сгорят в костре года, золой прожитых лет
Загасятся горящие поленья:
Костер еще горит, но пламени полет
Сжимается до искр утомленья.
Любовь и страх теперь неразделимы:
Горит и ноет, плавится в груди
И болью виснет страх неодолимый
Потерь, что ждут нас впереди.

Пробуждение

Светает. Утренняя свежесть
Влилась в раскрытое окно.
Недоразгаданная нежность
Легла на смуглое чело.
В далеком небе звезды тают,
Пролившись искристым дождем
И он в зрачки твои влетает,
Сияя бархатным огнем.
Ты в томной неге сновиденья
Еще во власти сладких мук
И, пробуждаясь, чрез мгновенье
Мне даришь радость милых рук...

Просвети меня...

Протяни ладонь ко мне,
Просвети меня лучами:
Видишь – сердце в глубине,
Истомленное печалью?
Отогрей его собой,
Утоли его печали,
Так тепло ему с тобой,
Будто мы опять - в начале:
Все пронзительно светло
И пронизано сияньем,
Будто только что прошло
Наше первое свиданье...

Спасение

Лавируя сознанием между скал,
Наполненным туманом воспаленья,
Стараясь увернуться, вдруг попал
В водоворот бурлящего круженья.
Вращаюсь вместе с темною водой,
Какими-то корягами и пнями,
И скорбный лик Христа над головой,
И холод жуткой бездны под ногами.
Все убыстряется вращенье, меньше круг,
Хватаю воздух синими губами!..
Мгновенно прокрутила память вдруг
Всю жизнь в последнем миге угасанья:
Карабкаюсь на камни, вниз лечу,
Сорвавшись неумелыми руками;
В слезах бреду к любимому врачу
С расшибленным до крови лбом я - к маме;
С отцом на Красной площади стою,
Алеет башня яркою звездой;
В каком-то школьном хоре я пою,
Брожу по темным улицам с тобою...
Сознанием затухающим шепчу
Отчаянно: Спасите мою душу!
И, вдруг, я понимаю, что лечу!
Что вырванный из бездны, я над сушей.
Все выше поднимаюсь над землей,
Над городом своим – мелькают крыши
И тут, почти оплаканный родней,
Я голос твой родной далекий слышу:
Вернись!!
Очнувшись от кошмара, я гляжу:
Больница, койка, но теперь во власти
Бессонных глаз твоих, спасенный я лежу
С рукой твоею на моем запястье...

Ссора

Не начинай! О прошлом позабудь!
Пора уже отринуть все раздоры,
Но тягостно обида давит грудь,
Огнем горят жестокие укоры.
Гранатами слова взрывают слух-
Мы о себе опять такое слышим,
Что места на душе нет от прорех,
С трудом латаем порванные души!
Не лечит время все же, вопреки
Давно установившимся канонам
И мы с тобой опять, как дураки,
Слова швыряем мусором в газоны...
Не начинай! Прошу, не на-чи-най!..

Элегия

Не скрипнет тонко половица,
Не пропоет тихонько дверь,
Но будто в дом влетела птица,
Бесшумно близкая теперь.

И чье-то легкое дыханье,
Как аромат цветов весной,
Как занавески колыханье,
Как шелест крыльев за спиной...

Чего-то нежное касанье
К натужно ноющим вискам,
Неслышный шепот с придыханьем:
Я где-то здесь, я где-то там.

Окаменевшую надежду
С тобой на встречу не буди -
Ты никогда не станешь прежней!
Лишь болью ком повис в груди...

ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий САНДЛЕР

ПОБЕГ ИЗ АДА НА ЗЕМЛЕ

«Много лет чувствовала перед ними вину: их нет, а я живу...»
Эмилия Кеслер

Люди, давно и хорошо знающие Эмилию Кеслер, не перестают удивляться ее энергии и подвижности, памяти на события, голосу, который звучит молодо, когда она о чем-то рассказывает или поет еврейские, русские и украинские песни, аккомпанируя себе на старенькой мандолине.

Так же молодо сверкают ее глаза - глаза 95-летней женщины, пережившей ужас Холокоста, прошедшей, как она часто повторяет, «Крым и Рим», но сохранившей интерес и любовь к жизни, несмотря на беды и невзгоды, которые эта жизнь ей принесла. Застать ее дома, в квартире на нью-йоркской Коламбус авеню, - дело непростое: если она не в клубе еврейской организации JASA, где встречается с приятельницами или выступает с песнями, значит, отправилась за покупками в свой любимый Fairway или сидит в парке. Много ходит пешком, и когда случается нам идти вместе, я вынужден просить: «Мама, сбавь шаг, я за тобой не поспеваю...»

- О том, как ты жила до войны, я знаю по твоим рассказам. Давай повторим это в общих чертах, теперь уже для интервью.

- Ну, давай. Украинский город Хмельник, в котором я родилась, населяли русские, украинцы и евреи. Мой папа, твой дедушка Вольф Аронович Кеслер работал учителем в школе, пел в хоре местной синагоги, в праздники вся музыкальная программа на нем держалась. Твою бабушку, мою маму, звали Мария Эм-

мануиловна. Я младшая из троих детей. Старший брат Миша был женат и жил отдельно, средний, Саша, - инвалид без обеих ног.

- Как бы ни было тяжело вспоминать об этом, расскажи, что с ним произошло.

- В тридцать третьем году в Украине был голод, люди умирали тысячами. И наша семья голодала, как многие другие семьи. Мой папа не имел диплома, поэтому его не брали учителем в советскую школу, он не получал даже скудного пайка. Спасибо маминим братьям Марку и Абраму - от них приходили посылки с продуктами, одеждой и обувью. И все же этого было недостаточно. Саша, у которого начались голодные обмороки, стал уговаривать родителей, чтобы отпустили его в Киев: там он найдет работу, заработает денег, начнет помогать семье. Мама не соглашалась, но Саша горячо настаивал, и она сдалась. Несколько дней подряд она не могла разбудить его к поезду! Проснется, встанет, походит по комнате, а будить – не решается. В конце концов, он уехал в Киев, устроился на работу, это был 1933 год. Голодные обмороки у него продолжались. Он был высокий, статный, его организм требовал пищи, и старший брат Миша, в то время студент Киевского мединститута, отдавал ему половину своего студенческого пайка, но этого было недостаточно, Сашу постоянно шатало от голода. В таком состоянии, возвращаясь с работы, он выходил из трамвая, голова у него закружилась, Саша упал и попал под колеса! В больнице ему ампутировали обе ноги выше колен. Папа с мамой поехали за ним в Киев и привезли домой. Он много раз падал, пока учился ходить на протезах: культы были такие маленькие, что протезы не держались. Конечно, мы все ему помогали. Когда он достаточно окреп, привык к протезам и стал ходить, опираясь на костыли, его взяли на работу в местный кинотеатр бухгалтером и кассиром. Я туда ему носила обед и часто бывала свидетелем такой сцены. Стоят две девушки перед окошком кассы, одна другую подталкивает и говорит: «Ну хорошо, в кино не пойдем, ты только подойди спроси, почем билеты, и посмотри, какой парень красивый». Он ко мне относился, как хороший отец, хотя у нас была разница всего в четыре года. Когда я училась в Виннице, он на своих костылях ходил на почту, чтобы отправить мне деньги. А тебя он как любил! Утром рано встанет и на костылях идет к твоей кровати. Учил двухлетнего

читать, знакомил с породами собак, и ты за ним повторял: «А это - южнорусская овчарка».

- Припомни, как вы с моим отцом познакомились...

- Мне двадцать лет, я студентка учительского института в Виннице. Пришла в поликлинику на прием к врачу, там меня увидел Семен Сандлер, пошел за мной до институтского общежития. Он знал одну мою преподавательницу, и она нас познакомила. Семен был старше меня на восемь лет. Прежде чем сделать мне предложение, больше полугода красиво за мной ухаживал. Мы поженились. Сначала жили в Хмельнике у моих родителей. Потом его направили на работу в Каменец-Подольск, заведовать отделом информации в газете «Червоне Поділля». В этом городе ты родился в январе тридцать девятого года.

- Выходит, профессия журналиста мне досталась по генному наследству...

- Выходит, так. Мы в Каменец-Подольске сначала жили в местной гостинице, а незадолго до твоего рождения нам выделили комнату в квартире, принадлежавшей агроному, безвинно

«Последний раз я видела их живыми 16 января 1942 года...»

репрессированному. Надежда Васильевна, его жена, осталась без средств, и ей, чтобы прокормить двоих детей, мальчика и девочку, пришлось продавать те немногие вещи, что остались после ареста мужа. Ко всем невзгодам ее парализовало, у нее отнялись руки, и я на общей кухне помогала ей готовить еду. В больнице отказывались лечить жену «врага народа», детей в детский дом тоже не брали. Тогда я сказала мужу: «Люди страдают без всякой вины, постарайся им помочь».

- Ты понимала, что рискуешь? Ведь за помощь семье репрессированного вы оба могли попасть под подозрение у НКВД и стать из защитников – жертвами.

- Все это я понимала, но просила Семена: «Рискни. Может, все обойдется. Ты журналист, к тебе прислушаются». Он куда-то звонил, хлопотал и добился, чтобы детей забрали в детский дом, а Надежду Васильевну определили в дом инвалидов. Между прочим, ты ей обязан жизнью.

- Как это?

- А очень просто. В шесть месяцев ты заболел диспепсией: понос – смертельный, и вдобавок рвота. Надежда Васильевна мне сказала: «Заварите мяту, пусть ребенок выпьет, это остановит рвоту...» В другой комнате общей квартиры жила женщина-врач, по имени Вера, по фамилии – Наумова. Я к ней постучалась: «Мне советуют напоить ребенка настоем мяты. Какое ваше мнение?» Она говорит: «Я врач, не имею права рекомендовать народные средства, обратитесь в больницу». Два месяца я пролежала с тобой в больнице, никакие медикаменты не помогали, понос и рвота не прекращаются. К восьми месяцам ты превратился в старичка, весь сморщенный, и уже не плачешь голосом, а тихонько скулишь: «И-и-и-и-и!...» Профессор смотрел тебя несколько раз и заявил: «Заберите своего сына домой, он все равно умрет...»

- Прямо так сказал?!

- Да, вот так откровенно. И он был прав: дети с такой же болезнью, как у тебя, умирали один за другим на глазах у матерей, так что у врачей был опыт. Забираю тебя, приезжаю на квартиру. Сама больная: в больнице были сквозняки, я застудила бок, не могу повернуться. Надежда Васильевна мне говорит: «Вы же видите, что в больнице вам ничем не помогли, дайте ребенку

мяту, вы ничем не рискуете...» Я ее послушалась. И ты стал выздоравливать! И остался жить.

- Вы с отцом любили друга? Я-то его совершенно не помню...

- Он был красивый, умный, эрудированный человек. Хотя моя мама, которая ни разу с ним не поссорилась, не сделала ему ни одного замечания, однажды сказала мне: «Я имени его больше слышать не хочу».

- За что так сурово?

- Она считала, что Семен мог нам помочь эвакуироваться...

- Разве это было в его силах?

- Когда началась война, твоего отца как офицера запаса призвали в армию, держали на казарменном положении. Мы тогда жили в Стрые, городе в Западной Украине, которая в 1939 году по сговору Берлина с Москвой была отнята у Польши и присоединена к СССР. В это время мама у нас гостила. В городе уже видели первых немцев, парашютистов-десантников, и я едва успела купить билеты на один из последних поездов, чтобы уехать с тобой и с мамой в Хмельник. К нам домой пришел сослуживец Семена, передал от него письмо и немного денег и сказал, что их воинский эшелон по дороге на фронт сделал остановку в Хмельнике, а его отпустили, чтобы успел отправить свою семью в эвакуацию. Я спросила: «А мой муж не мог за нами приехать?» - он ответил: «Думаю, что мог. Но только попросил передать письмо». Семен писал, что заезжал в Старо-Константинов к своим родителям - попрощаться и взять деньги для меня. Он советовал мне самой решать – как поступить в создавшейся ситуации. Вот почему моя мама не желала слышать его имени. Я ее понимаю.

- А я понимаю тебя. Однако не будем его судить, ведь он погиб...

- Моя подруга Дора Забарская пришла и сказала, что ее муж, военный, приехал за ней на грузовой машине, там есть место для нас с тобой. Саша, который меня очень любил и был мне больше, чем отец, говорит: «Ни о чем не думай. Возьми ребенка, буханку хлеба, зонтик и галоши и уезжай. Маме ничего не говори, я потом ей все объясню». И я с тобой на руках ушла к Доре. Как маме стало известно, где я, - об этом никогда не узнаю. Мы уже сидели в кузове, и тут она прибежала: «Если ты уедешь, я

умру прямо тут, на твоих глазах. Вас будут бомбить, вы все погибнете. Оставь хотя бы ребенка». Но я бросать тебя не хотела и маму жалела. И сошла с машины, и Дора сошла за мной, даже муж не смог ее удержать. С ней был ребенок, еще одним она была беременна.

- Что потом с ними стало – знаешь?

- Их убили на моих глазах в июле, когда в Хмельник пришли немцы. Евреям запретили ходить по тротуарам, только по дороге, запретили появляться на улице без желтой звезды на одежде. Нарушивших приказ избивали, а могли расстрелять. Солдаты и полицаи шли по домам, где живут евреи, всех выгоняли на улицу, вели на расстрел. С трудом я уговорила папу с мамой, чтобы спрятались на чердаке, сама оставалась внизу, с тобой и с Сашей: его ведь на чердак не затащишь. Он лежал в постели, протезы валялись на полу, он не мог их надеть: сильно болели культяпки. 9 января сорок второго года, в шесть утра, в дверь постучали, я открыла и тут же получила удар прикладом винтовки по голове. За дверью стояли два полицая, с ними немка-переводчица...

- Полицаи свои, из местных?

- Да, хмельницкие. Один из них в школе сидел с Сашей за одной партией. Пришли, чтобы нас, как и остальных евреев города, погнать на расстрел. Поняв, что мой брат идти не может, бывший одноклассник решил его убить тут же, в постели, и наставил на него оружие. Забыв обо всем, я кинулась к брату, закрыла его своим телом. Полицай меня отшвырнул и выстрелил в Сашу. Я закричала, схватила тебя на руки, завернула в свое пальто - ты был в одной рубашечке! - и выскочила на улицу, в жуткий мороз, слыша за спиной, как Саша не кричит – ревет! По улице шли колонны людей, немцы верхом на лошадях и пешие полицаи с овчарками гнали их на окраину города, к лесу. Нужно было пройти километра два. Что я видела на этих двух километрах! Если кто-то, споткнувшись, падал или просто оступался, полицаи в него стреляли. На моих глазах застрелили беременную женщину. Меня втолкнули в одну из колонн. На опушке леса было выкопано девять ям, туда сбрасывали тела убитых. Женщин и мужчин, детей и стариков немцы с автоматами разбивали на группы, у кого были ценные вещи – отбирали, прикладами подгоняли к краю ямы, заставляли раздеться догола и расстреливали. Дору Забарскую

и ее двухлетнего сына убили, даже не дав дойти до ямы. И еще картина, которую, пока я жива, не забуду. В одной группе со мной стояла женщина, с ней семеро детей, самому старшему лет восемь. Эта женщина упала к ногам немца и только два слова выкрикивала: «Я украинка! Я украинка!..» Он направил на нее автомат, дал очередь, потом застрелил всех семерых детей. Я понимала, что нас с тобой ждет та же участь, поэтому решила: крепче прижав тебе к себе, перебежала из одной группы в другую, пока не оказалась в самом конце ожидавших смерти...

- На что же ты рассчитывала?

- Иной раз не знаешь, почему поступаешь так, а не иначе. Думала хоть немножко оттянуть то, что казалось неизбежным. В двадцать пять лет не хочется умирать. Вдруг немец из конвоя спросил: «Du bist Jude?». Я неплохо говорила по-немецки и потому ответила: «Nein, ich bin nicht Jude». Он сказал: «Lauf! Weg!..» - и показал рукой, куда бежать. Наверное, увидев мои светлые волосы, серые глаза, подумал, что я попала сюда по ошибке, решил пожалеть. И я побежала, держа тебя на руках. Полицай-украинец, который знал, кто я такая, меня поймал, ударил плеткой по голове, загнал обратно в группу. Рядом шла моя подруга Шеля Гандельман. Я ей говорю: «Давай убежим». А она: «Куда бежать, если моя мама с моим ребенком уже там, в яме?..» Тут слышу голос того самого немца: «Ты опять здесь?» Он кнул рукой в сторону дороги: «Беги!» Снова бегу, не понимаю, где я и что я. Но знаю, что очень хочу домой! Легла на снег, тебя положила себе на спину, велела обхватить меня крепко за шею и поползла прочь. Под утро, дрожа от холода и страха, вернулась в Хмельник. И опять попала в руки полицаям! Они меня избивали и вместе с тобой впихнули в пустующее здание, где другие хмельничане ждали решения своей судьбы.

- Такое страшное ожидание! Ни надежды, ни выбора...

- Через три дня немцы нас рассортировали: больных и стариков отвели в лес и там расстреляли, остальным выдали бумаги, их обладатели были обязаны жить в гетто и работать, куда пошлют немецкие власти. Гетто представляло собой ряд домов в Старом городе, хозяева которых были расстреляны. Всех, кто временно избежал ямы, человек четыреста, впихнули в эти дома, территорию обнесли оградой, поставили вооруженную охрану.

Начальником полиции, который выдавал бумаги, был Алексей Тарнавский, с его сестрой Верой мы дружили. Он до войны работал электриком, а пришли немцы – пошел к ним служить. Увидел меня, подозвал, протянул буханку хлеба со словами: «Когда ж это все кончится?..»

- Что именно «кончится»?

- Ну, я не задавала ему этот вопрос. Наверное, давал понять, что мне сочувствует, но сделать ничего не может. Разрешил мне сбегать домой за подушкой и какой-нибудь одеждой. В доме я увидела, что мой брат лежит на кровати мертвый, весь в крови, на окровавленной простыне, на полу тазик с замерзшей водой, и там тоже кровь. И я убежала, не взяв ни подушки, ни одежды. Потом узнала, не помню от кого, что 9 января Саша еще был жив, только ранен, и мама с папой, думая, что полицаи ушли, спустились с чердака, стали его спасать, и тут вернулся полицай, что стрелял в Сашу, пустил раненому одну пулю в голову, вторую - в сердце, а моих родителей отвел в полицию и бросил в подвал. В полицию попала и я: шла по улице с тобой на руках, меня задержали, завели на второй этаж, втолкнули в комнату, набитую арестованными. Стою у окна, вижу, как людей из подвала выводят во двор, и там - мои мама и папа! Я поднесла тебя к окну и постучала в стекло. Мама услышала стук, подняла голову и нам улыбнулась, потом и папа...

- Поняли, что последний раз видят нас живыми...

- Ну да. Только это была не последняя наша встреча. Уже находясь в гетто, я узнала, что люди в подвале много дней голодают. Не помню, кто мне дал кусок хлеба и половину консервной банки молока, все это я решила понести родителям. Попросила знакомую женщину, чтобы присмотрела за тобой, а сама пробралась во двор полиции, подошла к подвальному окошку, в котором не было стекла, только железная решетка, и позвала маму. Она подошла, я передала ей хлеб и молоко. Плакала и говорила, что была дома, видела убитого Сашу, а она мне сказала: «Не плачь! Они убили целый город людей. Ты его хотя бы прикрыла?..» Но я этого не сделала, и признаться ей в этом не успела, потому что меня сзади схватил полицай Юхим, из местных, потащил к дверям подвала, стал их открывать, чтобы втолкнуть меня вниз. Мама, поняв, что происходит, начала кричать

и плакать, с ней сделалась истерика, а я ничем не могла ей помочь! В этот момент Юхим отпустил мою руку, чтобы достать ключ от двери, и я, забыв страх, развернулась и побежала. Он мог за мной погнаться, но почему-то этого не сделал. А я опять была с тобой!

Последний раз я видела своих родителей живыми 16 января 1942 года, когда их выводили из подвала и сажали на подводу, чтобы везти на расстрел. Маме было 59 лет, папе – 62 года. Саша прожил всего 26 лет. Долгие годы я чувствовала перед ними вину: их нет, а я живу.

- Никакой твоей вины не было. Скажу больше: ты жила за себя и за них.

- Возможно, ты прав. Но мне особенно обидно за брата. Не скажу, что он был мне ближе, чем папа с мамой, я их очень любила, но я по сей день испытываю к Саше жалость, какую не передать словами. Знаю, что далеко не всегда отношения брата и сестры отличаются сердечностью, но у нас с Сашей было так. Мы жили скудно, в доме никогда не было достатка, отец мало зарабатывал, да и не заботился о том, чтобы принести в семью лишнюю копейку. А мама выросла в зажиточной семье, но

«Хотела, чтобы ты чувствовал, что я тебя очень люблю...»

когда вышла замуж, смирилась с бедностью, потому что очень любила мужа. Спасибо ее старшим братьям Марку и Абраму – без их помощи нам бы пришлось еще труднее. Вот так и Саша: он больше заботился обо мне, чем о себе, даже покупал для меня нижнее белье. Если его угощали конфетой, то приносил ее домой и отдавал мне. Скажешь, это мелочи, да?

- Нет, я так не скажу. Сколько времени мы пробыли в гетто?

- Почти год. Немцы никакой еды людям не давали, каждый добывал пищу как мог. Кто сумел припрятать немного денег, золотое колечко или сережки - покупал или выменивал продукты у крестьян из окрестных сел, если те осмеливались подойти к ограде. У меня денег не было, ничего ценного, кроме часиков на руке, но я не хотела их лишиться, терпела голод. А тебя-то нужно кормить каждый день! Ты так ослабел, что не мог ходить, я таскала тебя на руках. Спасибо Вере Тарнавской – иногда ей удавалось передать нам что-нибудь из еды. Спали мы на голом полу. Холодно, укрыться нечем, я ложила тебя к себе на живот и так согревала. Утром нас, как рабов, выгоняли на работу, вечером пригоняли назад.

- Что вас заставляли делать?

- Сапожники и портные шили и чинили немцам обувь и одежду. Были слесари, столяры, плотники, электрики – им тоже занятие находилось. Я убирала комнаты, стирала белье, чистила уборные, носила кирпичи на какой-то стройке.

- Как же в таких условиях вам удавалось соблюдать личную гигиену – выкупаться, помыть волосы? Деликатный вопрос, я понимаю...

- Стараюсь об этом не думать, потому что ответа не могу найти. В том-то и дело, что никто никогда не купался, волосы не мыл! Если появлялась возможность ополоснуть лицо, руки, то лишь холодной водой, которую мужчины под конвоем носили из речки, приходилось ее экономить. Никаких лекарств не было. У меня и у тебя по телу пошли чирьи, началась чесотка. Каждое утро кто-нибудь приносил новость, что мы немцам больше не нужны, сегодня они окружат территорию гетто, детей заберут, родителей расстреляют. Мы ночами по очереди дежурили у окна, чтобы не быть застигнутыми врасплох и попытаться спастись, если возможно. Роза Гандельман, чью сестру Шелю немцы застрели-

ли вместе с матерью и ребенком, подходит ко мне и говорит: «Сегодня ночью будут забирать детей». Тогда я взяла тебя на руки и через пролом в ограде выбралась из гетто. Когда к твоему горлу приставят лезвие ножа – тут уже ни о чем не думаешь, страха не чувствуешь – идешь. Недалеко было кладбище, я туда пробралась и спряталась. Рано утром решила: надо двигаться дальше. Боялась встретить на улице людей, потому что не знала – друг это будет или враг, который закричит, позовет полицию: «Вон идет жидовка!» Конец октября, льет дождь, одежда на мне намочена, отяжелела, туфли тоже, я их сбросила, пошла босиком. Дошла до школы, рядом погреб, я в него спустилась. В темноте разглядела, что там сидит моя знакомая Рая Гройсберг, тоже сбежала из гетто. Слышим, как на улице кричат полицаи: «Жиды есть? Выходи!..» А ты плачешь, просишь кушать, от голода кусаешь мне пальцы и материшься!

- В четыре-то года?!

- Наслушался мама в гетто. Рая, с ней чуть не сделалась истерика, говорит: «Мы из-за него погибнем. Мне восемнадцать лет, я жить хочу. Надо его задушить». Я сказала: «Ну-ка давай, попробуй сделать это». Она занесла над тобой руки, увидела мои глаза – и руки убрала. На рассвете, прячась от людей, которые могли сдать немцам беглую жидовку, я пришла к дому Веры Тарнавской, постучала. Вера открыла дверь и тут же захлопнула: не узнала меня, так ужасно я выглядела! Опомнилась, снова открыла дверь и заплакала: «Ой, Миля, что они с тобой сделали!..» Целый месяц я у нее пряталась.

- Понимала ли она, на какой риск шла?

- Понимала, да. Но когда я сказала, что боюсь попасться на глаза ее брату, начальнику полиции, а он жил по соседству, Вера успокоила: «Не бойся, в моем доме тебя не тронут». Как-то раз во дворе сильно залаяла собака, и я услышала, как мужчина спрашивает Веру: «Жиды в доме есть?», а она отвечает: «Нет. Не веришь – зайди посмотри». Привела меня к своей знакомой, украинке Екатерине Суровой: «Это моя подруга Миля Кеслер, надо ее спасти. Давай переделаем на нее твой паспорт. Я бы дала свой, но...». А что «но», я не поняла. Да и не до этого мне было. Сурова согласилась дать паспорт. Вера нашла художника, заплатила ему, и он на место фотографии Екатерины вклеил

мою. Последнюю единичку ее года рождения (Катя была старше меня на шесть лет) исправил на семерку, получился год, в котором родилась я: 1917-й; нарисовал круглую печать, половина которой закрывала нижний уголок снимка, вторая оставалась на чистом листе. И мы с тобой стали Суоровыми: я - Екатерина Калинична, ты – Арик. Как только документ был готов, Вера сказала: «Теперь тебе надо уходить из Хмельника». Дала продуктов на дорогу, одежду и обувь, наняла провожатого, чтобы повел нас в Жмеринку, где стояли немецкие союзники – румыны. Мы шли втроем, не считая провожатого: с нами была тринадцатилетняя Фира Милькис, дочь наших соседей. Родителей убили немцы, а девочка сумела убежать. Я взяла ее с собой. Провожатый предупредил: идем на приличном расстоянии друг от друга, а если по дороге нас остановят немцы или полицаи, - мы с ним не знакомы.

- Прости, но почему вы выбрали Жмеринку? Разве там гетто не было?

- Было, но там румыны евреев не убивали, они не такие жестокие, как немцы, скорее корыстные. Если считаешь историю Жмеринского гетто, узнаешь, что одним из членов его правления, которое в основном состояло из евреев, был выселенный из Бесарабии адвокат, доктор Гершман. Румынские военные власти с ним считались, благодаря его авторитету и дипломатии практически все, кто находился в гетто, остались живы. В марте сорок четвертого года, когда немцы под напором Красной армии оставили Жмеринку, они хотели уничтожить гетто, и Гершман применил нечеловеческие усилия, чтобы этого не допустить.

- Но вот пришли мы в Жмеринку. А где жили?

- Местные жители нас не пускали переночевать. Я говорила, что иду с ребенком и сестрой из Западной Украины к родителям в Одессу. Меня спрашивали: «Вы не жида?» - я отвечала: «Нет, мы русские!..» - «Вы не похожи на жидавку, а ваша сестра похожа». Спать нам приходилось на скамейке в скверике.

- А как ты добывала еду?

- Пришлось продать мои ручные часики. Один часовой мастер предложил мне слишком маленькую цену, другой уплатил, сколько я просила. Хотела оставить ему немного денег в виде

комиссионных, но он сказал: «У таких не беру». Что он имел в виду, я не поняла.

- А по-моему, все ясно. Видел, в каком ты положении, и не взял.

- На деньги, которые он заплатил, мы питались втроем. Через несколько дней я снова к нему пришла, сказала, что хочу устроиться на работу, чтобы купить билет до Одессы, а для этого нужна прописка. Он отвел меня к женщине, ее звали Анастасия, она владела пивной, которую посещали румынские солдаты. С ней мы пришли к зданию жандармерии. Анастасия зашла внутрь, мне велела ждать. Через полчаса выходит: «Иди к начальнику. И не забудь: ты моя родственница». Начальник - румын, но со мной заговорил по-русски: «Давай паспорт». И я даю ему мой фальшивый паспорт! Он его полистал: «Оставь мне, я что-нибудь придумаю». Через два дня вернул мне паспорт, там стоял штамп прописки.

- Да, но прописка – еще не крыша над головой...

- Случайно я познакомилась на улице с женщиной, ее звали Соня. Сказала, что ищу временное жилье, и она предложила: «Живите пока у нас. Мы вдвоем с мачехой, она не будет против».

- Что, и Фиру согласилась взять?

- Фира боялась, что ее опознают как еврейку и убьют, поэтому решила пойти в Жмеринское гетто, я ее туда отвела, знала, что там безопаснее. А мы с тобой стали жить у Сони, с ее подсказки я нашла способ заработать. Жмеринка - узловая железнодорожная станция, там останавливались немецкие эшелоны, на которых солдаты ехали на фронт или с фронта. Местные женщины торговали на станции вареными яйцами, курами, салом, солдаты у них покупали. Соня одолжила мне денег, на них я купила курицу, сварила, бульоном с потрошками тебя накормила и сама поела, мясо разрежала и понесла к поезду, продала, снова купила курицу, и так день за днем. Первое время меня всю трясло от страха: вот сейчас этот солдат поймет, что перед ним еврейка, и мне конец. Но если я погибну - что будет с моим ребенком? Эта мысль придавала мне силы, научила скрывать страх и ненависть при виде немцев, убивавших евреев только за то, что они евреи...

- Женщины, которые нас приютили, - они дали нам кровать, одеяло, постельное белье?..

- Спали мы с тобой на кровати, вместо матраса лежала соломка; ни простыни, ни одеяла; укрывались моим коротким дражным пальто и твоим, детским, мне его дали хорошие люди. Возле кровати лежало какое-то рядом, я его подобрала – думала, укроюсь на ночь, а утром верну, но Вера, Сонина мачеха, сказала: «Не трогайте». На наше счастье, в доме было не очень холодно, понемногу топилась печь. За много времени впервые я получила возможность нагреть воду и в хозяйском тазике самой помыться и тебя помыть. Азохен вэй, что это было за купание!

По утрам я отправлялась с курицей к эшелону, тебя оставляла на кровати, и ты сидел весь день, ждал, пока я вернусь. Сонин сын, мальчик лет десяти, обижал тебя, а что я могла сделать? Если начну возмущаться - хозяйка нас прогонит, и мы опять окажемся на улице. Однажды возвращаюсь, Вера говорит: «Знаете, ваш Арик говорит по-жидовски». Делаю удивленное лицо: «Да что вы, не может быть! А что он сказал?» - «Что у него в кармане что-то *клингает*». И я все поняла. В кармане твоего пальтишка, подаренного чьей-то доброй душой, была дырка, туда провалилась металлическая пуговица, и она звенела, то есть *клингала*, от слова *klingen* - звонить, звенеть, которое из немецкого перешло в язык идиш. Вера, конечно же, слышала, как разговаривают евреи, и уловила знакомое слово. Пришлось сказать, что мы до войны жили по соседству с евреями, и ты у них научился нескольким словам. Она промолчала. А я при первой же возможности перебралась на другую квартиру. Вера, когда я сказала, что ухожу, даже заплакала.

- Но ее подозрения были не на пустом месте: я же действительно знал идиш?

- В детстве ты на нем говорил свободно. И потом, когда мы были в гетто, на нем разговаривали взрослые и дети. А раньше в родительском доме у нас говорили на идиш и на русском. Мои мама и папа очень хорошо знали русский язык, любили его. И в школе все предметы преподавались по-русски.

У меня появилась новая знакомая, Ирина Соляренко. Еврейка, врач-стоматолог, она держала свой кабинет, вся верхуш-

ка румынской жандармерии лечилась у нее бесплатно, за это ей позволялось жить за пределами гетто. А познакомились мы с ней вот как. Я по-прежнему ходила на станцию, продавала немецким солдатам кур и вареные яйца. Зима, холода жуткие, а я в демисезонном пальтишке, на голове тоненькая белая косыночка, руки голые, без перчаток. Одна женщина, торговавшая рядом со мной, говорит: «Тут недалеко живет одна евреечка, давай зайдем к ней, погреемся, чаю выпьем». Мы зашли. Ира нас обогрела, чаю налила. Предложила заходить еще. Через месяц мы увиделись снова, и она говорит: «А ведь я уже хотела вас искать. Случайно видела в магазине, как вы просили продавца, чтобы взвесил вам сто граммов хлеба, поняла, что вы бедствуете, сразу не догадалась предложить помощь, а когда спохватилась - вы уже ушли». Она сказала, что сразу признала во мне еврейку. Выслушав мою историю, стала мне помогать. Приду к ней, она меня накормит, даст еды с собой. Но бывала я у нее нечасто, думала: вдруг попадусь жандармам – что будет с тобой? Хотя она говорила: «У меня ты в безопасности». Ее дом имел два выхода – парадный и «черный», и я, приходя к ней, старалась сесть так, чтобы, если жандармы войдут с парадного входа, сбежать через «черный», и наоборот. Кто-то, видимо, на меня донес. Жандармы пришли за мной, оба входа блокировали. Ты там, в чужом доме, с чужими людьми, голодный, а я арестована. Представляешь мое состояние?

- Было от чего сойти с ума...

- Меня увезли, втолкнули в подвал, стали допрашивать. «Как фамилия?» - «Сурова». - «А настоящая?» - «Это и есть настоящая». Вместо фальшивого паспорта я уже имела новый: в жандармерии меняли документы местным жителям, и мне помогли попасть в это число. Прошла ночь. Наутро один жандарм взялся определить – еврейка ли я. В профиль рассматривал и анфас, и к окну подводил, где больше света. Наконец, сказал своему начальнику по-румынски: «Она на еврейку не похожа».

- Им пришлось тебя отпустить?

- Нет, снова заперли в подвал. Но я сказала себе: не сдамся! Этот румын не признал во мне еврейку - значит, не все потеряно, еще есть шанс. Еще одну ночь сижу. Утром дверь открывается, меня выводят, а там - Ирина Соляренко: «Пошли домой».

«Как тебе удалось меня вызволить?» - она смеется: «Очень просто: подарила начальнику бараний полушубок, румыны это любят». Купила на свои деньги, чтобы вызволить меня!

- Сколько времени тебя продержали под арестом?

- Полных три дня. За тобой присматривала хозяйка квартиры, в которой я снимала угол. В конце марта 1944 года Жмеринка была полностью освобождена от немцев и румын. А вскоре мы с тобой уехали во Львов. Потому что я узнала, что там живет Вера Тарнавская...

- ...твоя подруга, у которой ты скрывалась в Хмельнике.

- Да, она вышла замуж за демобилизованного офицера. Ты его помнишь?

- Помню, как в году, если не ошибаюсь, сорок шестом, он, пьяный, куда-то нас повел под дулом пистолета и командовал: «Не оглядываться, а то застрелю!..»

- Он воевал, был контужен, и стоило ему выпить лишнего, как на него находило. В остальное время он был нормальный, добрый человек. Они с Верой выделили нам комнату в своей просторной квартире. Вера относилась ко мне, как к родной. Бывало, спрошу – можно ли мне взять ее зонтик или плащ, - она отвечает: «Бери все, что тебе нужно, и не спрашивай». Однажды ее младшая сестра Люба, которая жила с нами, случайно разбила люстру, висевшую под потолком. Заходит ко мне в комнату: «Вера меня убьет за эту люстру. Милая, выручи, скажи, что это ты разбила, тебе она ничего не сделает». Вера приходит с работы, я ей говорю: так, мол, и так, я зачем-то полезла наверх, задела люстру, она упала и разбилась. Вера только спросила: «Ты сама-то не ушиблась?..» Вот и все. Через несколько лет ее муж вышел на пенсию, и они уехали в Хмельник. Пока я жила у них, устроилась на работу - корректором в типографии «Атлас». Зарплата мизерная, цены на базаре безумные, сто рублей стоила буханка хлеба, но я приспособилась. Покупала самые дешевые продукты, а готовить простые и вкусные обеды меня еще мама научила.

- А когда я подрос, ты научила меня варить бульон из курицы, жарить картошку и латкес – картофельные оладьи. С тех пор я люблю стряпать. Правда, к трем названным блюдам прибавилось с полдюжины других.

- В конце войны во Львове появилось много свободных квартир, их оставляли поляки, уезжавшие в Польшу. Одна из таких квартир досталась нам. Помнишь ее?

- О да, шикарная была квартира! По улице Данилы Галицкого, практически в центре города. Дом старой, классической постройки, две комнаты на втором этаже, с балконом. В 1966 году, оказавшись в командировке во Львове, я зашел по старому адресу...

- А почему я ее бросила, собственными руками разбила свою жизнь? Чтобы иметь нормальный паспорт, вернуть фамилию себе и тебе, требовались метрики, а их у нас не было. Моя сотрудница и близкая подруга Галина Жовтобрюх, к которой мы часто ходили в гости, всегда находила повод, чтобы мне дать что-нибудь: то платок, то кофточку. С продуктами помогала, лекарствами вырочала. Я ей первой рассказала, что живу по чужому паспорту, все мои документы пропали в Хмельнике, и она обещала похлопотать за меня в милиции. А в это время после долгих поисков отыскался мой старший брат Миша. Он врач, прошел всю войну, победу встретил в Берлине в звании капитана медицинской службы, после демобилизации решил поселиться с женой и сыном в Средней Азии, в городе Фрунзе. Я ему написала про ситуацию с паспортом, и он ответил: «Все бросай, переезжай сюда. Ты моя сестра, у меня есть нужные связи, я тебе помогу с получением документов». Я встала перед выбором - пойти с Галиной в милицию или положиться на помощь брата. Перевесил второй вариант: буду жить с братом в одном городе, нас всего двое осталось от большой семьи. Летом 1950 года, бросив квартиру и работу во Львове, я отправилась с тобой на во Фрунзе. Никогда себе этого не прощу! Мне все пришлось начинать сначала: снимать углы у частников, жить во временках. Брат обещал, что пойдет со мной в органы власти, расскажет мою историю и поможет получить нормальные документы, - но это оказалось обманом. Ничего он не сделал. Зато меня вызвали в МГБ и учинили такой допрос! Женщина-следователь Беневоленская выслушала мой рассказ о судьбе брата и родителей, о погибшем муже, о том, как я с ребенком на руках дважды бежала от расстрела, была в гетто, снова бежала, пряталась, - и говорит: «Тут что-то нечисто. Мы должны выяснить, как это вам удалось остаться живой». Она

послала запрос в прокуратуру Хмельника. Туда вызвали Катю Суровову и Веру Тарнавскую (ее муж к тому времени уволился из армии, и они уехали в Хмельник), взяли у них письменные показания, прислали во Фрунзе. Тут уже Беневоленская заговорила другим тоном: «Смотрите, что про вас пишут, какие страдания вы перенесли. Так вы же у нас героиня! Дайте я вам руку пожму», - встает и пожимает мне руку. И я получила паспорт на свою фамилию и документы на тебя, снова я стала Эмилия Кеслер, а ты – Валерий Сандлер.

- Знаю, что Киргизия тебе запомнилась скитаниями со мной, подростком, по частным квартирам и времянкам, крохотной зарплатой, нищенской пенсией за погибшего мужа, неприятностями в отношениях с братом и его женой. Не легче тебе пришлось со мной: рос без отца, строптивым, непослушным, тебе приходилось часто меня наказывать за плохую учебу в школе, за всякие скверные проделки. Детским, а затем подростковым умом протестовал против каких-то твоих действий, считал их несправедливыми, поэтому убегал из дома, скитался по чердакам и подъездам, ты меня искала, возвращала домой...

- Пока ты был маленьким, лет до десяти, я не могла требовать от тебя сознательного отношения, но потом...

- Но я и потом не так уж много понимал. А если понимал, то на свой манер. На меня влияла улица, влияли школьные и дворовые приятели. Мне казалось, что у них была свобода, которой не было у меня, а я хотел свободы.

- Свободы от кого?

- Не от кого, а какой. Свободы действий. О многом сегодня страшно жалею, но ничего изменить не могу. Остается одно – просить у тебя прощения.

Но и в такой жизни ты умела находить отдушину. Брала в руки мандолину, когда у нас бывали гости, да и без гостей часто играла и пела. От тебя я впервые услышал и навсегда запомнил и полюбил прекрасные романсы – «Скажите, девушки, подружки вашей...», «Выхожу один я на дорогу», и вот эту песенку: «Ах ты, носик, ты мой нос, отчего так мало рос, отчего, как пуговка, ты мал...»

- А сколько еврейских песен я знаю, русских и украинских!.. Моя мама тоже любила петь, у нее был хороший голос. А

папа собрал толстенную папку нот сочиненной им музыки. Был артистом любительского театра в Хмельнике, я помню спектакль «Колдунья», в котором у него была одна из главных ролей. Пел в синагогальном хоре. До революции 1917 года в городе было две синагоги. Одну из них советская власть превратила в склад зерна, в другой вселила контору завода металлоизделий.

- Когда и где ты научилась играть на мандолине?

- В десять лет я записалась в школьный струнный оркестр. Каждый его участник выбирал инструмент по вкусу и способностям: гитару, мандолину, балалайку или скрипку. Я сначала выбрала скрипку, очень быстро выучилась на ней играть, мне даже доверили соло, но потом скрипка разонравилась, и я перешла на мандолину. Почти никого из тех, с кем я играла в оркестре, не осталось: кто убит немцами и полицией, кто умер уже после войны... У меня есть фотография, где мы сидим все вместе. Как она ко мне попала? Одного из оркестрантов, оставшихся в живых, я увидела здесь, в Америке, в Бруклине, на встрече земляков-хмельничан. Ты же знаешь, что в Бруклинском мемориале есть памятные камни, установленные на средства землячеств евреев – выходцев из многих городов Украины: Киева, Одессы, Винницы... Есть там и камень в память о погибших хмельничанах. Так вот, этот человек не был в гетто: до прихода немцев его семья успела эвакуироваться. Он подарил мне фотокопию снимка, на котором весь наш оркестр в сборе, и с нами - наш руководитель Мирон Исаакович Саниц.

- Вспоминаю с благодарностью нашу спасительницу Екатерину Суорову, хоть никогда ее не видел.

- Мы с ней переписывались до самой ее смерти в 1982 году. Я добились, чтобы организация Yad-Vashem посмертно присвоила ей звание «Праведник мира», а сама ежемесячно посылала ее дочери Галине по сто долларов из своей пенсии. Несколько лет назад дочь умерла, теперь я шлю деньги Катиному внуку. Вере Тарнавской звание «Праведник мира» присвоили, когда она еще была жива, и деньги я ей тоже посылала, но меньше, чем Кате.

- Кстати, что стало с ее братом, начальником полиции?

- Когда немцы отступали, он с ними сбежал.

- Пытаюсь представить, что чувствует человек, доживший

до твоих лет. Осознаешь ли ты, как много повидала на своем веку и как далеко отстоят события детства, юности, зрелости? Конечно, исключая проблемы со здоровьем и прочие малоприятные вещи...

- Понимаешь, я во многом очень разочаровалась. В некоторых людях, в их отношении ко мне. Часто чувствую себя одинокой, брошенной. И думаю иной раз: ну почему ко мне так относятся? Значит, они не желают мне добра? Если так, то я не хочу их обрадовать и уйти из этого мира. А иногда мне не хочется жить. Потому что болею я часто, мне бывает очень плохо. Но из такого состояния я стараюсь выйти почти самостоятельно. Иногда удается. Вот видишь, сегодня я себя чувствую хорошо. Потому что с тобой разговариваю.

- И я этому очень рад. Давай поговорим о твоём отъезде в Америку.

- Уезжала я по израильской визе. Нашла в Москве попутчиков-москвичей, три семьи, они тоже решили ехать в Америку. Сначала оказались в Вене, там нас нашли представители Израиля, стали агитировать, чтобы мы согласились просто посмотреть их страну, а когда захотим, сможем ее покинуть. Мы все поддались этой агитации, а потом долго не могли оттуда выехать!

- Почему вообще это было необходимо? Не устраивали порядки или не нравились люди, вас окружавшие?

- Нет, люди неплохие, и к порядкам я почти привыкла. А вот к климату привыкнуть не смогла: жара, хамсин – это что-то страшное. Узнав, что можно из Израиля ехать в Грецию, мы туда отправились: три семьи и я. В конце концов все оказались в Америке.

- Но это потом. А до этого тебе в Греции пришлось работать...

- ...да, целых восемь месяцев. Зарабатывала гроши, только что не голодала. Три семьи меня выручали. Они регулярно получали посылки от родных и со мной делились. Я до сих пор поддерживаю с ними связь. Несколько раз летала к ним в гости в Сан-Диего.

- Какого ты мнения об Америке, стране, в которой живешь с 1979 года?

- Здесь человек чувствует себя свободным. Ты знаешь, как для меня это важно.

- Через год по приезду в Нью-Йорк ты встретила Дэниела Клайна, и вы на много лет стали опорой друг другу...

- Весь этот первый год я жила в гостинице на Амстердам авеню, туда селили многих вновь прибывших. Готовить еду было нелегко, и синагога направила меня в организацию JASA, где для таких же эмигрантов, как я, устраивались ежедневные обеды. Там мы и встретились с Дэниелом. Он родился в Египте, куда его дед в начале XX века бежал из Кишинева, спасаясь от еврейских погромов. Дэниел закончил в Каире университет, получил профессию финансиста. Интеллигентный, прекрасно воспитанный человек. Был он вдовцом, жена его умерла от рака. Ко времени нашей встречи он прожил в Америке лет тридцать. Возраст мой был тогда слегка за шестьдесят, и меня в JASA многие замечали, считали эффектной женщиной, делали комплименты. Дэниел был в их числе. Он дал мне свой домашний телефон, просил позвонить, я обещала, но сделать это не спешила. И тут мне звонит дежурная по гостинице и говорит, чтобы я спустилась вниз, кто-то меня вызывает. Я сошла, и, как оказалось, очень вовремя, потому что застала момент, когда Дэниел (а вызывал меня именно он), держа в руках букет, не разглядел ступеньку, на которую хотел подняться, споткнулся и вот-вот упадет...

- Помню, у него были проблемы со зрением...

- Не просто проблемы – он почти ослеп из-за глаукомы. И вот я подбегаю к нему, подхватываю, не даю упасть. Волнуюсь, чувствую себя виноватой: ведь он из-за меня мог разбиться! Позднее, узнав его поближе, я думала: «Господи, да это же замечательный человек, он лучше, чем пятеро зрячих!...»

- Он что, вел себя как по-особенному?

- Деликатно, умно, корректно. Настоящий джентльмен. Он меня обожал. Когда мы стали жить вместе, он часто повторял: «Я тебя сегодня люблю больше, чем вчера, и меньше, чем завтра». За семнадцать совместно прожитых лет мы с ним много путешествовали, побывали в Париже, в Лондоне, несколько раз летали в Израиль. В 1997-м Дэниела не стало. Он прожил девяносто четыре года. Двое его детей, дочь и сын, ко мне хорошо относятся. Сын далеко, он иногда звонит, а дочь живет в Нью-Йорке, часто меня навещает, чем может, помогает. Арлет видела, какие у нас были отношения с ее отцом, пока он был жив.

Дэниел ей говорил: «Если бы не Эмилия, меня бы уже на свете не было...»

- До войны ты закончила учительский институт и недолго преподавала в школе, а в Киргизии, работая корректором в издательстве «Мектеп», поступила на филфак университета, чтобы перейти на должность редактора. Училась заочно, защитила диплом. А в Америке зачем-то стала студенткой нью-йоркского Hunter College...

- Ошибаешься: не «зачем-то», а чтобы получить американское образование.

- Ну, извини, я неверно выразился. Кстати, колледж ты закончила?

- Нет, не смогла, потому что перенесла очень серьезную операцию на трахее, врачи думали, что я не выживу, но даже если выживу, то полностью потеряю голос. А я его не только сохранила, но, как видишь, и говорю, и пою. Я и в университете была одной из лучших студенток, ты же помнишь, мы ведь вместе с тобой поступали на филфак. На нас приходили посмотреть: мать и сын – однокурсники...

- Два года ты была в Нью-Йорке внештатной сотрудницей еврейской газеты «Форверст», теперь она называется «Форум»...

- Да, я делала для них переводы статей с языка идиш на русский. Главный редактор Владимир Едидович говорил: «После вашего перевода мне нечего править».

- Осмелюсь задать тебе личный вопрос. Всегда такая красивая, образованная, душа любой компании - почему ты, пока была молода, замуж больше не вышла?

- После войны я все ждала, что Семен вернется, будет искать меня в Хмельнике, он ведь знал, что я туда еду. Однажды встретила его однополчанина, он сказал, что видел своими глазами, как в январе 1942 года, в боях под Киевом, погиб мой муж. Но я этому не верила, продолжала ждать. Пришлось поверить, когда получила «похоронку». А почему потом замуж не вышла... Не хотела, чтобы у тебя появился отчим. Мужчинам я нравилась, мне многие делали предложение, но если кто-то из них не так на тебя посмотрел - этого было достаточно, чтобы человек исчез из моей жизни. Знала, что не потерплю, если кто-то тебя обидит, грубое слово скажет. Ты был маленький, беспомощный, ближе

меня у тебя никого не было, и мой долг - тебя охранять. Хотела, чтобы ты чувствовал, что я тебя очень люблю и все для тебя готова сделать. Ну как, я ответила на твой вопрос?..

...Да, мама, ответила. Спасибо тебе, что спаслась и спасла меня. За любовь спасибо. И прости за то, что не стал я тебе хорошим сыном.

Александр КРЯЧУН

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ – ПОСЛЕДНЕГО ТОПОГРАФА ПЛАНЕТЫ

НОЧНАЯ ГОСТЬЯ

Я проснулся среди ночи от звука капли. Монотонный дождь за палаткой не разбудил бы меня, а отдельные капли, стучавшие по кирзовому сапогу, будто по костям бескожего черепа, разбудили. Они просачивались через палаточный шов. Этот огрех в настоящее время ничем не исправишь, или нужно выходить и закрывать верх палатки куском брезента. Но неизвестно, где конкретно просачивается вода. Она может проникать в одном месте, пробегать по шву и капать в другом – это можно проверить только при свете дня. Значит, меня ничто не может поднять с постели. Это успокаивает, и я продолжаю лежать и слушать капли.

Нужно протянуть руку и убрать сапоги. Для этого есть две причины: чтобы пресечь «бомбометание по мозгам» и спасти обувь от намокания. Вынимаю руку из тёплого спальника, протягиваю к тому месту, где должны лежать «кирзачи» и шарю по мокрой траве. Нащупал что-то влажное. Сжимаю руку и понимаю, что взятый мною «предмет» не сапог, а что-то живое – под тонкой кожей уловил стук испуганного сердца. С ужасом разжимаю ладонь, чувствую, что она покрыта слизью или выделениями страха. Неприятно, противно и страшно.

«Жаба. Да, это жаба. Лягушек здесь не должно быть – до воды очень далеко. Жаба – бородавчатая, скользкая жаба. И почему этому полезному созданию досталось клеймо отвратительного существа?» – несмотря на доставленную мне неприятность, я не думаю о ней плохо. И даже стало обидно за это земновод-

ное, пользы от которого на несколько порядков больше, чем от некоторых человекоподобных. Помимо уничтожения всяких гадких насекомых, японцы и китайцы по ним определяют приближение землетрясений.

«Прости, жаба. Сама виновата. Не хотелось тебе причинять секунду страха. Я сам, наверное, испугался более, чем ты!» – бормочу я.

Достаю коробок спичек. Чиркаю. Момент возгорания ярок, и темнота резко прыгает в сырые углы палатки. Спичка горит. Пламя едва раздирает отсыревший воздух. Убираю сапоги под раскладушку. Ищу взглядом жабу – её нет. Спичка гаснет, не догорев до конца. Ещё больший мрак впрессовывается в жилище.

Капель всё равно слышна. Считаю удары. Меня начинает занимать этот механизм отсчета времени: «Каждая капля – секунда, в каждой капле – грамм дождя. В минуту – 60 грамм. В час – 3 килограмма 600 грамм. В сутки – около 90 литров. В месяц – более двух тонн, в год – около тридцати. За прожитое мной время – более 900 тонн. Что-то мало. Это всего лишь бассейн, размером тридцать на тридцать и глубиной – в один метр. А сколько нужно прожить, чтобы данным способом наполнить рядом лежащее водохранилище? В нём около 100 миллионов тонн воды. Напрягаю мозг, долго вычисляю, но, кажется, прихожу к правильному ответу. Это примерно 108 тысяч моих жизней или более трех миллионов лет. Ого! Нормально! Пожить бы столько. А, не надоест?».

На этих подсчётах я и уснул, больше не вспомнив о ночной гостье.

Разбудила меня тишина – кончился дождь. Вдалеке послышалась песня. Её пел сосед – бахчевник Дехканбек. Он пел всегда: когда ходил за водой, работал на поле или варил обед. Не пел он, как я заметил, когда принимал пищу и спал. А пел он всё подряд: запомнившиеся песни из радиоконцертов на всех языках, самым им сочинённые и даже какие-то ритуальные, как он объяснил, услышанные им у местного шамана. Утром он обычно заходил ко мне – пить чай. Сегодня он принёс первую созревшую дыню со своей бахчи. Вся она была в блёсках дождя, и

вокруг неё стойко держался дурманящий запах. Вскоре он заполнил всё пространство палатки.

Когда он отрезал первый ломтик сахарного овоща – вроде даже послышался свист – это дразнящий запах вытеснял простой воздух, который покидал внутренности моего жилища, освобождая пространство для дынного аромата. Я боялся, что задохнусь в нём, словно в медовой патоке.

Послышалось шуршание, и из-под раскладушки выползла ночная знакомая. Она взглянула на нас безбоязненно глазами шарами и приоткрыла рот. К дразнящему аромату дыни примешался тонкий землистый запах, исходящий от жабы.

– О! Моя жаба. Что, дыни захотела? – сказал Дехканбек. – А я смотрю утром – никто не убирает букашек с листьев. Как она сюда попала? От моего поля почти километр.

– Не только тебе по гостям ходить. Может, она от дождя пряталась? – ляпнул я, прекрасно зная, что лучшей погоды, чем дождь, для жаб нет. Что жаб здесь живёт несметное количество, знал и Дехканбек, но ему захотелось иметь ещё одну, запасную, на своём огороде.

– Ладно, пойдёшь домой со мной! – произнёс крестьянин и, взяв пустую стеклянную банку со скамьи, накрыл жабу.

Она упёрлась лапками в стекло и была похожа на ребёнка, прильнувшего к окну лицом, которое выражало испуг и «крик отчаянья»: «За что!? За что я пленена?».

Мы долго ели дыню, обсуждая мировые проблемы, и подбрасывали маленькие кусочки пленнице, которые она с презрением игнорировала.

– Дыни начинают созревать, – сказал Дехканбек, – придётся жить на бахче, а то разворуют. Раньше, без разрешения, даже в тень шалаша никто не заходил, а теперь народ наглым и вороватым стал – тащат всё. Сейчас пришло время нарушения всех заповедей, запрещённых богом. Они стали «в чести» у народа, а это приведёт к беде! К большой беде! Ещё сто лет назад наш народ не знал воровства. Дома никогда не запирались. Если хозяин уходил, просто ставил палку у двери, чтобы пришедший к нему знал – его нет дома. А если кого ловили на воровстве, что случалось очень редко, просто отрубали голову. Высушивали её, и ближайший родственник вора должен был до конца дней своих

носить этот «позор рода» на своей шее. Если вернуть этот обычай в настоящее время – тогда одна половина жителей нашей страны будет носить головы второй половины.

– Ну, почему это ты так сильно разозлился на народ?

– Когда я брал в аренду это поле, звал с собой многих своих сверстников. Мне некоторые нагло отвечали: «Иди, вкалывай! Мы придём и заберём половину урожая, и ничего ты нам не сделаешь – сейчас настало «время силы»! А если пожалуешься – заберём всё!». Но я просто так ни одного паршивого арбуза не отдам. У меня есть берданка – я буду стрелять!

Дехканбек облокотился о стойку палатки и запел красивым голосом тягостную и беспокоящую песню, похожую скорее на речитатив. Слова были совершенно непонятны, но в убаюкивающей мелодии слышалась тоска и печаль по чему-то ушедшему, невозвратному. Тихой, секущей болью протяжный надрыв задевал за сердце.

– Что ты пел? – спросил я, когда крестьянин затих и откинул голову, уставившись в мутный свод брезентового потолка.

– Этой песне меня научил шаман. В ней рассказана история моего народа.

– А на каком языке?

– Шаман сказал, что это язык очень далёких наших предков.

– Но я понял, о чём ты пел!

– Эту песню понимают даже глухие люди, животные и птицы... И не удивительно, что ты, здоровый человек, её понял... – усмехнулся Дехканбек.

В палатке начало парить – значит, солнце поднялось высоко и пора начинать работать. Первым делом найти место просачивания дождя, затем зашить его виртуозным потайным швом просмоленной дратвой и потом испытать, истратив на это дело не одно ведро дефицитной воды.

Дехканбек пропел ещё одну тихую песню и, взяв банку с жабой, пошёл к своему полю. Теперь он шёл строевым шагом, держа на плече мотыгу, будто винтовку, и пел, чеканя слова:

Не плачь, девчонка, пройдут дожди,

Солдат вернётся, ты только жди...

Плато Кайрак, 1989 год.

РАЗГАДКА КИНДЫКА И ЗАГАДКА КЫЗЫЛ-ШАЙТАНА.

Из словаря: «Перевал Киндык назван в честь долины реки Киндык и используется для перехода из Алайской долины в Кичик-Алайскую. Высота 4482 метра».

Если судьбе угодно сказать: «Не ходи к чертям – они сами тебя найдут» или « Не желай встречи с чёртом, а то она состоится» - значит, так и будет.

Но я не собирался ни к чертям, ни к дьяволу, ни к шайтану, а хотел посмотреть перевал Киндык и истоки реки Кашка-суу, которые начинались где-то в ледниках и родниках Алайского хребта. А если останется время – заглянуть в Ферганскую долину.

Рюкзак плеч не тянул: в нем лежала фляжка с водой, полбулки хлеба, кусок сала, несколько сырых картофелин, карта и полевая тетрадь. И ещё в нём находился пришитый к днищу и никогда невынимаемый брезентовый мешочек, в котором были упакованы: высушенная до звона лепёшка; тонкие жгуты сухого мяса; коробок спичек, заплавленный парафином; несколько таблеток «сухого спирта» и набор медикаментов – это на случай экстремальных ситуаций, которых, к счастью не происходило.

Светлые мысли о предстоящем путешествии пытался омрачить гидролог- Валера:

- Ты смотри, как бы на перевале Киндык тебе не пришел «киндык». Чабаны рассказывали, что в том районе появился какой-то Кызыл-Шайтан в облике собаки или волка. Наводит ужас на всех, кто его встретит. Не верить им нельзя – уж слишком достоверные рассказы.

- Эту «басню» я услышал еще в первый день нашего приезда. Но ты же знаешь: «У страха глаза велики!» и ещё добавлю: «Волков бояться – в лес не ходить!»

Иду по правобережью. Сонное утро лежит на траве, которая покрыта слоем предутренней влаги, предающей объёмность и яркость зелёному ковру. Окатанные речные валуны и острогранные обломки скал так же покрыты росой. Стоит провести паль-

цем по их поверхности, как тут же, в месте прикосновения, собирается крупная капля, которая стекает вниз, образуя полоску ручейка. Воздух, густой и сытый, был ещё не обезжирен солнечными лучами. Его целебность легко усваивалась лёгкими, и чувствовался вкус цветущего разнотравья.

Километров через семь натыкаюсь на зимовье. Два саманных дома выглядят добротно: толстые стены, крыша в шифере. Двери без запоров и окна без стёкол. Осколков не видно – значит, они вынуты бережливым хозяином и спрятаны в укромном месте, благо, тайников в окрестных скалах можно сделать множество. Рамы на окнах одинарные – всё равно изнутри все стены занавешиваются самоткаными коврами для утепления. Рядом кошара, стены которой сложены из дикого камня и промазаны глиной. Крыша перекрыта ветками и залита сверху саманом – слишком доступная преграда для умного волка. Бывали случаи, и не раз, когда оголодалый зверь разрывал крышу, спускался вглубь, резал десятки овец и уходил через лаз, находящийся на высоте до двух метров, с тушей животного. Ведь при проникновении нужно было рассчитать отверстие так, чтобы назад уходить с бараном – поэтому я и сослался на «умного» волка.

Представил здесь зиму и воющий «дует» - пургу и волков среди белой пустыни и отдалённости. Стало жутковато. Но когда чабан не ленив и есть в печи огонь, а на огне котёл с мясом, около плиты хлопочет жена и бегают дети, а отара за железными запорами в кошаре под охраной надёжных псов-волкодавов – зима проходит спокойно.

Русло реки стало заметно сужаться. Впереди показалась узкая щель, из которой вода падала небольшим красивым водопадом. Чуть белесая вода булькала, словно сыпались в песочные часы гранулы льда. Мой путь, перпендикулярно, пересекала высокая зубчатая скальная гряда. Её острые вершины обрывались к югу почти отвесными стенками красноватого цвета. В разных местах высились отдельные крутолобые скалы, похожие на развалины замков и башен. Речное ущелье поднималось вверх. Вскоре оно начало расширяться и превратилось в довольно широкую пойму, покрытую полынной травой, которая резко отделялась от окружающих скал. Из боковой узкой щели вылетали голуби. Где то в испещренных скалах у них были гнёзда.

Впереди открылся вид на хребет. К нему поднималась тропа, идущая по пологому склону к перевалу. Из боковой щели высунулся язык ледника, упирающийся в осыпь. Река, как-то резко похудевшая, уходила влево и терялась за поворотом ближнего осыпного кургана. Еле заметная тропа, отмеченная каменными турами, шла по краю ледника и упиралась в межгорную седловину, соединяясь с небом. Снежные шапки горбов, между которых проходил перевальный путь, словно воины-близнецы, охраняли высшую точку Киндыка.

Понадобился целый час, чтобы с придыханием, размечая шаги одинаковой длины и не сбивая ритма, идти по плотной осыпи. В такт шагам качалась вершина перевала, словно колыбель родившегося здесь младенца. Огромный каменный тур, выложенный путниками, стоял постаментом для идола – бога Киндыка. В межкаменные щели были всунуты небогатые дары горным духам: кости животных, очищенные от коры ветки и обрывки разноцветных тряпочек. В рюкзаке у меня всегда лежал кусок белой материи: духов нужно ублажать всем, несмотря на твою национальность, вероисповедание и наличие веры во Всевышнего. Я повязал белый бант к кусочку дерева. С перевала открывался вид на Алайскую долину и Заалайский хребет. На север стекал пологий ледник, на котором открытые трещины пугали синими провалами. Из карты я знал, что где то недалеко, при спуске с перевала, есть красивое озеро, но оно было спрятано за хаосом скальных выступов.

Со стороны перевала Талдык небо начало приобретать цвет перезрелой сливы. Показалась черная полоса – признак ухудшения погоды. Вскоре над головой закрубился вихрь из закрученных спиралью густков тумана. В ущелье сразу потемнело. Было нетрудно догадаться, что сейчас хлынет ливень. Бежать вниз не имело смысла – до лагеря не успеть. Возможно, и стоило бы промочить под дождём тело и полюбоваться озерной красотой, но я предпочёл повернуть назад – главная цель была достигнута – я увидел перевал Киндык. Не раздумывая, пошел обратно, на спуск.

Тучи надвигались стремительно, и вскоре нависли тяжелыми гирями, из последних сил сдерживая в себе напор влаги.

Дождь рухнул с неба сразу всей массой. Впереди, чуть

выше осыпи, показалась скальная гряда. Было безветрие, и холодные струи, толщиной в палец, лили вертикальным потоком. Увидев невдалеке нишу в скале, кинулся к ней.

Вдруг за дождевой пеленой, словно расплывчатый рыжий призрак, показалось странное животное. Оно появилось из-за скального выступа спасительного навеса и, увидев меня, метнулся в сторону. Это произошло так неожиданно, что я даже не успел испугаться и застыл, продолжая намочать.

Зверь смотрел на меня царапающим взглядом, не отводя зрачков. В них даже на расстоянии я видел злые, пронизывающие искорки дикого животного.

Кызыл-шайтан! - сразу вспомнились слова гидролога.

Непонятное животное, в облике которого просматривались и собака, и лиса, и волк, отбежало и остановилось метрах в тридцати. Окрас у него был рыжевато-серый. Укороченная, заострённая уродливая морда и длинный пушистый хвост с почти чёрным окончанием, который больше напоминал лису. Закруглённые верхушки ушей были как у фенека и торчали высоко на голове. Тело же было волчьим – плотное, с широкой грудью и на крепких удлинённых ногах. Я начал узнавать в нем красного волка по описанию и рисункам из книги Брэма. Кровожадность этого зверя делала нашу встречу всё более непредсказуемой.

Был волк серьёзно болен: одна сторона головы опухла до такой степени, что правый глаз был приподнят и повёрнут к левому. Деформация исказила нормальное восприятие волчьей морды, и отложились в памяти как «образ ужаса». Пузырчатая пена стекала пухлой струёй из перекошенного рта, смешивалась с дождём и текла на мокрые, чёрные камни. Глухой рык и подёргивание верхних губ, обнажающих розовые дёсны и саблевидные белые клыки, не сулили ничего хорошего.

Вполне возможно, что он был изгнан из стаи по болезни. Эти жестокие правила существовали для всех одинаково: для серых, для белых и красных.

Я начал отходить к реке. В правой руке у меня был ледоруб, а чтобы более обезопасить себя, нагнулся к сапогу и вытащил нож. До поясных ножен было ближе, но я достал запасной. Наверное, для большего «пижонского эффекта» перед зверем. Волк зарычал сильнее и попятился. Мы медленно расходились в

разные стороны – это уже успокаивало. Было сильное желание пуститься в бег от этого монстра, но помнил главную заповедь: «Не поворачивайся спиной к зверю».

Резкое движение или блеск металла испугали его. Он побежал первым – я бросился в противоположном направлении.

Бурлящая река, подпитанная ливнем, показалась мне «ручейком в два шага». Я её перемахнул и оказался на другом берегу. Бег по скользким камням на высоте в четыре тысячи метров – не очень приятное занятие: задыхались лёгкие, а сердце, ошалевшее от нехватки кислорода, стучало с перебойми в узком мешке груди. Ноги дрожали и сгибались в непослушных коленях, но я всё равно бежал. Медленно. С оглядкой.

В лагерь я пришёл спокойным, уверенным в себе бродягой, который понял, что только сегодня нужно было идти на Киндык. Другой день не дал бы столько щемящего счастья от пройденного и встречи с посланцем из «Красной книги».

Наши пути с Кызыл-Шайтаном больше не пересекались. А я и не искал их.

Иногда проезжие чабаны рассказывали о странном звере, о том, что Кызыл-Шайтан может появляться из-под земли и исчезать, растворяясь в скалах. Выследить и перехитрить его невозможно. Даже собака, учуяв Красного волка, ведет себя так, будто встретилась с барсом. Если Кызыл-Шайтан нападёт на отару – стрелять его нельзя. По поверью – за убитого придёт мстить вся стая, неся с собой смерть всему живому, встреченному на их пути. А если нападёт стая – в живых не останется никого: ни собак, ни коней, ни людей...

Так что живи, Кызыл-Шайтан. Если болезнь тебя не скосила – многие лета тебе – Дикий Зверь. Благодаря красивой легенде, тебе отпущено почти бессмертие.

*Памир. Пос. Кашка-суу,
1997 год.*

Эоловый город

Мимо этих мест я проезжал десятки раз, и постоянно выглядывал всё новые и новые чудеса. Но чтобы добраться до них, нужно было перейти реку Чу вброд и пройти не менее пяти километров. Я постоянно с кем-то ехал, и никто не собирался ублажать мою прихоть, чтобы ждать несколько часов, пока я удовлетворю своё ненасытное любопытство.

Но однажды желание превысило благоразумие.

Наша экспедиция возвращалась из Ак-Сайского района. До базы оставалось 180 километров. Был июнь и был четверг. Никакой уважающий себя полевик, приехав домой во второй половине недели, не пойдёт сразу на работу – он пойдёт в понедельник. Значит, у меня был запас – три дня, которые я мог использовать по своему усмотрению. Остановив машину и бросив напоследок: «Я доеду своим ходом» - покинул уютное место в кузове.

– Ты куда? Здесь нет пивных! – закричал Сергей-проходчик.

– А у него здесь любовница, вон в том городе, – произнёс Валера- гидролог и указал по направлению Эоловых городов, ради которых я оставался.

Он, единственный из всех изыскателей, разделял мои порывы к скитаниям. Вчера, приготавливая рюкзак, я сказал ему про «Эолы», что останусь на них – давно мечтаю заглянуть внутрь этого чуда. Валера был старше меня по годам и намного опытнее в горах.

– Только не ночуй там. Может «поехать крыша». Сам я в них не был, но поговаривают, что шалят по ночам в тех местах Ореады – горные Нимфы. Эти духи наводят на человека безумие. Если поднимется ветер, а он утром всегда дует, беги оттуда. Там начнётся такая какофония, что вопли грешников в аду покажутся тебе ласковым баритоном эстрадного певца.

Он, как и я, не был ярым приверженцем веры во всякое колдовство и духов. Но когда человек неоднократно сталкивается с «необычным» в горах – начинает верить во всякую чушь: сказкам, небылицам, легендам, выдумкам и даже простым байкам, рассказанным чабанами.

– Ну, это как раз для меня. А насчет сумасшествия – так

сойти с него можно быстрее у себя дома, при обмывании благополучного возвращения из командировки.

Машина ушла, а я стоял на шоссе и смотрел на «город» – в котором ещё не жил.

Река в этом месте разлилась широкой поймой для того, чтобы вздохнуть последний раз «полной грудью» и ринуться в Бомское ущелье, а там – спрессоваться, сжаться и принять облик «неукротимого сивого монстра». На противоположном берегу кучерявились сизым дымом заросли лоха, среди которого кусты барбариса выделялись темно-зелёными провалами. Посредине реки был остров. Почти голый. Виднелась только белая галька и единственный куст, который лежал наклонённым в сторону течения реки.

Разуваться я не стал. Горные сапоги с рельефными протекторами хорошо цеплялись даже за скользкие камни на дне. Ведь высушить пару сапог и портянок легче, чем поскользнувшись голой стопой посредине потока – потом сушить всё, включая те же сапоги и портянки.

До острова вода доходила чуть выше колен, и это расстояние было для меня словно прогулка по асфальтовому тротуару. Остров небольшой. Куст барбариса лежал прижатый паводками к земле. На его ветках висели лохмотья жёлтых нитей водорослей, принесённых, скорее всего, из водохранилища Орто-Токой, что лежит выше в тридцати километрах. В сапогах хлюпала вода, растворяя накопленный пот и выстирывая в этой кислотно-солёной жиже портянки.

Далее русло сужалось, и теснота протоки убыстряла течение. Прощупывая древком ледоруба дно впереди себя, подобно слепцу, я медленно перебрался на другой берег.

Выигрыш был полный: чистые сапоги, выстиранные портянки, промытые до белизны ноги и обнажённое тело, принимающее негу солнца. Нежные лучи мягкой лапкой ползли по телу, массируя заскорузлую кожу. Не хотелось уже идти в «город», ползти по предгорью, скользить на глинистых склонах, потеть и оглядываться на зелёные заросли кустов, роняющих тень на прохладную воду.

Вещи высохли быстро.

Издаലെка «город» завораживал. Бог Эол постарался: мно-

гоэтажные небоскрёбы «скреблись по небу»; купола без крестов поддерживались пузатыми колоннами; огромные грибы прикрывали от непогоды конусообразные юрты и шатры; кое-где в середине зданий виднелись вертикальные полосы, будто заложенные внеземными инженерами бога Эола – температурные швы; чёрные провалы окон были обрамлены ажуром фантастических орнаментов; колонны напоминали заводские трубы и особенно тогда, когда тонкие перистые облака, плывущие в створе верхушек, были похожи на выходящий дым.

Впереди ближайший склон был покрыт глубокими морщинами дождевых оврачков. Плывущие тени от низких облаков придавали ему иллюзию движения, словно лежащая на боку гигантская зебра дергала кожей, отгоняя назойливых мух.

По мере приближения к «городу» терялось очарование. Некоторые линии смазывались, превращаясь в пунктирные продолговатые овалы неправильной формы.

Общее впечатление от города я получил, и хотелось пройти по его «улицам», влекущих узкими теснинами щелей, промоин и лабиринтов.

На стенках растительности не было, не могли зацепиться семена трав и кустов на вертикалях откосов. По дну щели, куда я попал, встречались заросли лоха. Проход скорее напоминал дорожку к западне, которую не минуешь: слева – природная густая изгородь из колючек, а справа – красноватая шершавая стена из красной глины с вкраплениями в неё кусками розоватого конгломерата. В этой «трубе» основательно протоптанная тропка шириной в стопу. Она виртуозно петляла, повторяя изгибы щели. Чтобы рассмотреть интересные выветривания, пришлось постоянно идти с поднятым к небу лицом. Но острый угол зрения, под которым я рассматривал стены, не давал никакой перспективы и смазывал всю «фантазию ветра» в сплошную морщинистость.

Я не забывал: впереди у меня – ночь, где я должен прослушать музыку ветра и песка. Поэтому искал пространство, подобное концертному залу – круглую сцену с хорошей акустикой и запасным выходом для бегства от призраков и галлюцинаций, про которые был слышан от подобных себе бродяг.

Выходил я из первой обследованной щели прямо на солнце. Его густой жёлтый овал насаживался на островерхие пики

хребтов. Словно от боли оно плясало, корчилось и расплывалось золотой каплей, втекая в седловины далёких гор и раскаляя холодное покрывало снежных вершин. Казалось, что вытопит оно вечные снега и льды великого Тянь-Шаня, выпарит озёра, высушит родники и реки – таким оно представлялось объёмным и мощным. Даже расстояние в миллионы километров не уменьшало его величия.

Светлого времени оставалось мало. Легенды о Нимфах меня больше развлекали, чем пугали. Но ночь я должен провести здесь, в «городе». Если ночёвки не будет – впечатление от «Эолов» останется неполным – буду жалеть всегда. И даже если ничего не случится, я знаю: «отрицательный результат – тоже результат!» Кинуть в свою «копилку» впечатление от «города» необходимо.

Последние рассеянные лучи солнца бросали волнистый сумрак на ближайшие холмы. Большая тень упала в теснину. Из тёмных дыр провалов, кулуаров и ниш поползла густая чернь. Она переваливалась через края вмятин, раздвигала вертикальные шрамы и, сливаясь с другими пятнами, образовывала сплошную мертвенно-синюю мешанину надвигающихся сумерек. В воздухе повис терпкий аромат полыни, который к вечеру становился более осязаемым.

Наступила среднеазиатская ночь. В тёмно-синюю мглу ушли жёлтые отвесы обрывов. Безлунная пустота усиливала одиночество. При свете дня даже ядовитая змея встречалась с восторгом. А сейчас едва различимая копёнка светлого участка выгоревшей травы казалась затаившимся чудовищем, готовящемся к прыжку. Любой шорох усиливался воображением и был подобен сабельному лязгу клыков неизвестного зверя.

Найденная ниша в отвесном обрыве вполне устраивала меня для ночлега. В её центре имелось овальное отверстие, которое уходило вглубь горы длинной чёрной кишкой. Я крикнул в утробную рваную пасть дыры. Мой крик полетел куда-то в глубину, отразился от преграды и вернулся перекатным трёхголосым эхом. Вслед за ним послышалась частая дробь сорванных криком мелких камней. Пол моего пристанища был устлан мелкой галькой, перемешанной с мягким суглинком. Зажжённая свеча, вплавленная горячим воском в шершавый камень, неплохо вписалась в

небольшую нишу. Вялое, нежно-жёлтое пламя таинственно освещало небольшое углубление и, отражаясь от шершавых стен, матово ложилось на стены пещеры. Будто лампадка перед образом, горел жёлтый огонь в безлюдной и немой ночи.

Движением плеч я «втоптался» в ложе, чтобы придать «постели» более облегающее положение. Подложил под голову рюкзак, задул свечу и стал слушать ночь, которая беззвучно начала листать свои тайны.

Вокруг стояла такая тишина, что я боялся шевельнуться, чтобы «громом» шуршащей гальки не разбудить мёртвую идиллию покоя. Никаких намёков на присутствие Нимф не ощущалось. Беспokoйства не было, и тихая ночь усыпила меня.

Но долго спать не пришлось. Для жителей «города» началась другая ночь – тайная, кровавая, для кого-то последняя. Ночные охотники выходили за добычей.

В противоположных кустах, недалеко от моего ложа, послышались шорохи, словно гномы начали играть в футбол опавшими листьями. Раздалось странное шуршание, затем прерывистый дребезжащий тихий треск. Глаза, привыкшие к темноте, свободно различали переплетение кустов. Из-за корявых веток облепихи выползло величавое дикое чудовище: показалась тупообразная голова, сидящая на коротком туловище, а узкие пороссячьи глазки ночного животного были вдавлены в остролобый череп. Прямо от носа начиналась плотная густая шерсть, переходящая ото лба в гриву пустотелых длинных игл. Дикобраз стоял на мощных коротких лапах, будто прибитый к земле белыми костяшками когтей, похожих на маленькие железнодорожные костыли. Я замер и наблюдал за жителем «города». Он поводил носом и, видимо, почуяв посторонний запах, приподнял голову, фыркнул и, obeжав куст, скрылся в густоте зарослей.

Вновь наступила тишина, которая настораживает. От неё всегда ждёшь окончания: ведь её конец – начало звуков.

Ночь перевалила за середину. От реки тянуло прохладой. Лёгкий ветер колыхнул стебли чия. В них пискнули первые нотки начала предутреннего «концерта». Усилился хмельной аромат утренней росы и полыни. Где-то в глубине лабиринтов послышалось астматическое дыхание, сменяющееся монотонным ворчанием непонятого назначения. В густой и липкой предутренней

мгле сметаноподобный воздух, словно металл, хорошо проводил звуки, усиливал их и искажал. Как ни гнал я от себя беспокойные думы, малодушный страх, находя лазейки, заползал в меня, охватывая мистическим ужасом тело.

Я услышал стон человека.

– У – у – ух! О – о – ох! – будто из гигантских лёгких выдавливался звук стонущего астматика.

В сыром просвете неба мелькнул силуэт пикирующей птицы. Зашелестели крылья. Раздался хлопок, словно удар по подушке, и тонкий короткий писк.

– О, господи! Сова поймала мышь! Всего лишь мелкая трагедия жизни: « Умри ты, чтобы жил я!», – а сколько страха для человека, живущего по тем же звериным законам!

Неширокая полоса неба, втиснутая в берега отвесных стенок «городской улицы», начала бледнеть. Млечный Путь растёкся по чёрному небосводу, словно капля козьего молока в чашке с турецким кофе. Холодная неподвижность сумеречного космоса лоснилась к ложу Земли. От этого прикосновения тихий свистящий ветерок, идущий от реки, начал приобретать силу. Порывы постепенно переросли в мощное, неослабеваемое движение воздуха.

Из «городских трущоб», навстречу моему покою, начала пробиваться фантазмагория нарастающих шумов. Негромкие, но бьющие в ушные перепонки звуки, поползли по узкой щели. Они взбирались по отвесным стенкам, обессиливали и падали вниз. Рассыпались на множество свистящих мелодий, каждая из которых дополняла вносила свою воющую ноту в какофонию концерта, «распиливающего» черепную коробку от уха до уха, с прохождением через болевые точки моего мозга. Эта музыка, рождённая ветром, доводила до безумия.

Я был просто оглушён и ошарашен потоком звуков. Растворился в них и начал разбирать источник каждой ноты. В этом вое, смехе и визге проскальзывали приятные мгновенья, похожие на мелодию флейты. Их, еле уловимый, приятный шёпот, возвышался тонким фальцетом над бесноватостью фуг.

По мере прогревания воздуха взошедшим солнцем свистопляска улеглась. Выпавшая утренняя роса зазеленила листья барбариса, ещё более выделив их среди серебристых кущ лоха.

Бессонная ночь несколько утомила, и уже в утренней тиши-

не я уснул с мыслью: «Вода в реке ещё очень холодная, неприятно переправляться в такую рань...».

Не могу сказать, что меня более поразило: сам «город» с его фантастической архитектурой или загадочная ночь со звуками и музыкой, звучащая подобно песням «Медузы-горгоны» и сводящая с ума путников, оставшихся послушать «какофонию Бесов».

Как был неправ Валера-гидролог. Наяды так не поют!

*160-й километр автодороги
Бишкек – Балыкчи,
2002 год.*

КУЛЬТУРА

Дмитрий АЩЕУЛОВ

БИШКЕК ЖИВОПИСНЫЙ

Как-то в разговоре с одним иностранцем услышал его восторженный отзыв о наших художниках. Зарубежный гость – большой любитель и ценитель живописи – очень живо и эмоционально рассказывал, как побывал в мастерских у них, как общался с ними, удивлялся тому разнообразию стилей и направлений, в которых работают наши живописцы, не уступающие мастерством европейским и американским коллегам. И тогда меня поразила та, в общем-то давно существующая ситуация, когда при полном равнодушии нашего общества к изобразительному искусству, в Кыргызстане живет и работает немало очень интересных живописцев. О трех из них и пойдет наш рассказ.

Андерсен наших дней

Лампочка была выброшена на помойку. Во-первых, она перегорела, во-вторых, ее обожгло огнем, и пламя сморщило ее шаровидную поверхность, изуродовало тонкую талию. Она отслужила свой жизненный срок и хозяин, быт которого добросовестно освещала лампочка, вышвырнул ее прочь. Ведь согласитесь, глупо хранить вещи, уже отслужившие нам. Так бы и сгнула горемычная среди тряпья, картофельных кожурок, бутылочных осколков и прочих обитателей мусорки. Но нашу героиню среди хлама нашел художник. Перекатив ее по широкой ладони, он вдруг разглядел в ней что-то такое, ради чего она,

быть может, и появилась в нашем мире. После этого лампочка стала частью художественного произведения и служит высокому искусству.

Вот такую историю, достойную пера Г.Х. Андерсена, узнал я в мастерской известного художника Константина Шкурпелы. Студия живописца – это прообраз нашего мироздания. Здесь уживаются контрасты, соседствуют самые различные вещи. Рядом с мандолиной высятся металлические бюсты Ленина. Фарфоровые скульптурки работниц, исполненные в духе соцреализма – сейчас уже антиквариат – «проживают» невдалеке от мотков проволоки. В довольно большом количестве имеются дверные ручки, разделочные доски, терки, на которых хозяйки когда-то терли овощи. Все эти вещи служат художнику для выражения своих творческих исканий. Из предметов обихода мастер создает работы, которые называет – пластическими объектами. По-разному воспринимают зрители такие произведения Константина Алексеевича, но главное одно – никто не остается равнодушным. Композиции, составленные из привычных вещей и образов, прописанных масляными красками, через ассоциативные восприятия позволяют по-иному взглянуть на пространство вокруг нас. В подобном стиле выполнена серия работ «Рыботерапия», которая хорошо запомнилась завсегдатаям выставок и людям, интересующимся живописью.

В пространстве, ограниченном картинными рамами, хищно поблескивают отточенными лезвиями ножи, зубастые пилы. К каждому из режущих предметов художник «приписал» масляными красками тело рыб. Получившиеся монстры подводного царства наталкивают на мысль о том, как может повлиять прогресс на экологию и что, уродуя окружающую среду, человеческая цивилизация создает чудовищ.

В том же стиле исполнена серия работ «К тайнам природы». На них острые края кухонных терок блестят совсем как рыба чешуя. Художник дорисовывает хвост, голову – и чудо-рыбина появляется на деревянных досках от ящика для фруктов. А рядом с монстрами, словно контрастируя с изображением, написаны цитаты из правил юных биологов, ну, к примеру, такие: «Оберегать редких представителей флоры и фауны края» и так далее.

– Человек, обитая в живой природе, создал свой мир, по

отношению к которому выступает как творец, – считает Константин Алексеевич. – Но пространство изобретенных нами вещей изменяет все, что окружает человека, и чаще всего эти изменения происходят не в лучшую сторону.

Это одна из главных идей работ живописца. Художник любит снабжать свои произведения дверными ручками. Ручка является частью двери. Дверь – это своего рода вход в другое пространство, а значит, каждая работа с дверной ручкой дает возможность зрителю открыть для себя еще одну грань мироздания.

Шкурпела, вглядываясь в предметы, видит в них что-то индивидуальное, необычное. Его первая творческая выставка, написанная под впечатлением увиденного после поездки на стройку в Казармане, произвела в свое время прямо-таки фурор. Критиков тогда возмутило то, что молодой художник запечатлел не труд строителей коммунизма, а привез серию картин, где было изображено то, что окружало работников стройки. Главными героями зарисовок стали помятые ведра, стоптанные башмаки. Для самого автора в этих отслуживших вещах таились судьбы, истории, трагедии. К примеру, вмятины на поверхности ведра он выписывал как морщины на многострадальном лице пожилого человека, отработавшего свой жизненный срок и угасающего в забвении.

Несколько лет назад художник побывал в Баткене. Жил у знакомых, и полтора месяца не выходил со двора, соблазнившись колоритом южного быта. В основном главными героями полотен стали, конечно же, вещи – тандырная печь, беседка, дверь на террасу. Каждое живописное творение впечатляет многоцветием, своей удивительной объемностью. Краски, формы, настроение, мысли – все это он трепетно и внимательно собирал для зрителя, чтобы потом расплескать на холстах.

Художникам его поколения в чем-то повезло: борьба соцреализма с нонконформизмом, противостояние течений и идей в живописи давали пищу для творческих размышлений, поиска истины и форм самовыражения. С развалом Союза живописцы оказались каждый на своей дороге идеологической и экономической. Каждый вынужден был определять свои творческие границы и бюджет. Герой нашего рассказа нашел свою точку фило-

софского взгляда на призвание художника. Для него художник – это историк своего времени, фиксирующий знаки века на холстах, дощечках от ящиков, разделочных досках.

Константин Алексеевич не ищет признания, не гонится за модой, не копирует свои прежние работы, принесшие успех.

– Есть такая практика, когда покупателю цена не по карману и он просит художника написать копию, но на меньшем холсте и за меньшую сумму. У меня так не получается. Каждая работа – индивидуальность, я создаю образы, которые уже не смогу повторить, – говорит художник.

Для него главное – оставаться творчески свободным, не зависеть от заказчиков и критиков. Такая самостийность не мешает Константину Алексеевичу. Работы Шкурпелы пользуются спросом у ценителей изобразительного искусства, коллекционеры покупают картины мастера, отслеживают творческие успехи. А трудится он с удивительной работоспособностью. В год из-под руки художника появляется на свет до ста работ.

Живописец с улыбкой ребенка

Многоцветие, присущее холстам этого художника, на первый взгляд ставит в тупик. Цветовые гаммы, хаос линий – все это создают ощущение, что перед тобой разноцветная аппликация. Но приглядишься внимательней – цвета, и линии сами собой складываются в очень добрые картинки из нашей жизни. Вот такие работы у столичного художника Ормонали Идирисова.

Несколько лет назад по информационным агентствам и СМИ нашей страны прошла информация о том, что на выставке в Канаде работы нашего соотечественника художника Ормонали Идирисова получили высокое признание. Тогда у живописца брали интервью, а у знатоков искусства возникло пристальное внимание к работам и Идирисова. Появилась гордость за наших мастеров кисти и мольберта – они «куют» в своих мастерских славу Кыргызстана.

Минуло время, и Ормонали Идирисов продолжает писать картины, частенько участвует в выставках, творческих поездках. Но самым любимым местом для Ормонали является, пожалуй, не столько заграничные страны и их достопримечательности, а

его мастерская. В большую светлую комнату он приходит после своей преподавательской деятельности в Академии художеств. Приходит сюда и в выходные, и в праздники: чтобы писать, размышлять или побыть наедине со своими мыслями. «Искусство создается в одиночку, и состояние внутреннего уединения просто необходимо для творческого человека», – считает мой собеседник.

А еще он считает, что родился художником и ни чем иным не мог бы заниматься.

– Все, что я умею хорошо делать – это писать картины и вкусно поесть, – шутит Ормонали. Насчет картин с ним трудно не согласиться.

Работы его очень чистые, добрые. Их сюжет вроде бы незатейлив: мальчик верхом на ослике с бидонами для воды. Синяя ночь, три тополя, собака, домик с плоской крышей и горящее окно. Или картина под названием «Восточный базар», которая притягивает цветастостью, яркостью. В этих полотнах удивляет синтез детского восприятия мира и мастерства зрелого художника. Они теплые, мягкие. Из детских воспоминаний черпает художник свое вдохновение. А когда он шутит, в крупных чертах его лица крепкого мужчины вдруг появляется добрая улыбка большого ребенка.

На долгие годы запали в его душу первые впечатления от яркого, удивительного мира, который его окружал, и уже с малых лет в нем живет неодолимое желание рисовать.

– Мама работала на табачных плантациях и часто брала меня с собой. После полива земля подсыхала и становилась ровной, мягкой. Я помню, как сидел и выводил веточкой линии и завитушки, – вспоминает художник. – А еще рисовал на свободных от текстов оборотных сторонах книжных обложек.

Для сельской семьи такое влечение ребенка к изобразительному искусству было как-то в диковинку. Родители долго не обращали внимания на пристрастие Ормонали и не покупали ему альбомов и карандашей. Ну, а первое признание к юному таланту пришло в лет семь.

– К отцу в гости приехал родственник, – говорит Ормонали. – Был он верхом на лошади. И отец, зная мою способность к рисованию, позвал меня и попросил изобразить гостя. Для меня

такое доверие отца было важным, хотелось не подвести. Я очень волновался, старался, чтобы получилось. Каким вышел рисунок, я сейчас не помню, но вот родственнику, изображенному верхом на лошади, работа пришлась по душе. Он очень удивлялся, что вышел таким похожим. И потом, когда бы и где бы меня ни встречал, все время вспоминал и рассказывал всем вокруг о том, как я удачно нарисовал.

Поэтому проблем с выбором будущей профессии у нашего героя не было. После окончания школы он отправился в Ленинград учиться на художника. Пять лет ушло на то, чтобы доказать преподавателям и мастерам из Ленинградского высшего художественного промышленного училища им. В. Мухомовой, что он достоин находиться в рядах его студентов. А было это сделать сложно, ведь для зачисления в учебное заведение подобного уровня необходимо было иметь за плечами как минимум художественную школу. Город на Неве дал Идирисову многое в профессиональном плане, и о пяти годах, когда подрабатывал, жил на съемных квартирах и ежегодно подавал документы о приеме на учебу, не жалеет.

– Это особый город. Там все – здания, скульптуры и памятники, мосты – дают мощный толчок к творчеству, желанию достичь подобного уровня, – считает живописец. – Сейчас мне обидно, что многое из тех своих художественных зарисовок я не сохранил. Ушли в небытие интересные работы.

Отучившись, вернулся в Кыргызстан, чтобы начать свой путь в живописи. Прекрасно овладев классическим стилем, Ормонали потратил немало лет, чтобы выработать свой стиль, свое, присущее только ему, видение мира. Как я уже упоминал, его работы аппликационны, ярки.

– Мне кажется, что главное в картине – это цвет. Многоцветные гаммы сразу бросаются в глаза зрителю, вызывают интерес к работе, а потом, присмотревшись, люди видят, что изображено на ней, что кроется под многоцветием, – рассказывает художник.

Главный критик живописных работ для Ормонали – его жена. Она тоже профессиональный художник, и потому ей первой он показывает результаты своих творческих поисков и достижений. По стопам родителей пошел и сын. Как кормилец, Ормонали дол-

жен думать не только о творческой стороне дела, но и о доходах. Основные покупатели картин в нашей стране – иностранцы.

– Большинство работ современных художников Кыргызстана уходят за рубеж. С одной стороны, это радует – о нашем крае узнают там, куда отвозятся картины. Но, с другой стороны, это обедняет отечественную культуру. Какой-то пласт развития нашего народа будет утерян, – размышляет художник.

На своих холстах он частенько пытается запечатлеть и частичку себя. В работе «Художник и модель» среди цветowych пятен, пластики линий в углу притаился силуэт мастера. Такая идея подачи портрета так понравилась одному иностранцу, что он просил написать подобное, только с его собственным силуэтом. Иностранцы граждане заказывают и портреты своих детей в стилистике работ Оромонали Идирисова. «Если заказчик - человек, понимающий толк в живописи, работать легко, а бывают и такие, что начинают учить художника, как надо рисовать», – рассказывает наш герой. Поэтому больше всего он любит писать под воздействием собственного вдохновения, и это ему с успехом удается.

Художник Куринских

Этот живописец в школе по рисованию частенько получал двойки, да и вообще любил прогуливать уроки. Сухие цифры, теоремы и тексты диктантов не привлекали будущего художника. Манила его к себе река, большое удовольствие получал от блуждания по болотам. Любил наблюдать за жизнью головастика, лягушек и других обитателей подводного мира. Так бы и не сдружился он с холстом и кистями, если бы не несчастный случай. В горах подростка за ногу укусила змея. Дома парнишка ничего не сказал, а к утру ногу раздуло. Отравленного ядом положили в больницу и здесь, разглядывая кожу вспухшей ноги, покрытую разводами синеватых и зеленоватых оттенков, наш герой вдруг заинтересовался таким понятием, как «цвет» и попросил маму ... купить ему акварель.

Сегодня картины художника Петра Куринских есть в зарубежных частных коллекциях, экспонируются на различных художественных выставках. У него очень много работ, исполненных в

сюрреалистической манере. В мастерской живописца меня привлек холст под названием «Мост», по исполнению очень напоминающий стилистику Сальвадора Дали. Между двух облаков перекинут мост, на котором громоздятся всевозможные вещи, образы. «Мост это наша жизнь, — объясняет Петр Михайлович смысл картины. — Мы приходим из небытия и уходим в неизвестность и все, чем является наша жизнь — это наши мысли, идеи, и вещи, что мы создаем вокруг себя».

Работы Петра Куринских — это философские размышления о мире и о человеке. «Современник» — на картине, изображен изломанных линий силуэт не то человека, не то какого-то мифического существа. В интерпретации мастера — это наше внутреннее Я, ломкое, бесформенное, ведь слишком часто приходится нам подстраиваться, подлаживаться под различные ситуации, моменты торопливо бегущей жизни. А порой вдохновляет просмотр телевизора. Увидев на экране велеречивого депутата, мастер кисти пишет сюрреалистический портрет «Красноречивый человек» — существо с большим носом, размашистыми руками, колоколообразным ртом.

Мир людей ранит творческого человека. Суета, толкотня, а порой и просто хамство заставляют задуматься о том, как изменить такое мироустройство, избавить его от людской грубости и беспощадности. Петр Михайлович приходит в мастерскую и пишет, создает на холстах свой мир — то, что хотел бы увидеть, или то, что могло бы заставить задуматься зрителей при просмотре его работ. Картина «Яблоко раздора» наводит на невеселые размышления о всевозможных противостояниях, которыми так богата наша жизнь. Напротив друг друга изображены две большие миски, из которых воинственно вздымаются ложки, между этими столовыми приборами зажато яблоко, напоминающее чем-то нашу планету.

Для моего собеседника картины как дети. Они требуют внимания, заботы со стороны создателя. По собственному признанию Петра Михайловича — это часть его души, энергия, выплеснутая на холст.

— Прихожу в мастерскую и чувствую, что картины общаются со мной. Одни требуют доработки, другие «советуют» что-то изменить, подправить. Природа, дав человеку талант, потом тре-

бует от него реализации этих способностей, – считает художник и в этом видит смысл своего творчества.

Когда он устает от кистей и красок, то берется за гармонию. Играть на музыкальном инструменте научил брат. Петр Михайлович любит развернуть меха, сыграть русскую плясовую или попытаться наиграть что-то свое, то, что близко переживаниям на данный момент. Порой, вслушиваясь в звучания гармошки, он находит ответ на долгие размышления о том, как написать ту или иную картину.

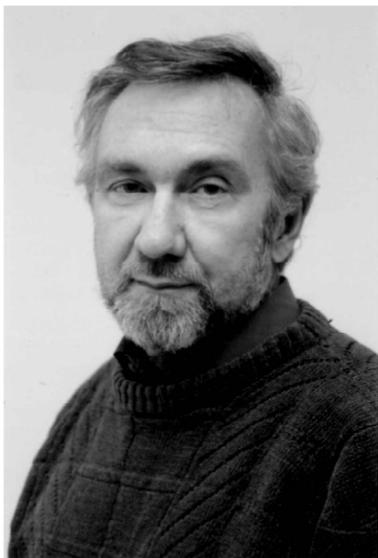
А еще Петр Куринских увлекается, и очень серьезно, стихосложением. Его стихи напоминают японскую поэзию. В них он выражает свое восхищение перед природой, награждая ее человеческими качествами. Горы у него «разочарованные», трава «грустная», но всегда присутствует доброе отношение к живому миру вокруг нас. Судите сами:

От звучной тишины цветку уютно
От травяных поклонов
Воспомяненья старины

С не меньшей серьезностью и ответственностью Петр Михайлович обучает живописи детвору.

– Дети знают больше и чувствуют этот мир намного тоньше, чем мы. Мне нравится их душевная чистота, свобода мышления, – говорит он. – Есть у меня в группе одна ученица. Все воспринимает в штыки, с каким-то вызовом. Никак не мог найти к ней подход, а потом как-то предложил ей: – «Нарисуй мне плохое настроение». И она нарисовала волосатые облака и волосатое небо. С тех пор даю ей очень необычные задания, и девочка нестандартно и удивительно просто изображает на бумаге очень сложные чувства и переживания.

В детях мой собеседник пытается развивать их индивидуальность, нестандартность, и, наверное, старается дать то, что в свое время не смог получить в школе от своих преподавателей. И совсем не стесняется того, что многому и в творчестве, и в жизни учится у своих юных учеников.

Слово свое сказавший

Покинул поле жизни Виктор Виноградов – замечательный писатель, журналист, работавший в «Литературном Кыргызстане» в самый пик его популярности. То была вторая половина восьмидесятых годов, когда бурно зарождалась демократия, когда тяга к писательскому слову, безусловная вера в него были особенно велики в

обществе. Виктор пришел в журнал из учительства, пришел молодым, полным замыслов и надежд, чтобы поведать читателю о том, что его волновало, ранило его чутко восприимчивую душу. В опубликованных на страницах «ЛК» повестях и рассказах он показывал, как отражается на судьбах его поколения все происходящее в нашей стране, каким странным, в исканиях и метаниях, предстает перед ним внутренний мир его героев – как правило, коллег-учителей, врачей и ученых. Знание психологии молодой интеллигенции того времени позволяло Виноградову создавать такие характеры, рисовать такие драматические ситуации, которые привлекали к себе внимание широкой читательской аудитории. Его проза была пронзительно-достоверной, таковой она и останется для тех, кто к ней прикасался и прикасается поныне.

Спустя годы, когда все преобразования в большой стране завершились сплошной суверенизацией республик, Виктора потянула к себе журналистика. Вскоре он выдвинулся в ряд первоклассных публицистов, стал обладателем всевозможных премий и наград. При этом его связи с «ЛК» постоянно оставались самыми добрыми, дружескими. Порою не только творческими.

В период лихих переделов редакцию попытались оставить без помещения, и он сразу же, как и многие крупные деятели культуры, встал на ее защиту, помог отстоять справедливость. Высокие профессиональные качества Виктора Виноградова всегда сочетались с человечностью, отзывчивостью, стремлением отринуть беду, если она над кем-нибудь нависала.

Он был с нами и пребудет в нас до самых последних дней наших.

Коллектив редакции «ЛК»

Коротко об авторах

Алексей АГИБАЛОВ

Родился в 1940 году. Окончил музыкальное училище им. Гнесиных (г. Москва). Занимался педагогической деятельностью. Знаменитый гитарист-семиструнный, композитор. Дипломант Международных фестивалей. Единственный композитор, пишущий произведения для гитары с симфоническим оркестром. Автор книги «Плач гитары» и ряда рассказов, опубликованных в «Литературном Кыргызстане». Увлекается альпинизмом и горными лыжами.

Дмитрий АЩЕУЛОВ

Родился в городе Фрунзе, окончил Бишкекский архитектурно-строительный колледж. С 1998 года печатается в журнале «Литературный Кыргызстан». В 1999 году стал лауреатом республиканского литературного конкурса «Наследники пушкинского пера». В 2010 году вышел сборник его рассказов «Бальтазар Неверро». Работает в республиканской газете «Слово Кыргызстана».

Альфред ЕНГАЛЫЧЕВ

Родился 30 мая 1941 года в городе Самарканд Узбекской ССР. В г. Фрунзе проживает с 1945 года. Инженер-строитель, выпускник Фрунзенского политехнического института. Трудился в Киргизии, в северных краях России, в Казахстане. Продолжает трудиться инженером - проектировщиком. Женат, имеет сына, дочь, четверых внуков. Семье более 50 лет. Первые стихи опубликованы в газете «Слово Кыргызстана» в 2006 году. Печатался в журналах «Литературный Кыргызстан», «Жаны Ала-Тоо». Сборник стихов издан в 2007 году в издательстве «Турар», готовится к изданию новый сборник.

Виктор КАДЫРОВ

Кадыров Виктор Вагапович – родился в 1955 году в городе Бишкеке (Фрунзе). Окончил Политехнический институт, специальность – инженер-электрик. С 1992 года работает в книжном деле. Им создана книготорговая сеть «Раритет». С 1988 года возглавляет издательство «Раритет». Кадыровым подготовлено и издано

более 60 книг по природе, истории и этнографии Кыргызстана. С 2003 года издательство выпускает сборники сказок и сказочные повести, написанные Кадыровым на основе киргизских народных эпосов. Им также изданы три прозаических сборника – «Коровы пустыни», «Золото Иссык-Куля» и «В поисках дракона».

Нурлан КАЛЫБЕКОВ

Поэт и переводчик Нурлан Калыбеков родился 21 сентября 1973 года в Кыргызстане. Окончил Кыргызский государственный национальный университет. Лауреат молодежной премии правительства Кыргызской Республики. Автор четырех поэтических книг на русском и кыргызском языках. Учился в Москве в семинаре знаменитого советского поэта Юрия Поликарповича Кузнецова. Работает в Национальном Союзе писателей КР.

Александр КРЯЧУН

Родился в 1951 году в селе Ленин-Джол (ныне село Ноокен) Джалал-Абадской области. Там же в 1968 году окончил 10 классов. Служил в армии, в ракетных войсках. В 1974 году окончил Фрунзенский политехнический техникум. С 1974 по 2002 год работал в топографо-геодезических экспедициях по Средней Азии. Как самодеятельный художник неоднократно выставлял свои картины на выставках Бишкека.

Выпустил книгу прозы. Живет и работает в Смоленске. Ежегодно приезжает в Кыргызстан. Неоднократно публиковался в «ЛК».

Владимир МЕДВЕДЕВ

Родился в 1944 году в Забайкалье, на озере Кинон и в малом возрасте переехал с родителями в Таджикистан, где прожил большую (на настоящий момент) часть жизни. Работал монтером ПТС, сезонным рабочим в геологических и гидрологических отрядах, учителем в кишлачной школе, репортером и фотокорреспондентом в молодежной и вечерней газетах, тренером, инженером-патентоведом в КБ... Сейчас заведует отделом в журнале «Дружба народов». В 2007 году в издательстве «Лимбус Пресс» вышла книга его рассказов «Охота с кукуем».

Валерий САНДЛЕР

Родился в 1940 году на Украине. Журналист. Многие годы работал на радио, в газете «Вечерний Фрунзе», зав. отделом публицистики, ответсекретарем «Литературного Кыргызстана». Автор книг «Не время ждать отбоя», «Верность трудовому слову», «Опечатка». В начале 90-х годов уехал в Америку, работал редактором отдела газеты «Новое русское слово». Ныне, постоянно проживая в США, выпустил две книги – «Чем дальше, тем роднее» и «Разлучили корни с кроной...».

Сергей СТЕПАНОВ

Родился в 1961 году на Украине, в Донецке. В столице Кыргызстана обосновался в середине 1980-х годов. По профессии журналист, редактор; работал в популярных изданиях республики. Член Союза журналистов СССР, член Союза журналистов России. Увлекается философией, живописью, классической музыкой, фотографией. Направления творчества: малая проза, поэзия, публицистика. Лауреат Первой премии литературного конкурса «Арча» (2012 г., номинация «Поэзия»). В июне 2012 года выпустил в издательстве «Турар» сборник стихотворений «Азият».

Николай ТРУХАНОВ

Окончил в начале семидесятых годов прошлого века Фрунзенский политехнический институт, два с лишним десятилетия проработал инженером-механиком на заводе имени Ленина. Уже тогда стал увлекаться туризмом, горными лыжами, а позже – еще и парусным спортом. Это увлечение, заполняя его до краев, и побудило взяться за перо, чтобы рассказывать о людях, которым приобщение к миру природы, сближение с ней дает ощущение крыленности, полета. В 2007 году вышел сборник рассказов и повестей Труханова «Пора звездопадов». Постоянный автор «Литературного Кыргызстана»

Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терезуловой

Подписано в печать 2.11.2012 г. Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Усл. печ. л. 13,687 Заказ 82.

Тираж 300 экз.